

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	539—571
Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ (продолженіе). Свящ. Т. Буткевича	572—587
Замѣчанія. Владиміра Соловьева	588—591
Нѣсколько мыслей по поводу замѣчаній г. Соловьева на статьи „Наши новые философы и богословы“. Т. Стоякова	592—607
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицкаго	395—412
Отношеніе перваго христіанскаго философа къ языческой философій. А. Сергіевскаго	413—429
Къ вопросу о необходимости учрежденія при нашихъ университетахъ психологическихъ обществъ. Д-ра медицины А. Шилтова	430—435
Письма философа Сенеки (продолженіе). * * *	436—442
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленныхъ грамотъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Программа занятій съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго бытъ 11 іюня сего 1885 года.—Списокъ пожертвованій въ пользу пострадавшей отъ пожара семинарскаго церкви.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчпой лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьв. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πιστεῖ νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Мая 15 дня 1885 года

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

—
(Продолженіе *)

ХІ.

Сторонники мира, окружавшіе императора со всѣхъ сторонъ, — лица, пользовавшіяся на него такимъ личнымъ вліяніемъ, передъ которымъ отступало по временамъ на второй планъ даже вліяніе такого желѣзнаго характера, какъ Штейнъ, пользовались для проведенія своихъ цѣлей не только указаніями на печальные опыты прошлаго, доказавшіе неопровержимо непобѣдимость Наполеона, но и на текуція событія дня, на далеко неутѣшительныя, по ихъ мнѣнію, вѣсти, приходившія съ театра войны. И въ самомъ дѣлѣ, могли-ли внушить эти вѣсти какую-нибудь надежду на поворотъ счастья, на близкую побѣду русскаго оружія, могли-ли онѣ поддержать императора Александра въ его колебаніяхъ, въ его тяжелой внутренней борьбѣ? Мы думаемъ, что на такіе вопросы можно отвѣчать только отрицательно. Правда, на театрѣ войны подготавлился великій поворотъ, но подготовленіе это совершалось чрезвычайно медленно, оно было незамѣтно для непосвященнаго глаза; возможность поворота счастья казалась сомнительною даже лицамъ, стоявшимъ во главѣ арміи. Два момента приобрѣтаютъ въ это время рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы: это флан-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1885 г. № 8.

говое положеніе, занятое русскою арміею по отношенію къ Москвѣ и непріятеля, и непонятная, на первый взглядъ, хотя и достаточно мотивированная бездѣятельность, въ которую впадаетъ Наполеонъ послѣ взятія и пожара Москвы. Остановимся нѣсколько на развитіи этихъ обоихъ моментовъ; отъ него зависитъ дальнѣйшій ходъ внутренней борьбы въ душѣ самого русскаго императора.

Въ Панкахъ, въ 15 верстахъ отъ Москвы, состоялось рѣшеніе перевести всю русскую армію, посредствомъ такъ называемаго фланговаго движенія, съ Рязанской на Тульскую дорогу. Это былъ первый шагъ къ тому спасительному маневру, который передвинулъ наши вооруженныя силы на старую Калужскую дорогу и поставилъ ихъ въ то грозное, фланкирующее положеніе, по отношенію къ непріятелю, которое имѣло такое важное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ войны. Не будемъ разбирать подробно вопроса, кому принадлежитъ счастливая мысль этого движенія: самому-ли Кутузову, какъ утверждаетъ это большинство нашихъ историковъ, Бенингсену-ли, какъ доказываетъ это онъ самъ въ письмѣ къ императору Александру, полковнику-ли Кроссару, какъ говоритъ онъ это въ своихъ мемуарахъ, полковнику-ли Толлю, наконецъ, какъ думаетъ Бернгарди *). Кому-бы ни принадлежала свѣтлая и

*) Мнѣніе, что мысль фланговаго движенія принадлежала самому Кутузову, подтверждено было Михайловскимъ-Данилевскимъ въ его исторіи войны 1812 г.; но тотъ-же авторъ говоритъ совершенно иначе объ этомъ вопросѣ въ своей русскою біографіи гр. Толля. Тутъ онъ приписываетъ всю заслугу одному Толлю. Вотъ его подлинныя слова: „Mettant à part les services qu'il a rendu, et ne considerant que deux de ses idées: celle de mouvement laterale de la route de Riazane sur celle de Kalouga l'anne 1812 et... il resulte qu'il peut être placé à côté des premiers generaux de son siecle“. Особенно настоятельно доказывалъ эту заслугу Толля Бернгарди (см. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 166, 167), за что сильно ополчились противъ него наши quasi патриоты. Госнода эти дошли, наконецъ, до того, что призвали къ себѣ на помощь свидѣтельство самого Толля. Уловка крайне безтактная и совершенно неудачная! (См. „Русскій Архивъ“ за 1873 годъ, стр. 411). Ермоловъ приписываетъ идею фланговаго движенія Бенингсену, ничѣмъ, однако-же, не доказывая своего мнѣнія. Вотъ его слова: „Мысль сія принадлежитъ генералу Бенингсену и онъ настаивалъ, чтобы скорѣе перейти на Калужскую дорогу“. (См. записки Ермолова, стр. 216). Кроссаръ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ первый развилъ мысль фланговаго движенія въ кружкѣ штабныхъ офицеровъ, что, по ихъ настоянію, онъ предлагалъ свой

здравая мысль фланговаго движенія, но во всякомъ случаѣ ея осуществленіе повело, на первый разъ, къ дальнѣйшему отступленію нашей арміи. Невозможно было совершать фланговаго движенія въ виду непріятели; необходимо было отойти назадъ еще на одинъ переходъ, поставить между собою и непріятеlemъ охранительную преграду рѣки Пахры. Переходъ этотъ былъ совершенъ безъ всякаго затрудненія. Уже 4-го сентября, въ тотъ самый день, когда Наполеонъ принужденъ былъ бѣжать отъ пожара изъ Кремля, армія наша переправилась благополучно черезъ Москву-рѣку у Боровскаго моста и расположилась между Кулаковымъ и Егоровымъ, подъ прикрытіемъ рѣки Москвы и впадающей въ нее Пахры. Дальнѣйшее передвиженіе арміи отъ Боровска къ Подольску на Тульской дорогѣ сопряжено было, повидимому, съ большими опасностями. Трудно было допустить, чтобы непріятель остался въ полномъ невѣдѣніи на счетъ нашихъ намѣреній, чтобы, имѣя въ непосредственной близи къ намъ весьма значительныя силы, въ томъ числѣ цѣлыя массы конницы, онъ не помѣшалъ нашему движенію и не атаковалъ наши колонны во время самаго марша. Въ виду такихъ возможностей армія наша производила свои движенія съ величайшею осторожностью. Нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, посланные впередъ для розысканія позиціи для арміи подъ Подольскомъ, не хотѣли вѣрить, чтобы непріятель не выслалъ свои развѣзды за Пахру. Въ каждой деревнѣ, лежавшей на пути, они ожидали наткнуться на французовъ, но къ удивленію все шло благо-

планъ на благоусмотрѣніе генераловъ Бенningсена и Барклая-де-Толли. См. *Mémoires de Baron Crossard*. T. I. стр. 370—373. Богдановичъ замѣчаетъ по этому поводу въ своей исторіи отечественной войны (см. т. II, стр. 334): „Иностранные писатели, стараясь лишить Кутузова заслуженной славы, сплелы доказать, что первоначальная мысль объ этомъ фланговомъ движеніи не принадлежитъ нашему полководцу, и что самое движеніе сіе было ошибочно (тутъ указаніе на Бернгарди и Вольцогена, изъ которыхъ первый вовсе не доказываетъ, что фланговое движеніе было ошибочно) ... Легко можетъ статься, что это фланговое движеніе было предложено Кутузову Толлемъ, или кѣмъ-либо другимъ... во всякомъ случаѣ, для славы Кутузова достаточно и того, что онъ, умѣвъ оцѣнить достоинства сего соображенія, искусно приуготовилъ средства къ его исполненію и заблаговременно направилъ продовольственные запасы къ такимъ пунктамъ, откуда они могли прибыть во-время къ арміи на Калужскую дорогу“.

получно и нигдѣ не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ непріятеля *). Столь-же безпрепятственно совершился въ теченіи слѣдующаго дня (5-го сентября) переходъ всей нашей арміи къ Подольску **). На Рязанской дорогѣ оставлены были только два казачьихъ полка подъ начальствомъ полковника Ефремова. Они должны были поддерживать въ непріятелѣ убѣжденіе, что армія наша продолжаетъ свое отступление въ юго-восточномъ направленіи къ Рязани. Трудно было рассчитывать на успѣхъ этого обмана, но невѣроятное, почти невозможное предположеніе оправдалось и на этотъ разъ. Начальникъ непріятельскаго авангарда, Мюратъ оставался въ полнѣйшемъ бездѣйствіи до самаго 10-го сентября. Онъ былъ твердо увѣренъ, что русскія массы отошли за Оку къ Рязани и не предпринялъ ровно ничего для уясненія дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Причина такого страннаго поведенія столь дѣятельнаго военачальника, какъ Мюратъ, ясна: подобно всѣмъ французскимъ генераламъ, подобно самому Наполеону, Мюратъ былъ вполне убѣжденъ, что война окончена, что потеря Москвы заставитъ Россію заключить миръ ***). Въ виду этой пріятной перспективы, король неаполитанскій считалъ бесполезнымъ всякое дальнѣйшее кровопролитіе и вовсе не спѣшилъ мѣнять удобства московской жизни на невзгоды и лишенія бивуака.

Въ Подольскѣ наша армія оставалась не долго ****). Убѣдившись, что непріятель ни мало не мѣшаетъ нашему фланговому движенію, осторожный Кутузовъ рѣшился подвинуться еще

*) Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ и подполковникъ Гартингъ, голландскій эмигрантъ. Его положеніе было особенно непріятно, такъ какъ онъ зналъ отлично, что въ случаѣ плѣна ему грозитъ смертная казнь. (См. Бернгарди. Т. II, стр. 174.

**) „Сокрытые, говоритъ Кроссаръ, мракомъ ночи и цѣпью холмовъ, тянувшихся вдоль рѣки, мы совершили быстрый и смѣлый переходъ“. Memoires de Crossard. T. IV, стр. 374.

***) См. объ этомъ, въ особенности, Бернгарди. Т. II, стр. 168.

****) „Подъ Подольскомъ, говоритъ Ермоловъ, князь Кутузовъ пробылъ безъ всякой надобности двое сутокъ. За одну сію ошибку непріятель сдѣлалъ двѣ грубѣйшія“, т. е. не предупредилъ насъ при переправѣ черезъ Москву-рѣку и принялъ казаковъ на Рязанской дорогѣ за арріергардъ нашей арміи. Ермоловъ. Записки, стр. 216.

далѣе на западъ, перевести армію на старую Калужскую дорогу и пріобрѣсти тѣмъ возможность дѣйствовать во флангъ и въ тылъ непріятеля и угрожать его сообщеніямъ съ Смоленскомъ *). Изъ всѣхъ генераловъ, окружавшихъ Кутузова, противорѣчилъ, по обыкновенію, только одинъ Беннингсенъ. Онъ, доказывавшій впоследствии, что мысль о переходѣ на старую Калужскую дорогу принадлежала ему лично, настаивалъ въ дѣйствительности, чтобы армія оставалась подъ Подольскомъ на Тульской дорогѣ и ожидала здѣсь наступленія непріятеля **). Кутузовъ, поддерживаемый Толлемъ, отвергъ, однако-же, эту полумѣру и уже утромъ 6-го сентября наша армія снялась съ своей стоянки подъ Подольскомъ и, пройдя 18 верстъ по лѣвому берегу Пахры, остановилась у Красной Пахры. На другой день 8 сентября Милорадовичъ и Раевскій, остававшіеся въ теченіи всего 6-го числа у Подольска съ нашимъ арьергардомъ, двинулись въ свою очередь впередъ. Милорадовичъ съ восьмымъ пѣхотнымъ и первымъ кавалерійскимъ корпусомъ занялъ позицію у деревни Десны, на рѣчкѣ того-же имени, впереди нашихъ главныхъ силъ. Раевскій съ 7 пѣхотнымъ и 4 кавалерійскимъ корпусомъ остановился у Луковни, чтобы прикрывать армію со стороны Рязанской дороги. Изъ Красной Пахры Кутузовъ доносилъ государю: „До сихъ поръ я получаю извѣстія, что непріятель, обманутый моимъ кажущимся движеніемъ, слѣдуетъ за казаками по Рязанской дорогѣ. Это доставляетъ мнѣ ту выгоду, что армія, совершивъ вчера новый фланговый маршъ и отрядивъ сильныя партіи къ Можайску, должна сильно беспокоить тылъ непріятеля. Этимъ средствомъ я надѣюсь довести непріятеля до того, что онъ будетъ искать сраженія со мною, отъ котораго я, располагая удобною позиціею, могу ожидать такого-же успѣха, какъ и при Бородинѣ“.

9-го сентября наши главныя силы отступили за Пахру и

*) Клаузевицъ полагаетъ, что Кутузовъ первоначально не думалъ идти далѣе Подольска. *Der Feldzug von 1812 in Russland.*

**) См. Бернгарди: „Толль убѣдилъ фельдмаршала сдѣлать еще одинъ переходъ, хотя Беннингсенъ противорѣчилъ рѣшительно и полагалъ, что надо остаться подъ Подольскомъ“. Т. II, стр. 177.

расположились въ позиціи, заранѣе избранной Бенингсеномъ. Передъ фронтомъ позиціи текла въ глубокомъ оврагѣ рѣка, доставляя достаточное прикрытіе. Рѣшившись расположиться здѣсь на болѣе продолжительное время, Кутузовъ рѣшилъ въ тоже время открыть мелкую войну на флангѣ и въ тылу непріятели и выдвинулъ съ этою цѣлью, по направленію къ Можайску, нѣсколько полковъ кавалеріи и казаковъ подъ начальствомъ генераль-маіора Дорохова. Дороховъ расположился съ главною частью своихъ силъ у Шарапова на новой Калужской дорогѣ и послалъ партіи на пути сообщенія непріятели съ Смоленскомъ.

Въ то время когда наши войска совершали эти чрезвычайно важныя фланговые марши, французы опустили совершенно изъ виду русскую армію. Твердое убѣжденіе, что походъ оконченъ, что желанный миръ близокъ, страшное утомленіе и беспорядокъ, послѣдовавшій за пожаромъ Москвы, подорвали прежнюю энергію непріятельскихъ военачальниковъ. Самые предприимчивые изъ нихъ впали въ полнѣйшую апатію и стали окончательно неузнаваемы. Мюратъ оставилъ даже авангардъ подъ Боровскимъ мостомъ и уѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву. Самъ Наполеонъ, встревоженный и озабоченный московскимъ пожаромъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней не вспоминалъ о русскихъ. Только 7-го сентября шпионы внезапно напомнили ему о существованіи непріятели. Они допесли, что непріятель повернулъ на Тульскую дорогу. Это извѣстіе крайне встревожило Наполеона. Начальники авангарда получили строгій приказъ немедленно-же двинуться впередъ и открыть во чтобы то ни стало расположеніе русскихъ силъ. Мюрату было предписано наступать по Рязанской дорогѣ; Цоптовскій долженъ былъ перейти съ Рязанской дороги на Тульскую и подвинуться къ Подольску; наконецъ, маршалъ Бессьеръ съ 4 кавалерійскимъ корпусомъ и съ пѣхотною дивизіею Фредерикса долженъ былъ изслѣдовать мѣстность между Десною и Подольскомъ. Всѣ названные генералы не торопились, однако-же, особенно исполнить приказы императора. Отъ Десны, гдѣ стоялъ еще 7-го числа Милорадовичъ, до Москвы всего съ небольшимъ 20 верстъ и, одна-

коже, прошло цѣлыхъ два дня, пока войска Бессьера достигли, наконецъ, этого пункта. Между тѣмъ Наполеонъ получилъ извѣстіе, что между Можайскомъ и Москвою появились уже казачьи разъѣзды. Тревога императора усилилась. Ему доносили, что казаки захватили муниціонный паркъ и взорвали его на воздухъ, и что на другой день они захватили въ плѣнъ два эскадрона драгунъ. Въ то же время сдѣлалось извѣстно, что казаки явились въ самыхъ окрестностяхъ Москвы и прервали сообщенія между отрядами Мюрата, Понятовскаго и Бессьера. Наполеонъ рѣшился положить предѣлъ этимъ дерзкимъ покушеніямъ непріятеля. Старая энергія, казалось, пробудилась въ немъ съ новою силою. На Можайскую дорогу былъ выдвинутъ изъ Москвы сильный отрядъ конницы; всѣмъ транспортамъ предписано было идти съ величайшими предосторожностями и не иначе какъ подъ прикрытіемъ. Самъ Наполеонъ намѣревался выступить изъ Москвы со всѣми силами, атаковать русскихъ и отбросить ихъ за Оку. Но для этого необходимо ему было получить точныя извѣстія: по какой именно, Тульской или Рязанской дорогѣ расположенъ непріятель *). Во всѣхъ приказахъ, отданныхъ въ эти дни Наполеономъ, выражается крайняя степень нетерпѣливаго ожиданія. „Императоръ, пишетъ маршалъ Бертье Мюрату, ожидаетъ съ нетерпѣніемъ новыхъ положительныхъ данныхъ“. И нѣсколько строкъ ниже: „повторяю, императоръ съ крайнимъ нетерпѣніемъ желаетъ имѣть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля“ **).

Повукаемые самимъ императоромъ, французскіе генералы двинулись, наконецъ, впередъ. Мюратъ переправился черезъ Москву-рѣку 10-го сентября, отгѣснилъ казаковъ Ефремова по Рязанской дорогѣ до Бронницъ и вскорѣ убѣдился, что въ этомъ направленіи кромѣ казаковъ нѣтъ другихъ русскихъ

*) *Toute l'armée est prêt à se mettre en mouvement et l'empereur est décidé à rejeter l'ennemi derrière l'Oka* и т. д. Chambray, *Pieces justificatives*, № 37.

**) „L'empereur attend avec impatience des nouvelles positives“. — „Je vous récitere que l'empereur est tres-impatient de savoir à quoi s'en tenir sur les mouvements d' l'ennemi“. Chambray.

войскъ. Въ тотъ-же самый день выступили Понятовскій и Бессьеръ. Первый долженъ былъ дойти въ тотъ-же день до Подольска, но прошелъ только половину пути; Бессьеръ подвигался также крайне медленно, тѣмъ не менѣе ему удалось собрать кое-какія свѣдѣнія о непріятелѣ *). Оказалось, что русская армія оставила уже окрестности Подольска, а что въ Деснѣ стоитъ только небольшой отрядъ. Несмотря на новые крайне настоятельные приказы Наполеона, начальники авангарда продолжали двигаться впередъ какъ-бы оцупью, или просто по цѣлымъ днямъ не трогались съ мѣста. Только 12 сентября войска Бессьера показали, наконецъ, подъ Десною, но, встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны русскаго авангарда, не успѣли даже занять этой деревушки. Въ тотъ-же день вечеромъ Понятовскій занялъ, наконецъ, Подольскъ; что-же касается до Мюрата, то, потерявъ напрасно цѣлыхъ два дня подъ Бронницами, онъ соединился 13 числа съ Понятовскимъ у Подольска.

Приближеніе непріятеля со стороны нашего праваго фланга подняло въ русской главной квартирѣ сильную тревогу. Предстояло рѣшить вопросъ: слѣдуетъ-ли ожидать непріятеля въ позиціи у Красной Пахры, или-же уклониться отъ всякой встрѣчи съ нимъ. На военномъ совѣтѣ высказывались, какъ и всегда, самыя противоположныя мнѣнія. Барклай совѣтовалъ остаться на мѣстѣ и ожидать спокойно дальнѣйшаго развитія непріятельскихъ намѣреній **). Бенингсенъ, справедливо полагавшій, что подъ Подольскомъ сосредоточена только небольшая часть непріятельскихъ силъ, предлагалъ, поручивъ оборону Пахры и старой Калужской дороги отряду генерала Милорадовича, двинуть всю армію вправо и энергически атаковать непріятеля подъ Подольскомъ. Ему возражали, что такое движеніе крайне опасно, такъ какъ весьма вѣроятно, что по Тульской дорогѣ наступаетъ самъ Наполеонъ съ главною массою своихъ силъ, что въ такомъ случаѣ можно запутаться

*) О медленности французскихъ генераловъ см., между прочимъ, Бернгарди, т. II, стр. 184.

**) „Но не совѣтовалъ съ непріятелемъ вступать въ бой подъ Красною Пахрою“, какъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій. См. Бернгарди. Т. II, стр. 185.

въ сраженіе при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, и въ случаѣ неудачи быть не только отрѣзаннымъ отъ Калуги, но и брошеннымъ на Верею и Можайскъ, что можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Бенингсенъ отвѣчалъ, что Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ наступать съ своими главными силами черезъ Подольскъ, такъ какъ въ этомъ направленіи онъ рискуетъ потерять свои сообщенія съ Москвою и Смоленскомъ *). И Барклай и Бенингсенъ съ жаромъ отстаивали свои мнѣнія, но старый фельдмаршалъ отдалъ предпочтеніе третьему плану, предложенному Толлемъ. По мнѣнію Толля не слѣдовало отваживаться теперь-же на рѣшительный бой съ непріателемъ,—бой, который ни въ какомъ случаѣ не могъ дать удовлетворительнаго результата. Несравненно лучше подождать прибытія сильныхъ подкрѣпленій, а пока расположить армию въ такой позиціи, которая-бы не могла быть обойдена непріателемъ, которая прикрывала-бы наши собственныя источники и угрожала въ то-же время сообщеніямъ непріателя. Въ такой позиціи можно спокойно возстановить порядокъ въ арміи и пополнить убыль, а затѣмъ, при наступленіи выгоднаго момента, атаковать непріателя рѣшительно и со всѣми силами. Калуга, Тула и Брянскъ, доказывалъ далѣе Толль,—вотъ тѣ пункты, которые особенно нуждаются въ прикрытіи. Въ Калугѣ собираются всѣ подкрѣпленія для арміи, сюда-же направляются всѣ транспорты; въ Тулѣ же и Брянскѣ находятся наши важнѣйшія оружейныя фабрики, арсеналы и литейные заводы. Какую-же мѣстность слѣдуетъ избрать для прикрытія всѣхъ этихъ трехъ важнѣйшихъ пунктовъ? Три дороги ведутъ изъ Москвы въ Калугу: такъ называемая старая Калужская дорога направляется черезъ Красную Пахру и Тарутино, она самая прямая и короткая; къ западу отъ нея ведетъ такъ называемая Новая дорога черезъ Боровскъ и Малоярославецъ; наконецъ, третій путь направляется сначала по Тульской дорогѣ до Серпухова на Окѣ, и затѣмъ поворачиваетъ на западъ къ Калугѣ. Толль доказывалъ, что для защи-

*) Объ этомъ военномъ совѣтѣ см. между прочимъ: записки о войнѣ 1812 г. князя А. Б. Голицына, состоявшаго въ безсмѣнныхъ ординарцахъ при князѣ Кутузовѣ; въ особенности-же Бернгарди. Т. II, стр. 185—186.

ты всѣхъ трехъ дорогъ всего выгоднѣе расположить армію подъ Тарутиномъ, такъ какъ этотъ пунктъ запираетъ съ одной стороны старую Калужскую дорогу, а съ другой стороны даетъ возможность предупредить непріятеля какъ подъ Серпуховымъ, такъ и подъ Малоярославцемъ. Толль присовокупилъ, что подъ Тарутиномъ ему извѣстна позиція, правда не безупречная, по все-же настолько выгодная, насколько можно ожидать этого въ ровной лѣсной мѣстности *).

Такъ какъ Кутузовъ рѣшительно одобрилъ мнѣніе Толля, то пренія въ военномъ совѣтѣ прекратились сами собою. Уже 14 сентября наша армія отступила къ Бабенкову на Мочѣ. Арьергардъ сосредоточился у Горокъ подъ начальствомъ Милорадовича и Раевского. Въ позиціи при Мочѣ наша армія оставалась въ теченіи нѣсколькихъ дней. Бенингсенъ вновь началъ возставать противъ дальнѣйшаго отступленія къ Тарутину. Позиція при Мочѣ казалась ему настолько выгодна, что въ головѣ его поднялись опять смѣлые наступательные планы. Здѣсь, доказывалъ онъ ежечасно Кутузову, необходимо ожидать непріятеля и дать ему рѣшительный отпоръ. Кутузовъ, отлично понимавшій интриги Бенингсена, попалъ въ самое затруднительное положеніе. Не желая брать на себя отвѣтственности за дальнѣйшее отступленіе арміи, онъ совершенно неожиданно, къ удивленію всѣхъ окружающихъ, предложилъ дѣйствовать Бенингсену по собственному соображенію. „Вы командуете арміею! я здѣсь не болѣе какъ волонтеръ! гг. адъютанты и офицеры генеральнаго штаба, отнынѣ вы должны принимать приказанія отъ генерала Бенингсена!“ **)—объявилъ онъ во всеуслышаніе. Бенингсенъ былъ, повидимому, у цѣли. Ничто не мѣшало ему теперь осуществить свои геройскіе планы, показать передъ глазами всей арміи свои блестящіе стратегическіе таланты. Сопровождаемый многочисленною и блестящею свитою, отправился онъ немедленно-же на

*) Доводы Толля подробно изложены у Бергарди, который пользовался при этомъ подлинными документами.

**) Объ всемъ этомъ крайне странномъ эпизодѣ рассказываетъ подробно Бергарди; онъ беретъ свои свѣдѣнія и тутъ изъ первоначальныхъ документовъ. См. Т. II стр. 192—193.

рекогносцировку. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ разѣзжалъ онъ по берегамъ Мочи, погруженный въ глубокомысленныя соображенія, но съ каждою минутою лице его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Офицеры генеральнаго штаба замѣчали, какъ онъ облизывалъ языкомъ губы, что всегда обозначало у него большое затрудненіе *). Наконецъ, Бенингсенъ возвратился къ старому фельдмаршалу, и, къ общему удивленію, объявилъ, что въ этой мѣстности невозможно дать сраженіе. „Ces diables des français ont toujours l'avantage du terrain de leur cote!“ **)—добавилъ онъ съ видимымъ замѣшательствомъ по-французски. Кутузовъ встрепенулся при этихъ словахъ.—„En ce cas je reprend le commandement!“ ***)—воскликнулъ онъ съ необычной для него живостью. „Господа! опять ко мнѣ!“—обратился онъ вслѣдъ затѣмъ по-русски къ адъютантамъ и штабнымъ. „Петръ Петровичъ (Коновницынъ) напишите диспозицію къ отступленію“ ****).

Эти странныя сцены, характеризующія какъ нельзя лучше главныхъ дѣйствующихъ лицъ, происходили въ русскомъ лагерѣ 18 сентября. 19 сентября армія отступила къ Спасъ-Куплѣ, а 20 расположилась въ укрѣпленномъ Тарутинскомъ лагерѣ за рѣкою Нарою. Непрiятель, подъ начальствомъ Мюрата, тѣснилъ во время отступленія нашу арьергардъ, а затѣмъ расположился бивуаками на рѣчкѣ Чернишнѣ, на разстояніи семи верстъ отъ нашихъ позицій.

Позиція при Тарутинѣ отличалась значительными преимуществами. Вдоль всего фронта протекала рѣка Нара, ширина ея равнялась 50 шагамъ, глубина доходила до трехъ футовъ. Долина рѣки покрыта была по мѣстамъ болотами, ея склоны не были особенно высоки, но мѣстами чрезвычайно круты; вся мѣстность подымалась по направленію къ лагерю и мог-

*) „Drei Stunden brachte er in Betrachtungen zu, das Gefolge bemerkte aber bald, dass er anfangs die Zungenspitze über die Lippen hin und her zu ziehen, was bei ihm immer das Zeichen grosser Verlegenheit war“. Bernhardi. T. II, стр. 193.

**) „Эти дьяволы французы имѣютъ всегда на своей сторонѣ преимущества мѣстности“.

***) „Въ такомъ случаѣ, я принимаю опять команду“.

****) Бернгарди. T. II, стр. 193.

ла быть удобно обстрѣливаема нашею артиллеріею. На правомъ флангѣ лагеря простирались обширныя лѣса; они охватывали нашу позицію съ тылу и были настолько велики, что не могли быть заняты нашими войсками. Это обстоятельство составляло важнѣйшую невыгодную сторону позиціи. Чтобы помочь хотя сколько-нибудь бѣдѣ, въ лѣсу устроены были за-сѣки; вдоль всего фронта воздвигнуты были земляныя укрѣпленія и вооружены сильною артиллеріею *). Но всѣ эти мѣры предосторожности оказались совершенно излишними. Непрiятель давно уже отказался отъ своихъ смѣлыхъ наступательныхъ плановъ. Спокойно, почти неподвижно стояли войска обѣихъ сторонъ другъ противъ друга въ теченіи цѣлыхъ двухъ недѣль. Война, повидимому, замерла окончательно сама собою, безъ всякихъ соглашеній.

Причина такого продолжительнаго бездѣйствія заключалась въ томъ мирномъ настроеніи, которое рѣшительно овладѣло въ это время императоромъ Наполеономъ. Чѣмъ далѣе оставалась французская армія въ разрушенной и опустошенной Москвѣ, тѣмъ хуже и безнадежнѣе становилось ея положеніе. Дисциплина упала окончательно, и всѣ попытки возстановить ее рѣшительно не удавались. Солдаты, разъ привыкшіе къ своеволю и безчинству, не могли быть возвращены къ порядку и повиновенію ни грозными приказами, ни суровыми наказаніями. Громадныя запасы муки и съѣстныхъ припасовъ всякаго рода выдѣланныхъ кожъ, сукна, полотенъ, уцѣлѣвшіе отъ пожара, были разграблены и уничтожены самымъ легкомысленнымъ образомъ. За прежнею роскошью и избыткомъ не замедлила наступить страш-

*) Описанія Тарутинской позиціи см. у Бернгарди, т. II, стр. 196; у Богдановича, т. II, стр. 379. Кроссаръ замѣчаетъ объ укрѣпленіяхъ Тарутинскаго лагеря: „Укрѣпленія, воздвигнутыя Кутузовымъ на Бородинскомъ полѣ, обошлись такъ дорого арміи Бонапарте, что русскій генералиссимусъ не отказывался и теперь отъ этой драгоцѣнной системы. Бонапарте потерялъ цѣль своей арміи при взятіи Бородинскихъ редутовъ, Кутузовъ хотѣлъ выкопать теперь новыя могилы для цѣля тѣхъ войскъ, которыя будутъ оспаривать у него вновь нѣсколько миль пространства. Онъ спѣшилъ постройкою укрѣпленій по всѣмъ пунктамъ линіи. Искуснѣйшіе изъ его инженеровъ, уже испытанные въ подобныхъ сооруженіяхъ, соперничали при этомъ другъ съ другомъ въ дѣятельности и искусствѣ“. *Memoires de Crossard*, стр. 376.

ная нужда. Солдаты продолжали грабить уже по причинѣ голода, и не было возможности удержать ихъ отъ грабежа. Даже самыя отборныя войска, и тѣ начали подавать ежедневно примѣръ самаго грубаго нарушенія дисциплины. „Беспорядки и грабежи усиливаются болѣе нежели когда-либо въ рядахъ старой гвардіи, говорится въ приказѣ отъ 27 сентября. Императоръ усматриваетъ съ сожалѣніемъ, что отборный отрядъ, назначенный охранять его особу и подавать всѣмъ остальнымъ примѣръ воинскаго порядка, забывается до того, что грабятъ магазины и погреба, назначенные для продовольствія арміи. Нѣкоторые обезчестили себя до того, что оскорбляли часовыхъ и даже своихъ собственныхъ начальниковъ“ *).

Если французскіе солдаты, обремененные добычею и терзаемые въ то-же время голодомъ, думали только о грабѣжѣ, то легко себѣ представить, въ какомъ печальномъ положеніи находилась вся продовольственная часть армейскаго управленія. На содержаніе многочисленныхъ лошадей, отъ которыхъ зависѣло спасеніе арміи, не обращено было съ самаго занятія Москвы должнаго вниманія. Запасы сѣна и овса частью погибли во время пожара, частью были растасканы и уничтожены впоследствии. Фуражировки въ опустошенныхъ окрестностяхъ столицы были не только бесполезны, но и опасны. На близкомъ разстояніи все было давно уже разграблено и выжжено; на болѣе далекомъ могли фуражировать только значительныя отряды, да и тѣ подвергались нерѣдко нападеніямъ со стороны нашихъ легкихъ войскъ и вооруженныхъ крестьянъ. Оставленные безъ корма, артиллерійскія, обозныя и даже кавалерійскія лошади скитались по огородамъ и бульварамъ, грызли кору на деревьяхъ и падали тысячами каждый день. Многіе кавалерійскіе полки превратились уже въ это время въ пѣшіе, въ другихъ осталось по нѣсколько десятковъ лошадей.

*) Ordre du jour du 29 Sept. 1812. Въ приказѣ отъ 6-го октября говорилось: „Всѣ офицеры, всякихъ чиновъ, проходя съ войсками мимо императора, должны салютовать шпагою его величеству. Сегодня, на разводѣ, это не исполнилось. Герцогъ Данцигскій, поставилъ на видъ офицерамъ такое неисполненіе обязанностей, предписываетъ начальникамъ всѣхъ частей войскъ, чтобы они наблюдали за порядкомъ службъ“.

Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что Наполеонъ, зайдя въ Москву, попалъ въ ловушку, выйти изъ которой будетъ для него тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ долѣе будетъ онъ оставаться въ ней. Въ то время, когда его собственная армія неудержимо таяла съ каждымъ днемъ и теряла послѣдніе остатки дисциплины и прочной организаціи, вокругъ Москвы раскидывалась цѣлая цѣпь русскихъ легкихъ войскъ и партизанскихъ отрядовъ, отрѣзывавшихъ непріятеля отъ окрестной страны и всякихъ источниковъ жизни и наносившихъ ему каждый день громадный уронъ.

Всѣ пути, ведущіе изъ Москвы въ различныя стороны, были заняты массами только что сформировавшагося ополченія; эти массы служили опорными точками и прикрытіями для тѣхъ многочисленныхъ партизанскихъ отрядовъ, которые появлялись то и дѣло подъ самыми стѣнами Москвы и особенно беспокоили Можайскую дорогу. Тверское ополченіе стояло въ Твери; впереди его выдвинуть былъ конный отрядъ Винцингероде. Ярославское ополченіе прикрывало у Переяславля Залѣскаго Ярославскую дорогу; Владимірское защищало у Покрова дорогу во Владиміръ. Рязанское ополченіе, сосредоточенное у Дѣднева, охраняло дороги въ Рязань и Касимовъ, Тульское занимало правый берегъ Оки отъ Алексина до Каширы. Калужская милиція собралась въ Калугѣ и отрядила сильный отрядъ для прикрытія Брянска.

Съ тѣхъ поръ какъ наша главная армія укрѣпилась въ Тарутинскомъ лагерѣ, князь Кутузовъ, отлично понимавшій все значеніе партизанской войны, немедленно отрядилъ нѣсколько легкихъ отрядовъ на пути сообщенія непріятеля и всѣми мѣрами поощрялъ предприимчивость партизанскихъ начальниковъ, давалъ имъ казаковъ, снабжалъ оружіемъ. 26 новыхъ казачьихъ полковъ, прибывшихъ въ это самое время съ Дона въ Тарутинскій лагерь, давали русскому главнокомандующему полную возможность организовать партизанскую войну въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ то время, какъ Дороховъ дѣлалъ постоянныя наѣзды на Можайскую дорогу, захватилъ приступомъ городъ Верею, при чемъ ему удалось взять въ плѣнъ цѣлый баталіонъ Вестфальцевъ, подполковникъ Давы-

довъ *) дѣйствовалъ на пространствахъ между Можайскомъ и Вязмою, а другой партизанъ, князь Вадбольскій дѣйствовалъ въ самыхъ окрестностяхъ Можайска. Поручикъ Фонъ-Визинъ свирѣпствовалъ съ казачьею партіею на Боровской дорогѣ, капитанъ Сеславинъ дѣйствовалъ между Боровскомъ и Москвою; капитанъ артиллеріи Фигнеръ истреблялъ непріятелей въ самыхъ окрестностяхъ Москвы; полковникъ князь Кудашевъ дѣйствовалъ на Серпуховской дорогѣ; полковникъ Ефремовъ на Рязанской. Такимъ образомъ летучіе отряды, высланные отъ нашихъ главныхъ силъ, занимали все пространство къ югу отъ Москвы, отъ Вязмы до Бронницъ. Генералъ Винцингероде, стоявшій на сѣверѣ у Клина по большой Тверской дорогѣ, въ свою очередь высылалъ партизановъ къ Москвѣ и Можайску. Съ этой стороны дѣйствовали полковникъ Бенкендорфъ, маіоръ Прендель, подполковникъ Чернозубовъ и многіе другіе.

Предоставленные самостоятельному дѣйствованію, замѣчаетъ Богдановичъ **), русскіе партизаны должны были прабѣгать въ особеннымъ мѣрамъ предосторожности: двигаться, большею частью, по проселочнымъ дорогамъ, либо даже по тропинкамъ, безъ шума, переходить быстро съ одного мѣста на другое, располагаться на отдыхъ въ лѣсахъ и оврагахъ, безъ передовыхъ постовъ. Никто, кромѣ начальника отряда, не зналъ, куда идетъ онъ и съ какою цѣлью дѣйствуетъ. Получивъ свѣдѣніе отъ крестьянъ или отъ разъѣздовъ о близости непріятеля, партизанскій начальникъ отправлялся съ нѣсколькими офицерами и казаками на рекогносцировку, старался высмотрѣть окрестную мѣстность и силу противника, и, возвратясь къ своимъ, принималъ мѣры для нападенія, либо, если непріятель былъ не по силамъ, давалъ знать о томъ ближайшимъ изъ нашихъ отрядовъ, а иногда и въ главную квартиру. Извѣстія доставлялись чрезъ офицеровъ либо крестьянами, которые являлись изъ лѣсовъ и другихъ убѣжищъ къ партизанамъ, служили имъ проводниками, пере-

*) Первый по времени изъ русскихъ партизановъ былъ подполковникъ Ахтырскіа гусарскаго полка, Давыдовъ. См. сочиненія Давыдова, стр. 447.

**) См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“, т. II. стр. 379—380.

давали свѣдѣнія отъ нихъ въ армію и вооружались для содѣйствія имъ, получивъ отбитое у непріятеля оружіе. Нападеніе на непріятеля производилось обыкновенно неожиданно, быстро, съ различныхъ сторонъ. Если партизаны имѣли возможность доставить захваченныхъ ими плѣнныхъ въ главную квартиру, то отсылали ихъ подъ конвоемъ изъ казаковъ и поселянъ; если-же, по значительному отдаленію, или по малочисленности отряда, препровожденіе плѣнныхъ въ армію оказывалось невозможнымъ, то иногда ихъ истребляли*.

Типомъ настоящаго партизана былъ капитанъ Фигнеръ *). Это былъ человѣкъ, ненавидѣвшій Наполеона какъ личнаго врага. Онъ готовился къ смерти съ самаго начала отечественной войны, ходилъ ежедневно по церквамъ и молился, обливаясь слезами. По занятіи непріателемъ Москвы, Фигнеръ въ теченіи нѣсколькихъ дней, съ разрѣшенія главнокомандующаго, оставался въ городѣ. Смѣлый, ловкій, способный на всевозможныя роли, отлично говорившій по-французски, онъ по цѣлымъ днямъ прогуливался по Москвѣ, одѣтый то свѣтскимъ франтомъ, то простымъ крестьяниномъ. Отважно пробирался онъ въ дома, занимаемые французскими начальниками, высматривалъ и вывѣдывалъ все. Собравъ вокругъ себя нѣсколько рѣшительныхъ человѣкъ изъ жителей и снабдивъ ихъ оружіемъ, онъ ночью истреблялъ одиночныхъ непріятельскихъ солдатъ и искалъ случая убить самого Наполеона. Но вскорѣ Фигнеръ оставилъ Москву и выступилъ въ качествѣ начальника партизанскаго отряда. Его отчаянная храбрость равнялась его необычайной хитрости и беспощадной жестокости. Нерѣдко онъ пробирался въ непріятельскіе лагеря, ловко разыгрывая роль французскаго офицера. Всѣхъ плѣнныхъ, попадавшихся въ его руки, онъ убивалъ безъ пощады, или же отдавалъ на жертву разъяреннымъ крестьянамъ. Его дѣйствія и страшный вредъ, наносимый имъ непріятелю, характеризуются лучше всего его собственными донесеніями.

„О причиненномъ непріятелю вредѣ, говоритъ онъ уже въ

*1) Подробности о дѣйствіяхъ Фигнера у Богдановича, „Исторія отечественной войны“, т. II, стр. 382—385.

своемъ первомъ донесеніи, имѣю честь донести слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблено все продовольствіе; 2) въ селахъ, лежащихъ между Тульской и Звенигородскою дорогами, побито до 400 человѣкъ; 3) на Можайской дорогѣ взорванъ паркъ: шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а восемнадцать ящиковъ, симъ орудіямъ принадлежащіе, взорваны. При орудіяхъ взяты: полковникъ, 4 офицера и 58 рядовыхъ. Не взирая на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали въ своихъ командахъ совершенный порядокъ, отчего въ самыя мрачныя ночи, въ лѣсахъ, едва днемъ сквозящихъ, марши были быстры, а слѣдствія оныхъ непріятелю губельны. Перенося равнодушно голодъ и стужу, презирая опасность среди многочисленнаго непріятели, они поселяли твердость и надежду въ солдатахъ". — „Нынѣ, въ полдень, писалъ Фигнеръ въ слѣдующемъ своемъ донесеніи, между большою арміею и авангардомъ побью и возьму нѣсколько плѣнныхъ. Не малая часть кавалеріи непріятельской направлена будетъ противъ меня. Увѣдомляю для того, что можетъ быть наша армія симъ воспользуется". Въ третьемъ донесеніи читаемъ: „Вчера я узналъ, что вы безпокоитесь узнать о силахъ и движеніяхъ непріятели. Чего ради вчера же былъ у французовъ одинъ, а сегодня посѣщаль ихъ вооруженною рукою, послѣ чего опять имѣлъ съ ними переговоры. О всемъ случившемся посланный мною къ вамъ ротмистръ Алексѣевъ лучше расскажетъ, ибо я боюсь расхвастаться".

Фигнеръ превосходилъ всѣхъ остальныхъ партизановъ хитростью и жестокостью, но многіе другіе не уступали ему въ бѣшеной отвагѣ и необычайной предприимчивости. Полковникъ князь Кудашевъ атаковалъ съ нѣсколькими сотнями казаковъ четыре баталіона французовъ, разбилъ ихъ совершенно и захватилъ въ плѣнъ около 200 человѣкъ *). Давыдовъ съ 360 всадниками разбилъ подъ Вязмою сильный непріятельскій отрядъ, сопровождавшій транспортъ, захватилъ громадную добычу и 150 плѣнныхъ. Черезъ два дня Давыдовъ совершенно уничтожилъ другой непріятельскій отрядъ въ окрестностяхъ

*) Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 385.

Вязьмы. На слѣдующій затѣмъ день онъ атаковалъ, въ селѣ Юрьевѣ, три баталіона непріятелей, взялъ въ плѣнъ сто сорокъ человекъ, а нѣсколько сотъ положилъ на мѣстѣ. Болѣе ста солдатъ, засѣвшихъ въ деревнѣ и не хотѣвшихъ сдаться, были сожжены живьемъ, вмѣстѣ съ сараями, гдѣ искали они себѣ убѣжища *).

Дѣйствія партизановъ причиняли непріятелю прежде всего громадный матеріальный уронъ. До конца сентября они взяли въ плѣнъ около 15000 человекъ, истребили вѣроятно столько же и уничтожили массы непріятельскаго фуража и артиллерійскихъ снарядовъ **). Еще важнѣе было другое послѣдствіе партизанскихъ дѣйствій: фуражировки для малыхъ непріятельскихъ отрядовъ сдѣлались невозможными. Для сбора припасовъ, для сопровожденія транспортовъ приходилось отправлять цѣлыя отряды пѣхоты и конницы съ артиллеріею. На Можайской дорогѣ пришлось размѣстить цѣлыя массы войска. Французская армія, стоявшая въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, была совершенно изнурена этими необычными и тяжелыми командировками. И что всего хуже, эти чрезвычайныя усилія оставались въ концѣ концовъ безъ надлежащихъ результатовъ. Фуражиры не могли найти припасовъ въ опустошенныхъ окрестностяхъ столицы. Проскитавшись безъ пользы нѣсколько дней, выдержавъ нерѣдко нѣсколько нападеній партизановъ, они возвращались въ большей части случаевъ въ Москву съ пустыми руками. Вскорѣ не только лошади, но и люди начали изнемогать отъ голода. Непріятельскіе солдаты принуждены были довольствоваться самою скудною, или испорченною и нездоровою пищею. Прежде французы брезгали хорошимъ ржанымъ хлѣбомъ, теперь они пекли хлѣбъ изъ подмокшей, полугнилой муки. Конина, галки и вороны считались уже лакомствомъ. Соли не было вовсе, пришлось замѣнять ее порохомъ; вмѣсто сала стали употреблять сальныя свѣчи. Въ холодныя и сырыя ночи, за недостаткомъ дровъ, часто не разводили вовсе огня, дрогли отъ стужи, валяясь на сырой землѣ ***). Болѣзни страш-

*) Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. II, стр. 381—82.

***) См. Веригарди. Т. II, стр. 206.

***) См. Ein Jahr aus meinem Leben. Стр. 146—148.

но распространились въ войскахъ. Свирѣпствовали, по преимуществу, желудочныя и простудныя лихорадки, тифозныя горячки и т. п. Госпитали были переполнены, въ медикаментахъ ощущался страшный недостатокъ *). Къ физическимъ страданіямъ присоединялись нравственныя. Уныніе, упадокъ духа распространились во всей арміи. Солдатами, въ особенности новобранцами, овладѣвала тоска по родинѣ, неодолимое желаніе вырваться во чтобы то ни стало, и какъ можно скорѣе, изъ этой ужасной страны, изъ этого пустыннаго пожарища, зараженнаго тлетворнымъ гніеніемъ тысячей непогребенныхъ труповъ.

Виновникъ столькихъ ужасающихъ страданій своей собственной арміи, императоръ Наполеонъ вступилъ въ Москву съ твердымъ упованіемъ, что Александръ, потрясенный потерей своей древней столицы, поспѣшитъ заключить миръ. Московскій пожаръ поколебалъ, однако-же, въ немъ эти надежды. „Развѣ люди, рѣшившіеся сжечь Москву, могутъ заключить миръ черезъ нѣсколько дней послѣ этого“ **), — вотъ мысль, которая не давала ему покоя съ того момента, когда онъ принужденъ былъ бѣжать отъ пожара изъ Кремля въ Петровскій дворецъ. Но если нельзя заключить миръ, то необходимо идти впередъ, нанести новые удары непріятелю, сломить во чтобы то ни стало его послѣднее сопротивленіе. Только такой образъ дѣйствій былъ возможенъ для Наполеона, только онъ одинъ могъ предохранить его отъ страшнаго паденія. И Наполеонъ дѣйствительно мечтаетъ о новомъ наступленіи, онъ составляетъ планъ похода на Петербургъ ***), онъ хочетъ окончательно разгромить Россію, уничтожить ея значеніе, какъ великой державы. За взятіемъ Петербурга должно послѣдовать раздробленіе и уничтоженіе Россіи. Великая Московская имперія должна исчезнуть съ лица земли. Наполеонъ образуетъ обширное Польское королевство и возложить на себя корону

*) См. Lamasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzugs von 1812.

***) См. „Русскій Архивъ“ 1876 г. кн. III, стр. 57.

***) Объ этомъ планѣ см. Fain, Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 93—97; C-te de Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II, стр. 60—63; Тьеръ, Histoire du Consulat et de l'empire, кн. 26.

Ягелоновъ. Онъ создастъ для князя Понятовскаго особое герцогство Смоленское, онъ окружить Польшу цѣлымъ рядомъ мелкихъ государствъ, образованныхъ изъ русскихъ губерній и учредить Вислянскую конфедерацію, точно также какъ учредилъ онъ Рейнскій союзъ въ Германіи *). Не одна сила оружія, но и другія средства помогутъ ему осуществить этотъ гигантскій планъ. Онъ освободитъ русскихъ крѣпостныхъ и привлечетъ ихъ на свою сторону **), онъ разыщетъ потомковъ удѣльныхъ князей и размѣститъ ихъ на тронахъ вассальныхъ государствъ. Особенно разсчитываетъ онъ на князей Долгорукихъ, пострадавшихъ такъ много въ прежнія царствованія. Онъ приказываетъ розыскать въ московскихъ архивахъ и библіотекахъ всѣ документы, относящіеся до Пугачева; онъ думаетъ пустить въ ходъ для обольщенія народа русскаго тѣ же средства, которыя употреблялъ знаменитый самозванецъ ***). Онъ разсчитываетъ поднять противъ русскаго владычества татаръ и собирается послать въ Казань своихъ эмиссаровъ ****). Но прежде всего необходимо закончить побѣдоносно войну взятіемъ Петербурга. День и ночь работаетъ геніальный умъ великаго завоевателя надъ планомъ этого новаго похода. Столы его кабинета заложены картами Россіи, со всею подробностью размѣчаетъ онъ на нихъ разноцвѣтными булавками движеніе своей арміи на сѣверную Пальмиру. Онъ продикто-

*) Всѣ эти свои намѣренія Наполеонъ сообщалъ графу Дарю, а отъ этого послѣдняго слышалъ ихъ одинъ изъ французовъ, жившихъ тогда въ Москвѣ. См. „Русскій Архивъ“ 1876. стр. 296.

***) Мысли объ освобожденіи русскихъ крѣпостныхъ сильно занимала Наполеона. См. между прочимъ его разговоръ съ m-me Оберъ-Шальме въ Петровскомъ дворцѣ. Chev. d'Ysarn, Relation стр. 14—15, Arm. Domergues. La Russie pendant les guerres de l'empire. Т. II. стр. 73—75 и „Русскій Архивъ“ 1876 г. стр. 55.

***) Chevalier d'Ysarn, стр. 34—35.

****) Chambray, Histoire de l'expédition en Russie, Т. II, стр. 214; Fain, Manuscrit de 1812. Т. II, стр. 140. Получивъ извѣстіе отъ своего губернатора изъ Вильны, генерала Гогендорпа, что нѣкоторые изъ плѣнныхъ татаръ изъявляютъ готовность служить въ его войскахъ, Наполеонъ немедленно отвѣчалъ ему, что „всѣ способы умножить конницу дѣроги, ничего не должно оставлять безъ вниманія. Вы пишете, что плѣнные татары пламенно желаютъ стать подъ мои знамена. Смѣло можно составить изъ нихъ полкъ, если найдется тысяча человѣкъ съ лошадьми. Надо содѣйствовать этому“.

ывааетъ своимъ секретарямъ первоначальныя диспозиціи, онъ сообщаетъ о своихъ намѣреніяхъ маршаламъ *). Но уже тутъ онъ встрѣчаетъ первое препятствіе. Только одинъ его пасынокъ, вице-король итальянскій, хватается съ энтузіазмомъ за его новую гениальную мысль; всѣ остальные маршалы относятся къ ней съ критикою, съ недоувѣріемъ. Впервыя Наполеонъ встрѣчаетъ противорѣчіе со стороны своихъ неустрашимыхъ сподвижниковъ. Всѣхъ маршаловъ страшитъ этотъ новый походъ на далекій сѣверъ на встрѣчу зимѣ, которая уже близка, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшается высказать прямо этой мысли. Они говорятъ Наполеону о другихъ, впрочемъ тяжеловѣсныхъ обстоятельствахъ. Они напоминаютъ ему, что для войскъ необходимъ покой, что необходимо время для излеченія раненыхъ или отправленія ихъ въ Смоленскъ, что армія истратила большую часть своихъ припасовъ, что ощущается полный недостатокъ въ продовольствіи, фуражѣ, одеждѣ. Нужно не мало времени, говорятъ они, для приведенія арміи въ такое положеніе, чтобы она могла спокойно рѣшиться на новый далекій походъ. Возможно-ли также, спрашиваютъ они, очистить Москву и двинуться на сѣверъ, оставляя въ тылу своемъ русскую армію? Правда, эта армія разбита подъ Бородиномъ, но она не уничтожена, она скрылась изъ вида нашего, мы не имѣемъ даже точнаго понятія о ея настоящемъ расположеніи и численности. Не лучше-ли въ виду всего этого остаться пока въ Москвѣ, все еще богатой припасами, и если идти уже куда-нибудь, то идти на югъ, истребить боевые и продовольственные запасы русскихъ въ Тулѣ и Калугѣ и нанести имъ тѣмъ новый, быть можетъ, рѣшительный ударъ. Не слѣдуетъ-ли также попытаться заключить миръ съ непріателемъ; вѣдь этотъ послѣдній исходъ будетъ, быть можетъ, едва-ли не самый лучший.

Наполеонъ, вопреки своему нраву, не терпѣвшему ни

*) Планъ похода на сѣверъ составленъ былъ не въ Петровскомъ дворцѣ, въ началѣ сентября, какъ утверждаетъ это Fain, а въ концѣ сентября въ Московскомъ Кремлѣ. Въ началѣ сентября, не смотря на пожары, Наполеонъ не чувствовалъ еще ни малѣйшей надобности идти на Петербургъ и считалъ все дѣло оконченнымъ взятіемъ Москвы. См. Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire. T. XVI, к. XXVI.

малѣйшаго противорѣчія, выслушивалъ на этотъ разъ терпѣливо и снисходительно возраженія своихъ маршаловъ. Онъ не настаивалъ особенно на своемъ планѣ въ первый разъ въ жизни, онъ уступалъ совѣтамъ своихъ боевыхъ товарищей. Въ дѣйствительности, онъ уступалъ вовсе не имъ, а силѣ обстоятельствъ. Лучше кого-либо изъ маршаловъ зналъ онъ дѣйствительное положеніе своей арміи и понималъ, что походъ на сѣверъ немыслимъ, до тѣхъ поръ пока не рѣшится судьба русской арміи, до тѣхъ поръ, пока его собственное войско не прійдетъ въ надлежащій порядокъ. И онъ не меньше своихъ сподвижниковъ желалъ мира, и онъ считалъ его лучшимъ исходомъ изъ всѣхъ затрудненій, но онъ уже сомнѣвался въ его возможности. „Если тѣ, объявилъ онъ маршаламъ, на которыхъ упадетъ обвиненіе за поджогъ Москвы, имѣютъ силу въ кабинетѣ Александра, то всѣ надежды на миръ тщетны. Впрочемъ надо, чтобы выяснились обстоятельства“.

И Наполеонъ ждетъ этого выясненія. Проходить нѣсколько томительныхъ дней и обстоятельства начинаютъ дѣйствительно выясняться, но они выясняются въ смыслѣ очевидно неблагоприятномъ для французскаго императора. Пожаръ Москвы прекратился, затихъ нѣсколько и грабежъ, но дисциплина великой арміи поколеблена въ самыхъ основахъ, а громадныя запасы, которыхъ хватило-бы на цѣлую зиму, по большей части истреблены. Передовыя французскія войска открыли, наконецъ, непріятеля, но они открыли вмѣстѣ съ тѣмъ, что русскіе вовсе не думаютъ бѣжать за Оку, что они совершили удачное фланговое движеніе, что они стоятъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, усиливаются съ каждымъ днемъ и угрожаютъ путямъ сообщенія великой арміи. Выяснились также обстоятельства и на счетъ возможности мира. О какихъ-бы то ни было мирныхъ предложеніяхъ со стороны русскаго правительства не было и рѣчи,—напротивъ, все указывало на твердую рѣшимость императора Александра продолжать войну.

Наполеонъ не сомнѣвался и теперь въ своемъ громадномъ личномъ вліяніи на Александра и рѣшился, наконецъ, вступить съ нимъ въ прямиа, хотя-бы письменныя сношенія. Долго искалъ онъ удобнаго предлога и хватался за всякій слу-

чай, чтобы напомнить императору Александру о прежней личной дружбѣ и показать, что съ своей стороны онъ не прочь возвратиться къ временамъ Тильзита.

Когда начальникъ Московскаго воспитательнаго дома, генераль-маіоръ Тутолминъ *) явился къ Наполеону въ Кремль тотчасъ-же послѣ пожара и выразилъ, между прочимъ, императору французовъ признательность за покровительство, оказанное этому благотворительному учрежденію, Наполеонъ сказалъ ему: „Я хотѣлъ сдѣлать для всего города то, что сдѣлалъ для вашего заведенія. Я поступилъ-бы съ Москвою, какъ съ Вѣною и Берлиномъ, но русскіе бросили городъ почти совершенно пустымъ, сами сожгли его и, желая сдѣлать мнѣ вредъ, разрушили въ нѣсколько дней созданіе цѣлыхъ вѣковъ. Если даже я и оставляю Москву, то потери, которыя вы сами себѣ нанесли, будутъ невознаградимы. Доведите о томъ до свѣдѣнія вашего государя; онъ вѣрно не знаетъ, что здѣсь дѣлается“ **).

Перемѣнивъ затѣмъ предметъ разговора, Наполеонъ началъ спрашивать Тутолмина о количествѣ дѣтей, призрѣваемыхъ въ домѣ, на какое время запасено продовольствіе, откуда думаютъ заготовить припасами на зиму? Тутолминъ подалъ На-

*) Тутолминъ доносилъ подробно обо всемъ случившемся въ воспитательномъ домѣ во время пребыванія въ Москвѣ французовъ императрицѣ Маріи Осодоровнѣ. Донесеніе напечатано въ „Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ“, за 1860 г. кн. II, сѣсь, стр. 161—192. Воспитательный домъ былъ спасенъ, благодаря энергіи и распорядительности Тутолмина. „Наполеонъ, проѣзжая 5-го сентября по набережной, мимо воспитательнаго дома, спросилъ, что это за зданіе, которое сохранено отъ пожара? Ему отвѣчали, что это воспитательный домъ, спасенный отъ гибели начальникомъ онаго съ своими подчиненными. Императоръ тотчасъ приказалъ генераль-интенданту Дюмасу ѣхать въ домъ, найти меня и объявить мнѣ свое привѣтствіе. Генераль Дюмасъ, пришедъ въ домъ, спросилъ: „гдѣ вашъ генераль?“ Какъ я всегда былъ безсмѣннымъ стражемъ, то тотчасъ, подходя къ нему, спросилъ: „что вамъ угодно?“—„Я присланъ къ вашему превосходительству отъ императора, который приказалъ благодарить васъ за трудъ и за спасеніе отъ огня нашего дома. Его величеству угодно съ вами лично познакомиться“. Я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго страха, и равнодушно принялъ оное, но утѣшился тѣмъ, что весь домъ отъ онаго приведенъ былъ въ окураживаніе“. Донесеніе Тутолмина императрицѣ, стр. 168.

**.) О своемъ разговорѣ съ Наполеономъ Тутолминъ доносилъ императору Александру. Всѣ приведенныя слова Наполеона взяты изъ этого донесенія.

полеону вѣдомость о количествѣ дѣтей въ воспитательномъ домѣ. Пробѣжавъ ее, онъ съ улыбкою замѣтилъ: „вы увезли въ Казань всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ“. Наполеонъ интересовался также узнать, откуда получаетъ съѣстные припасы Москва? Тутолминъ отвѣчалъ, что хлѣбъ идетъ изъ украинскихъ, скотъ изъ малороссійскихъ, мелкая живность изъ сосѣднихъ областей, и что хлѣбъ доставляется по большей части весною на баркахъ. Затѣмъ Наполеонъ вновь приблизился къ вопросу, особенно занимавшему его. „Какой шаръ дѣлалъ англичанинъ Шмитъ на пагубу меня и моей арміи?“ спросилъ онъ внезапно Тутолмина. „Вѣдь такое коварство непростительно просвѣщенному народу“. — „Я о томъ ничего не знаю“, — отвѣчалъ Тутолминъ. — „Миѣ известно, продолжалъ Наполеонъ, что шаръ дѣлался въ семи верстахъ отъ Москвы, но за неприведеніемъ въ дѣйствіе сожженъ; оставшіеся-же горючіе матеріалы употреблены для сожженія Москвы“ *). Говоря это, Наполеонъ случайно взглянулъ въ окно и увидѣлъ дымъ, все еще курившійся надъ пожарищами. При этомъ зрѣлищѣ имъ овладѣлъ одинъ изъ тѣхъ страшныхъ припадковъ гнѣва, передъ которыми дрожали всѣ его окружающіе. Онъ осыпалъ проклятіями Растопчина, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ пожара. „Несчастный! кричалъ онъ въ себѣ, — онъ дерзнулъ присоединить ко всѣмъ бѣдствіямъ войны поджигательство! Не безчеловѣчно-ли бросить нѣсколько тысячъ раненыхъ, столько женщинъ, стариковъ, дѣтей на вѣрную гибель!“ Прийдя въ себя, Наполеонъ спросилъ Тутолмина: „не имѣеть-ли онъ просить его о чемъ-нибудь?“ Тутолминъ отвѣчалъ, что онъ желалъ-бы донести августѣйшей покровительницѣ ввѣреннаго ему заведенія, какимъ чудеснымъ образомъ сохранилось оно среди всеобщаго разрушенія. Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться этою просьбою русскаго генерала для осуществленія своей затаенной мысли. „Вы можете послать донесеніе, сказалъ онъ милостиво Тутолмину, и я прошу васъ написать при этомъ императору Александру, котораго я уважаю по прежнему, что я желаю мира. Отправьте съ донесеніемъ своего чи-

*) Изъ донесенія императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

новника, чрезъ котораго можете получить и отвѣтъ. Я прикажу провести его черезъ наши форпосты“ *).

Этотъ первый шагъ къ миру, столь несогласный съ обыкновенною гордостью Наполеона и столь ошибочный въ его тогдашнемъ положеніи, вскорѣ показался ему, однакоже, недостаточнымъ. Глубоко убѣжденный, что стоитъ ему лишь войти въ непосредственныя сношенія съ русскимъ императоромъ и путь къ миру будетъ проложенъ, онъ хватался за всякій удобный случай, чтобы завести эти сношенія. Нѣкто П. А. Яковлевъ **), отставной капитанъ гвардіи, замедливъ своимъ выѣздомъ изъ Москвы и былъ схваченъ и ограбленъ французскими солдатами. Обобранный до-чиста, Яковлевъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, прислугою и сотнею крестьянъ, скитался въ теченіи нѣсколькихъ дней по московскимъ пожарищамъ, едва не умирая съ голоду. Случай столкнулъ его съ полковникомъ Менадье, принадлежавшимъ къ штабу маршала Бертье. Яковлевъ спрашивалъ полковника, какими способами могъ-бы онъ выбраться изъ Москвы, Менадье посоветовалъ ему обратиться къ коменданту Москвы маршалу Мортье и даже представилъ его послѣднему. Мортье на всѣ просьбы Яковлева отвѣчалъ, что самъ онъ не можетъ выпустить его изъ города, но что онъ доложитъ объ этомъ дѣлу императору. Наполеонъ пожелалъ видѣть самого Яковлева, и уже 9-го сентября отставной капитанъ гвардіи, говорившій впрочемъ превосходно по-французски, предсталъ предъ очами грознаго завоевателя. При входѣ во дворецъ Яковлевъ былъ встрѣченъ секретаремъ императора Делорнемъ и введенъ въ тронную

*) Такъ сказано въ донесеніи императору. Въ донесеніи императрицѣ Тутолминъ говоритъ: „наконецъ Наполеонъ сказалъ: „какъ безчеловѣчно поступали русскіе, оставивъ 10,000 раненыхъ солдатъ безъ пищи и прикрѣпленія. Повторяю вамъ еще: напишите о всѣхъ происшествіяхъ въ Москвѣ къ своему императору Александру и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника; я дамъ ему пропускъ черезъ свои форпосты“. О разговорѣ Наполеона съ Тутолминнымъ см. также Fain, T. II, стр. 84—87.

**) Яковлевъ самъ описалъ подробно свое свиданіе съ Наполеономъ въ особой запискѣ на французскомъ языкѣ. Онъ составилъ эту записку въ опроверженіе неточнаго разсказа Fain'a въ его Manuscrit de 1812. Записка напечатана въ статьѣ Голохвастова, озаглавленной Wahrheit und Dichtung. См. „Русскій Архивъ“ за 1874, стр. 1062—1067.

залу, гдѣ ожидалъ его уже Наполеонъ. Онъ далъ знакъ Делорню не уходить изъ залы и тотчасъ же обратился къ Яковлеву. Сказавъ нѣсколько предварительныхъ фразъ, онъ началъ жаловаться на московскіе пожары *). „Конечно не мы, сказалъ онъ съ жаромъ, зажигаемъ городъ. Я занималъ почти всѣ европейскія столицы, но я не сжегъ ни одной изъ нихъ. Во всю мою жизнь я сжегъ только одинъ городъ въ Италіи, и то въ пылу сраженія на улицахъ **). Какъ? И вы сами хотите уничтожить Москву, Москву священную, въ которой покоятся всѣ предки вашихъ государей“. Яковлевъ, совершенно смущенный такимъ неожиданнымъ приступомъ, отвѣчалъ, что ему совершенно неизвѣстны виновники этого бѣдствія, но что онъ испытываетъ на себѣ лично всю его тягость, что онъ лишился всего своего состоянія, что у него остались лишь одни лохмотья для прикрытія наготы ***). „А кто у васъ въ Москвѣ губернаторомъ“, — спросилъ неожиданно Наполеонъ. Делорнь, предупреждая Яковлева, назвалъ графа Растопчина. „Что это за человѣкъ“, спросилъ императоръ, обращаясь къ Яковлеву. Яковлевъ отвѣчалъ, что Растопчинъ человѣкъ очень извѣстный по своему уму. „По уму, можетъ быть, возразилъ нетерпѣливо Наполеонъ, но онъ сумасшедшій. Я и прежде имѣлъ понятіе о вашей странѣ, но теперь, ознакомившись съ нею наглядно отъ границы до Москвы, я вижу, что это страна великолѣпная, повсюду воздѣланныя поля, повсюду поселенія, но я нашелъ первыя опустошенными, а вторыя обращенными въ пепель. И вы сами опустошаете эту прекрасную страну! И для чего? Вѣдь все это не помѣшало мнѣ идти впередъ. Совсѣмъ иное дѣло, если вы поступали такимъ-же точно образомъ въ Польшѣ. Поляки вполне заслужили этого: они передавались на нашу сторону, они кинулись къ намъ въ объятія. Наконецъ, пора положить предѣлъ этому кровопролитію. Надо намъ придти къ

*) Après un preambule de forme il commença par se recrier sur les incendies de Moscou... Записка Яковлева.

**) Et cela parcequ'on se deffendoit dans les rues... Записка Яковлева.

***) Puisqu'il me voyoit toute ma fortune et toute ma garde-robe sur le corps (ce qui était pour le moment à la lettre vrai, car jetois deguenillé et j'avois tout perdu). Записка Яковлева.

соглашенію. Это война чисто политическая, мнѣ нечего дѣлать въ Россіи, я не требую отъ нея ничего, пусть только возвратится она къ Тильзитскому договору, и я тотчасъ-же поверну назадъ, потому что всѣ мои дѣла съ Англіею. О! если-бы я взялъ Лондонъ, то я не вышелъ-бы изъ него! Да я хочу возвратиться. Если императоръ Александръ желаетъ мира, то пусть онъ только увѣдомитъ меня: я пошлю къ нему одного изъ моихъ адъютантовъ, Нарбона или Лористона, и миръ будетъ подписанъ. Но если онъ хочетъ продолжать войну, хорошо, мы будемъ продолжать ее. Солдаты мои громко требуютъ, чтобы я шелъ на Петербургъ. Хорошо, мы пойдемъ и туда, и Петербургъ постигнетъ участь Москвы!“

Тутъ Наполеонъ прервалъ на минуту свою рѣчь и началъ нюхать табакъ. Яковлевъ воспользовался этою паузою. „Гдѣ наша главная армія?“ отважился спросить онъ.—„А! ваша главная армія? она отступила на Рязанскую дорогу“.—„А генералъ Витгенштейнъ?“ продолжалъ спрашивать Яковлевъ. „А! Витгенштейнъ отступилъ къ Петербургу; онъ совершенно разбитъ Сентъ-Сиромъ“.—„Ваши солдаты превосходны, продолжалъ Наполеонъ, ваши офицеры хороши, но вашъ офицеръ не перенесетъ того, что переноситъ нашъ; ибо нашъ переноситъ легко и зной, и холодъ, и всѣ виды лишеній“. Наполеонъ видимо разговорился. Яковлеву казалось, что онъ жасаетъ импровировать ему, что онъ иногда вдается въ хвастовство, старается, какъ говорится, пустить пыль въ глаза *). Онъ говорилъ, что русскія бумажныя деньги падаютъ съ каждымъ днемъ, и что Россія стоитъ на канунѣ банкротства. Онъ утверждалъ, что солдаты его устроили въ городѣ рынки, что они нашли въ московскихъ погребахъ большой запасъ лучшихъ винъ. „Знаете-ли, что если они“,—прибавилъ какъ-бы шутя Наполеонъ,—„напишутъ объ этомъ своимъ роднымъ, то вся Европа пожалуетъ къ вамъ, ибо народъ вездѣ охотно идетъ на даровую приманку“. Наконецъ, Наполеонъ обратился къ настоящей

*) Dans le courant de cette longue conversation où il cherchoit évidemment à m'en imposer, et dont une partie a échappé à ma mémoire et l'autre ne me paroit pas digne d'être rapportée comme étant par fois de la jactance et d'autres fois même de la fanfaronade. Записка Яковлева.

цѣля своей продолжительной бесѣды. Онъ объявилъ, что если Яковлевъ желаетъ выѣхать изъ Москвы, то онъ не имѣетъ ничего противъ этого, прикажетъ даже проводить его за линію форпостовъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ, проводивъ куда слѣдуетъ своихъ людей, отправился въ Петербургъ, постарался представиться императору Александру и рассказалъ ему все то, очевидцемъ чему онъ былъ въ Москвѣ. Яковлевъ возразилъ, что положеніе его не таково, чтобы онъ отважился представиться императору. Наполеонъ упорно настаивалъ, однакоже, на своемъ требованіи. „Вы можете обратиться къ гофмаршалу графу Толстому, замѣтилъ онъ, я его знаю, онъ хорошій человѣкъ. Вы можете приказать доложить о себѣ государю, черезъ камеръ-лакея; вы можете, наконецъ, встрѣтиться съ государемъ въ одной изъ его частныхъ прогулокъ“. Яковлевъ возражалъ, что всѣ эти пути кажутся ему неудобными, но Наполеонъ продолжалъ указывать ему на все новыя и новыя средства. Яковлевъ, доведенный до крайности, сказалъ наконецъ: „Государь! теперь я въ вашей власти, но я не переставалъ быть вѣрнымъ подданнымъ императора Александра, и не перестану имъ быть, пока въ жилахъ моихъ будетъ хотя капля крови. Не требуйте, чтобы я сдѣлалъ то, чего я не долженъ смѣть дѣлать, и чего поэтому я не могу вамъ обѣщать“.—„Хорошо, возразилъ Наполеонъ, я напишу письмо къ императору; я ему скажу, что призывалъ васъ, что говорилъ съ вами“. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ, объяснивъ Яковлеву содержаніе своего письма, повторилъ еще разъ, что Яковлевъ непремѣнно долженъ передать его государю, и, пожелавъ счастливаго пути, отпустилъ его *).

На другой день Делорнъ доставилъ Яковлеву письмо, и посланецъ противъ воли былъ выпущенъ изъ Москвы и проведенъ за линію французскихъ форпостовъ.

Наполеонъ писалъ императору Александру: „Государь! братъ мой! Узнавъ, что братъ министра Вашего Величества при Кас-

*) Il finit par me dire, que je devois porter cette lettre a Petersb., sur quoi je n'ai rien repondu, car à vrai dire je ne savois pas mieux alors, que je ne sais aujourd'hui, si j'étois en droit de refuser de me charger de cette lettre...
Записка Яковлева.

сельскомъ дворѣ находится здѣсь, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ. Я поручилъ ему отправиться къ Вашему Величеству и выразить вамъ мои чувства. Прекрасная, великолѣпная Москва уже не существуетъ! Растопчинъ ее сжегъ, 400 зажигателей были пойманы на мѣстѣ преступленія. Всѣ они показали, что поджигаютъ по приказаніямъ губернатора и начальника полиціи. Они были разстрѣляны. Наконецъ, пожары, кажется, прекратились. Три четверти домовъ сдѣлались добычею пламени, уцѣлѣла одна четвертая часть. Поступокъ ужасный и неимѣющій цѣли. Того-ли хотѣли, чтобы лишить насъ нѣкоторыхъ способовъ продовольствія? Но запасы находились въ погребахъ, до которыхъ не коснулся огонь. Впрочемъ, какъ можно было предавать огню одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, созданный вѣками, для достиженія такой незначительной цѣли? Точно также поступаютъ начиная отъ самаго Смоленска, и отъ этого доведено до нищеты 600,000 семействъ. Городскія пожарныя трубы были изломаны или увезены; часть оружія изъ арсенала была роздана преступникамъ, и намъ пришлось выстрѣлами прогнать ихъ изъ Кремля. Человѣчество, выгоды Вашего Величества и этого обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную русскими войсками. Надо было оставить въ ней власти, городское управленіе и гражданскую стражу. Такъ поступали два раза въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Мадридѣ; такъ поступили и вы въ Миланѣ, когда входилъ въ него Суворовъ. Пожаръ далъ право солдатамъ грабить: они оспаривали добычу у пламени. Если-бы я могъ предполагать, что такъ поступаютъ на основаніи повелѣній Вашего Величества, то я не писалъ-бы къ вамъ этого письма. Но я считаю несогласнымъ съ вашими правилами, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ свѣтлымъ образомъ мыслей, чтобы вы допустили такія неистовства, недостойныя ни великаго монарха, ни великаго народа. Въ то время, когда вывозили изъ Москвы пожарныя трубы, въ ней оставили 150 полевыхъ орудій, 70,000 новыхъ ружей, 1.600,000 патроновъ и много пороху, селитры, сѣры и проч. Я веду войну съ Вашимъ Величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ васъ прежде или послѣ послѣдняго сраженія остановила-бы

мое движеніе и, чтобы угодить вамъ, я пожертвовалъ-бы выгодною вступить въ Москву. Если, Ваше Величество, хотя отчасти сохранили прежнія ко мнѣ чувства, то вы благосклонно прочтете это письмо. Во всякомъ случаѣ вы будете мнѣ благодарны за то, что я отдаю отчетъ Вашему Величеству о происходящемъ въ Москвѣ“ *).

Наполеонъ придавалъ громадное значеніе своему письму. Ошибаясь рѣшительно въ характерѣ Александра, или лучше сказать, не имѣя никакого понятія о томъ внутреннемъ переворотѣ, который вырылъ разъ навсегда непроходимую бездну между нимъ и русскимъ императоромъ, онъ былъ убѣжденъ, что Александръ откликнется на его призывъ, что онъ поспѣшитъ ухватиться обѣими руками за ту заманчивую перспективу мира, которую онъ предлагаетъ ему такъ великодушно на высотѣ своихъ побѣдъ и небывалыхъ успѣховъ. Время, однако-же, проходило, а отвѣта на письмо не было. Наполеонъ начиналъ терять терпѣніе. Онъ и не подозрѣвалъ настоящей причины молчанія Александра. Припоминая упорные отговариванія Яковлева, онъ убѣждался, что его невольный посланецъ не исполнилъ его порученія, что онъ не съумѣлъ или не захотѣлъ пробраться къ государю **). И вотъ Наполеонъ, въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи, рѣшается на новый, еще болѣе ошибочный шагъ въ томъ-же направленіи. Онъ рѣшается отправить своего уполномоченнаго къ императору Александру съ мирными предложеніями. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ сноситься непосредственно съ Петербургомъ; онъ знаетъ, что ему надо войти прежде въ соглашеніе съ русскимъ главнокомандующимъ, получить отъ него пропускъ и проводниковъ для своего посла. Но Наполеонъ въ своемъ высокомеріи не сомнѣвается, что Кутузовъ дастъ свое согласіе, что онъ поспѣшитъ исполнить желаніе побѣдителя.

*) См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“. Т. 2, стр. 324. „Русскій Архивъ“ за 1876 г., кн. 7, стр. 289.

**) „Наполеонъ“, говоритъ Поповъ въ своей превосходной статьѣ: „Французы въ Москвѣ“, — „не получая отвѣта, могъ предполагать, что Яковлевъ рѣшился взять это письмо только для того, чтобы выбраться изъ Москвы и, не исполнивъ порученія, не доставилъ его письма“. „Русскій Архивъ“ за 1876, кн. 7, стр. 290.

Маршалъ Бертье пишетъ 22 сентября, по приказанію Наполеона, неаполитанскому королю:

„Его величество, рѣшившись отправить къ русскому главнокомандующему одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ, желаетъ, чтобы вы поручили начальнику вашего штаба написать къ начальнику непріятельскаго авангарда письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „императоръ, намѣреваясь отправить одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ къ князю Кутузову, желаетъ знать день, часъ и мѣсто, гдѣ онъ можетъ его принять. Это письмо должно быть передано подъ росписку начальника авангарда. Само собою понятно, что императоръ предоставляетъ избрать удобное время для этого дѣла, чтобы оно не показалось вынужденнымъ обстоятельствами. Генераль-адъютантъ, котораго пошлетъ его императорское величество, вѣроятно пріѣдетъ сегодня-же въ вашу главную квартиру“ *).

На кого-же думалъ возложить императоръ французовъ эту, во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ легкую миссію? Его выборъ могъ колебаться только между двумя лицами: графами Коленкуръ и Лористонъ. Оба они были генералы-дипломаты, оба привыкли исполнять самыя серьезныя и секретныя порученія императора, оба были, наконецъ, послами при русскомъ дворѣ и хорошо знали Россію и русскаго императора. Наполеонъ остановился сначала на Коленкурѣ. Онъ считалъ его болѣе искуснымъ дипломатомъ, нежели Лористона; онъ полагалъ, что онъ можетъ имѣть болѣе вліянія и успѣшнѣе дѣйствовать на русскаго императора, нежели Лористонъ; что уже, наконецъ, въ силу болѣе продолжительнаго пребыванія своего въ Петербургѣ, онъ болѣе знакомъ, если и не съ Россією, то съ высшимъ петербургскимъ обществомъ. Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Коленкуръ казался неудобенъ Наполеону. Онъ постоянно, съ самаго начала разрыва, выражалъ несочувствіе къ предпріятіямъ своего повелителя противъ Россіи, постоянно защищалъ русскаго императора и заявлялъ о его миролюбивыхъ свойствахъ. Во все время похода Наполеонъ

*) Письмо маршала Бертье къ Мюрату 4 сентября н. с.—Fain, Manuscrit de 1812 Т. II, стр. 192. Русскій переводъ въ статьѣ Попова: „Французы въ Москвѣ“. „Русскій Архивъ“ за 1876 г., кн. 7, стр. 191.

не вступалъ въ разсужденія съ Коленкуромъ; теперь вынужденный силою обстоятельствъ, онъ призвалъ его къ себѣ. Его гордость страдала при этомъ страшно. Долгое время онъ не рѣшался заговорить съ Коленкуромъ, и молча большими и скорыми шагами ходилъ по комнатѣ. Тяжело было ему, непогрѣшному, сознаться, что онъ ошибся на этотъ разъ, что обстоятельства заставляютъ его просить мира, что онъ думаетъ послать его, Коленкура, съ мирными предложеніями въ непріятельскій лагерь. Наконецъ, Наполеонъ заговорилъ, но заговорилъ совсѣмъ не то, что онъ думалъ. Онъ объявилъ Коленкуру, что онъ намѣренъ идти на Петербургъ, что разрушеніе этого города конечно огорчитъ Коленкура, столь преданнаго императору Александру, что событіе это навѣрно произведетъ возмущеніе въ Россіи, что оно можетъ стоить жизни самому русскому государю. Но, продолжалъ Наполеонъ, изъ личнаго расположенія къ нему, а равно изъ убѣжденія, что онъ болѣе склоненъ къ выгодамъ Франціи, нежели кто-либо другой, я желаю предупредить такой переворотъ и посылаю васъ съ этою цѣлью въ Петербургъ для заключенія мира“. Безъ сомнѣнія, Коленкуръ былъ не мало удивленъ такимъ внезапнымъ оборотомъ рѣчи императора, но хорошо понимая общее положеніе дѣлъ, онъ тотчасъ же возразилъ Наполеону, что онъ считаетъ подобное посольство не только бесполезнымъ, но и вреднымъ. Бесполезно оно потому, что императоръ Александръ не согласится на миръ, а вредно потому, что обнаружитъ передъ глазами русскаго правительства и народа всю затруднительность положенія французской арміи. Наполеонъ не любилъ слушать правды. „Хорошо“, — отвѣтилъ онъ рѣзко Коленкуру, — „въ такомъ случаѣ, я пошлю Лористона“. Лористонъ явился, но и онъ пустился на всевозможныя отговорки. До такой степени ясно было для всѣхъ, кромѣ самого Наполеона, какую великую ошибку собирается совершить непогрѣшимѣйшій изъ смертныхъ. Раздраженный возраженіями тамъ, гдѣ онъ ихъ не ожидалъ, Наполеонъ вдругъ сбросилъ съ себя маску. „Я желаю мира, объявилъ онъ, мнѣ нуженъ миръ; я непременно хочу его заключить, только бы честь была спасена. Отправляйтесь немедленно же въ русскій лагерь“.

Лористону оставалось только повиноваться. Снабженный необходимыми инструкціями и наставленіями, онъ въ тотъ же день выѣхалъ изъ Москвы *).

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

*) Всѣ подробности бесѣды Наполеона съ Коленкуромъ сообщаетъ Шарлотта Соръ въ своей книгѣ: *Souvenirs du duc de Vicence*. Т. I, стр. 88—89. Г-жа Соръ увѣряетъ, что она слышала ихъ отъ самого Коленкура въ Пломбьерѣ въ 1820 г. Сегюръ отрицаетъ весь рассказъ о намѣреніи Наполеона послать Коленкура въ русскій лагерь, но Тьеръ, въ своей исторіи консульства и имперіи, кн. XXVI, подтверждаетъ, что прежде Лористона Наполеонъ предлагалъ Коленкуру ѣхать въ русскій лагерь, но тотъ отказался. См. „Русскій Архивъ“ за 1876 г. кн. 7, стр. 292.

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе *).

Почти одновременно съ восстановленіемъ Ахтырскаго монастыря Иннокентій началъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о восстановленіи и другаго, не менѣе замѣчательнаго монастыря Харьковской епархіи, Святогорскаго — „Русскаго Аѳона“. Уже вскорѣ послѣ прибытія своего въ Харьковъ преосвященный Иннокентій писалъ одному изъ своихъ петербургскихъ друзей: „Видно, мой жребій—быть возстановителемъ монастырей. Только пріѣзжаю въ Харьковъ, и на другой день получаю изъ Питера письмо отъ одной знакомой мнѣ особы **)—возстановить Харьковскій Святогорскій монастырь, коего мѣсто находится въ помѣстьи сей особы. Стало быть, мы, вмѣсто двухъ (Куряжскаго и Хорошевскаго), по прежнему, будемъ имѣть четыре монастыря. Это, право, лучше, нежели имѣть четырнадцать театровъ“...

Святогорскій монастырь занимаетъ столь чудное мѣстоположеніе, что едва-ли въ силахъ представить его вѣрно самое острое поэтическое воображеніе. Мы встрѣчали нѣсколько описаній этого прекраснаго мѣстоположенія, какъ, напримѣръ, у Филарета въ его „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“, у Муравьева въ его „Впечатлѣніяхъ Украины и Севастополя“, у Немировича-Данченка въ его пародіи „Русскаго Аѳона“... Но по этимъ описаніямъ еще трудно,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 4.

**) Татьяны Борисовны Потемякиной, урожденной княжны Голицыной.

очень трудно выработать себѣ вѣрное представленіе о той художественной картинѣ природы, какую представляетъ въ дѣйствительности мѣстоположеніе Святыхъ Горь... Сама живопись, даже фотографія пасуютъ предъ изображеніемъ этого прекраснаго оригинала, или, по выраженію Филарета, этого „дивнаго созданія дивнаго Художника природы“. „По правому берегу Донца идутъ высокія горы, покрытыя вѣковыми дубами, изрѣдка соснами или кленовыми и ясенowymi деревьями. Изъ бряжа этихъ горъ возстаетъ предъ вами живой великанъ, весь бѣлый. Величаво оперся онъ на горы и покойно смотрится въ струи Донца непокойнаго. Это мѣловая скала Донецкая съ пягью конусами, едва примѣтно скрѣпленная вѣсколькими рядами кремней. Смотрите на нее съ Донца или изъ-за Донца десять, двадцать разъ въ день—и не скажете: довольно“... Такое впечатлѣніе отъ Святыхъ Горь вынесъ Филаретъ; по вотъ что пишетъ и Муравьевъ: „отрадно благоговѣйное служеніе въ пещерныхъ церквахъ (святогорскихъ) и невольно потрясается сердце, еще исполненное звуками божественныхъ пѣсней, когда внезапно видишь предъ собою, при выходѣ изъ скалы, самое чудное зрѣлище: и мирный Донецъ въ его глубокой долиноѣ, окованный отовсюду мѣловыми утесами; и необозримую лѣсную дебрь, какъ море зелени, на окраиноѣ коей бѣлѣютъ опять мѣловыя горы. Не могутъ довольно насѣтитъ-ся такими видами взоры, отъ нихъ отвыкшіе, послѣ однообразія сѣверныхъ равнинъ. Всею роскошью южной природы дышетъ этотъ чудный оазисъ, какъ-бы отрывокъ иной лучшей страны, нечаянно брошенный въ сію пустыню. Роскошно встрѣтила здѣсь пришельцевъ сѣвера благодатная весна, какихъ давно не запомнятъ, освѣжаемая шумными дождями и частыми грозами, послѣ коихъ благоухаетъ воздухъ ароматами тополей, липъ и бѣлыхъ акацій. Мы дышимъ этою чудесною атмосферой на Святой Горѣ и не можемъ довольно надышаться. Всю сію ночь шумѣла страшная гроза, раскаты грома отзывались въ горахъ и все небо сверкало молніями, но я не могъ рѣшиться закрыть окна, отъ теплоты благораствореннаго воздуха, и любовался бурей стихій съ высокаго моего терема *); а

*) Дача Потемкинскихъ.

вчера опять нельзя было закрыть окна на ночь, чтобы не лишиться себя весенней пѣсни соловьевъ, одушевляющихъ росистую украинскую ночь"... Такое-же впечатлѣніе отъ Святыхъ Горъ получилъ и Немировичъ-Данченко, хотя онъ и прїѣзжалъ туда искать совершенно иного... Мы сами нѣсколько разъ имѣли случай любоваться лично дивною природою и мѣстоположеніемъ Святогорскаго монастыря и намъ всегда приходили на умъ слова преосвященнаго Иннокентія: „нельзя не удивляться, какъ святые отцы умѣли избирать мѣста для своего уединеннаго подвижничества... Невольно вспомнишь, что и нашимъ русскимъ подвижникамъ, какъ нѣкогда египетскимъ пустыникамъ, служила одна и таже природа книгою, въ которой они хотѣли видѣть и читать премудрость Творца всяческихъ, хотѣли и въ продолженіе всей своей жизни никакъ не могли прочесть и одной страницы изъ этой всемірной книги“...

Когда-же русскіе подвижники избрали для своего уединенія Святогорское урочище? Въ отчетѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1844 годъ сказано, что въ урочищѣ, называемомъ *Святими Горами*, Харьковской епархіи Изюмскаго уѣзда, *съ незапамятныхъ временъ* существовалъ мужескій монастырь подъ названіемъ Святогорскаго и что первые подвижники его, по образцу кievскихъ, жили въ пещерахъ, вырытыхъ въ мѣловой горѣ, гдѣ и донынѣ существуетъ пещерная церковь. Историкъ Харьковской епархіи — Филаретъ, говоря о томъ, что относительно времени основанія Святогорскаго монастыря письменныхъ свидѣтельствъ пока нѣтъ, въ тоже время замѣчаетъ, что столь общая извѣстность, въ какой представляется святыня Донецкой скалы съ 1547 года, ясно говоритъ, что ей давно предшествовали тайные подвиги пустытниковъ, спасавшихся въ пещерахъ скалы, и что со всею вѣрностію можно поэтому предположить, что Святогорская обитель существовала уже и въ XIV вѣкѣ..

Тѣмъ не менѣе, годъ спустя послѣ закрытія Свято-Троицкаго Ахтырскаго монастыря, таже участь постигла и монастырь Святогорскій. Впрочемъ, въ дѣйствительности онъ былъ закрытъ почти одновременно съ Ахтырскимъ монастыремъ. По донесенію архимандрита Венедикта отъ 8-го сентября 1787

года, какъ это видно изъ распоряженія Бѣлградской духовной консисторіи отъ 7 декабря 1788 года, — „29-го августа 1787 года прибывшій въ опый монастырь, Екатеринославскаго на-мѣстничества господинъ экономій-директоръ, Феодоръ Михайловичъ *Корбе*, все монастырское экономическое и церковное имущество описавъ, отобралъ и, не давъ никому въ приемъ онаго росписки, къ сохраненію онаго опредѣлилъ нарочный карауль; монашествующихъ-же изъ монастыря выслалъ“. Замѣчательно при этомъ, что самый указъ Бѣлградской консисторіи съ Высочайшимъ повелѣніемъ и съ распоряженіемъ Святѣйшаго Синода объ упраздненіи Святогорскаго монастыря былъ подписанъ только 22-го іюня 1788 года!.. Какъ и вездѣ, монастырская земля и лѣсъ въ количествѣ 27 тысячъ десятинъ съ двумя тысячами монастырскихъ крестьянъ были обращены въ государственную собственность; храмъ монастырскій былъ обращенъ въ приходскую церковь; необходимая утварь была еще оставлена въ храмѣ, а прочая была забрана неизвѣстно къмъ и куда, исчезла бесслѣдно... Отпятая монастырская земля (9 тысячъ десятинъ пахатной земли и 18 тысячъ десятинъ дремучаго, вѣковаго лѣса) недолго, впрочемъ, оставалась государственною собственностію. Съ добавкою еще двухъ тысячъ крестьянъ императрицею Екатериною она была отдана во владѣніе свѣтлѣйшему князю Потемкину, отъ него по наслѣдству перешла къ Энгельгардту, затѣмъ къ княгинѣ Юсуповой, а отъ Юсуповой — снова къ Потемкинѣмъ Александру Михайловичу и Татьянѣ Борисовнѣ.

Народъ скорбѣлъ о разореніи и запустѣніи святаго мѣста, но чѣмъ можно было помочь общему горю?!.. Говорятъ, что къ преосвященному Мелетію приходили даже черноморскіе казаки съ просьбою, чтобы онъ взялъ на себя трудъ ходатайствовать о возстановленіи разоренной, но священной для народа обители... И это преданіе, быть можетъ, только нѣсколько извращенное, имѣетъ для себя достаточное историческое основаніе. Дѣйствительно около 1834 года, по упраздненіи Покровскаго Запорожскаго монастыря, тамошніе монахи обращались съ просьбою къ Святѣйшему Синоду о возстановленіи Святогорскаго монастыря для ихъ помѣщенія и объ устройствѣ въ

немъ общежитія. И Святѣйшій Синодъ указомъ своимъ отъ 15-го апрѣля 1836 года предписалъ Харьковскому преосвященному Мелетію войти въ разсмотрѣніе, можно-ли и на какихъ именно основаніяхъ возстановить этотъ монастырь. На этотъ указъ преосвященный Мелетій отвѣчалъ Святѣйшему Синоду, что упраздненный Святогорскій монастырь возстановить возможно съ тѣмъ, чтобы крестьянъ княгини Юсуповой, состоящихъ въ приходѣ Успенской церкви, которая была нѣкогда главною соборною церковію упраздненнаго Святогорскаго монастыря, причислить, по удобности, къ другимъ ближайшимъ приходамъ, — при чемъ добавилъ, что сами крестьяне эти, безъ дозволенія ихъ помѣщицы, согласія дать не рѣшились... И дѣло кончилось тѣмъ, что Святѣйшій Синодъ указомъ своимъ отъ 12-го мая 1837 года предписалъ преосвященному Мелетію: „дѣло сіе оставить безъ дальнѣйшаго производства за сдѣланнымъ отъ Святѣйшаго Синода назначеніемъ монаховъ бывшаго Покровскаго Запорожскаго монастыря въ другія обители и за неимѣніемъ въ виду согласія со стороны княгини Юсуповой на пожертвованіе въ пользу монастыря необходимой для него земли. Но не надолго послѣ этого суждено было оставаться въ заустѣнни святому мѣсту. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ обстоятельства совершенно измѣнились... Святогорское имѣніе отъ Юсуповой перешло къ фамиліи Потемкиныхъ ..

Когда у этихъ благочестивыхъ владѣльцевъ Святогорскаго урочища снова явилось святое намѣреніе возвратить ему его прежнее назначеніе и когда они обратились съ этою мыслию къ Иннокентію, высказавъ при этомъ еще, что на содержаніе возстановляемой обители они готовы пожертвовать 70 десятинъ земли и 10 тысячъ рублей серебромъ денегъ, — Иннокентій былъ вполне увѣренъ въ непремѣнномъ осуществленіи ихъ благаго начинанія. Такую увѣренность онъ высказалъ въ томъ-же году даже публично, въ словѣ, которое 21 августа 1842 года было имъ сказано, при обзрѣніи епархіи, послѣ совершенія литургіи въ Святогорской сельской церкви, бывшей нѣкогда соборною церковію Успенскаго Святогорскаго монастыря. „Не безъ глубокой горести совершили-бы мы нынѣ служеніе въ семъ храмѣ, — такъ началъ Иннокентій свое слово:

не безъ смущенія и; можетъ быть, не безъ слезъ начали-бы настоящую бесѣду свою съ вами; братья мои, если-бы намъ довелось священнодѣйствовать и бесѣдовать въ семъ храмѣ не теперь, а въ прежнее время. Ибо что видимъ мы здѣсь вокругъ себя? Видимъ, большею частію однѣ развалины, свидѣтельствующія о благочестіи временъ древнихъ и объ охлажденіи вѣры временъ новыхъ. Мѣсто, рукою Самого Творца преукрашенное и видимо выставленное на удивленіе всѣмъ зрацимъ, которое посему изъ всѣхъ подобныхъ мѣстъ въ краю нашемъ одно удостоилось носить въ устахъ народа названіе святаго; обитель благочестія, упреdivная бытіемъ своимъ едва не всѣ прочія обители отечественныя, со всею вѣрностію отразившая въ себѣ великотруженическій образъ жизни святыхъ, отшельниковъ кіево-печерскихъ и перестоявшая всѣ ужасы временъ Батыя и Тамерлана; храмъ, куда цѣлый югъ древней Россіи стекался славить имя Божіе и въ часы счастья и въ годину искушеній, въ коемъ, идя на брань, проливали мольбы за отечество и брали благословеніе благовѣрише князья россійскіе; и гдѣ, по окончаніи брани, находили для себя первое и ближайшее успокоеніе; пещеры, бывшія свидѣтелями подвиговъ самоотверженія самага высокаго, увлажненныя слезами святыхъ труженниковъ и, безъ сомнѣнія, кровію многихъ мучениковъ: все сіе, оставленное безъ вниманія, преданное заустѣнію, отдалное на поприще безсловеснымъ!.. И въ какое время? Когда страна наша давно ограждена миромъ и благоденствіемъ; когда дома наши непрестанно расширяются и едва не спорятъ въ высотѣ съ горами; когда отыскиваются, поддерживаются и хранятся со всеусердіемъ, какъ святыня, всякаго рода памятники древности!.. При такомъ положеніи сего святаго мѣста, среди сихъ развалинъ и заустѣнія, духовному пастырю страны, пришедшему для посѣщенія сихъ святыхъ горъ, явно приличествовало-бы не тихое и спокойное собесѣдованіе Іакова или Петра, а горькій плачь Іереминъ и громкое рыданіе Іезекіишево... Но благодареніе Творцу временъ и Владыкѣ мѣсть, держащему въ десницѣ Своей судьбы всѣхъ и всего! Не знаемъ, за что въ награду, но чувствуемъ, что намъ суждено явиться здѣсь въ

то самое время; когда, вмѣсто выраженія общей печали, мы можемъ быть провозвѣстниками всеобщей радости. Да, братія мои, нашлись наконецъ долго ожидаемые ревнители благочестія; явились души, кои, по примѣру великихъ возстановителей Іерусалима—Эздры и Нееміи, пламенѣютъ ревностію къ возгражденію сего святаго мѣста“...

Начавъ и продолжая вести дѣло въ Святѣйшемъ Синодѣ о возстановленіи упраздненнаго Ахтырскаго монастыря и опасаясь поѣтому, чтобы „не прослыть затѣйникомъ“, Иннокентій на предложеніе Потемкиной отвѣчалъ, что при такихъ обстоятельствахъ ему неудобно начинать дѣло о возстановленіи Святогорскаго монастыря и просилъ ихъ лично отъ себя войти объ этомъ съ прошеніемъ въ Святѣйшій Синодъ. Потемкины приняли этотъ совѣтъ, и въ 1843 г. самъ Александръ Михайловичъ Потемкинъ, бывшій въ то время с.-петербургскимъ предводителемъ дворянства, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, обратился въ Святѣйшій Синодъ съ просьбою о возстановленіи Святогорской обители и предложилъ отъ себя на этотъ предметъ 10 тысячъ рублей серебромъ и 70 десятинъ лѣса, сѣнокосовъ и огородной земли, прилегающей къ святогорскому урочищу. Изъ Святѣйшаго Синода не замедлилъ послѣдовать запросъ къ Иннокентію по этому поводу. Иннокентій отозвался, что открытіе Святогорскаго монастыря на изложенныхъ Потемкинымъ предположеніяхъ не только возможно, но и необходимо въ видахъ нравственно-религіознаго значенія этого монастыря для всего края. Тѣмъ не менѣе годъ прошелъ, дѣло рѣшено не было. Иннокентій не падалъ духомъ. 22 августа, въ день вѣнчанія на царство императора Николая Павловича, совершивъ богослуженіе въ Никольской церкви, находящейся на верху Святогорской скалы, онъ приглашалъ своихъ слушателей къ теплой молитвѣ, „да святое и дивное мѣсто сіе скорѣе совлечется печальныхъ ризъ заустѣнія, да гласъ радованія духовнаго, раздавшійся нынѣ здѣсь въ первый разъ, въ день для всѣхъ толико возжеланный, не будетъ первымъ и послѣднимъ, и приведетъ за собою новые, неумолкающіе гласы радованія и молитвы“.... „Не будемъ сомнѣваться въ томъ, говорилъ онъ въ заключе-

ніе своего слова, чтобы сердце царево, столь благоподвижное на все общеплезное, не обратило державнаго взора его и на сіе святое мѣсто, да будетъ оно паки тѣмъ, чѣмъ было нѣкогда, и чѣмъ судила ему быть десница Творческая, такъ дивно его преукрасившая! "...

Между тѣмъ усердіе благочестивыхъ жертвователей на возстановленіе Святогорской обители возрастало съ каждымъ днемъ. Вотъ почему исправлявшій должность эконома при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ, іеромонахъ Арсеній, вызванный изъ Глинской пустыни на мѣсто Сергія, назначеннаго игуменомъ новооткрытаго монастыря Ахтырскаго, нашель уже нужнымъ войти къ преосвященному Иннокентію съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „Предполагавшееся, по благословенію Святѣйшаго Синода въ 1834 году, по оставленное по обстоятельствамъ до времени, возобновленіе монастыря Святогорскаго нынѣ начинаетъ паки быть на виду у высшаго начальства и находить себѣ усердныхъ ревнителей въ самихъ помѣщикахъ того мѣста, на коемъ находятся остатки означеннаго монастыря. Имѣя съ своей стороны людей, расположенныхъ посильными приношеніями содѣйствовать возстановленію сего монастыря и не имѣя права быть орудіемъ ихъ усердія, представляю сіе обстоятельство вниманію вашего преосвященства, не благоугодно-ли будетъ, избравъ способнаго человѣка, снабдить его книгою на сей предметъ, отъ чего можно съ благонадежностію ожидать значительной помощи на пользу будущаго монастыря, въ чемъ опъ, по новости своей, будетъ имѣть немалую нужду“. По этому поводу Иннокентій велѣлъ „спросить по надлежащему о. архимандрита Агаангела (ректора семинаріи и настоятеля Куряжскаго монастыря), кто изъ іеромонаховъ Куряжскаго монастыря признается способнымъ къ сему дѣлу“. Къ сожалѣнію, въ Куряжскомъ монастырѣ іеромонаха „способнаго къ сему дѣлу“ не оказалось,—и въ Святогорскій монастырь былъ отправленъ Иннокентіемъ самъ іеромонахъ Арсеній, которому въ званіи игумена, а потомъ и архимандрита, суждено было много потрудиться на пользу этого монастыря и привести его къ надлежащему благоустройству. вмѣстѣ съ Арсеніемъ были отправ-

лены также и нѣкоторые монахи, вызванные изъ Глинской пустыни.

Для бывшихъ прихожанъ Успенской церкви упраздненнаго Святогорскаго монастыря, жителей с. Богородичнаго, крѣпостныхъ крестьянъ Потемкиныхъ, эти послѣдніе своевременно озаботились устройствомъ молитвеннаго дома, для чего былъ пожертвованъ гг. владѣльцами „новый хлѣбный амбаръ изъ чистаго и прочнаго дубоваго лѣса, на обширномъ и незаселенномъ мѣстѣ устроенный и ничѣмъ еще незапаятый“. Устройство этого молитвеннаго дома было окончено къ пасхѣ 1844 г. Для членовъ причта также были устроены приличныя помѣщенія, въ которыя они и переехали еще раньше открытія Святогорскаго монастыря. Съ дозволенія Иннокентія въ Богородичный молитвенный домъ были „отдѣлены“ изъ Святогорскаго монастыря два серебрянныхъ сосуда, два дароносныхъ креста, крестъ серебрянный рукопосный, одно евангеліе, пять священническихъ облаченій „невеликоцѣнныхъ“ и нѣсколько другой утвари церковной, „каковыхъ въ избыткѣ имѣется въ оной Успенской обители“. Все это сдѣлано было съ тою цѣлю, „дабы можно было скорѣе открыть въ ономъ селеніи богослуженіе, такъ какъ оной Успенской церкви бывшіе священнослужители съ причетниками перемѣнены уже въ село Богородичное на жительство“. Отдана была монастыремъ и вся церковная приходская сумма—28 руб. 26 коп. серебромъ!..

Наконецъ 21 апрѣля 1844 года состоялось и опредѣленіе Святѣйшаго Синода, по которому признавалось необходимымъ возстановленіе древняго Святогорскаго монастыря „для духовнаго утѣшенія и пазиданія цѣлой страны“. По всеподаннѣйшему о семъ докладу государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: а) Святогорскій монастырь возстановить подъ наименованіемъ Святогорской общежительной пустыни; б) установить въ ней порядокъ, наиболѣе приближающійся къ духу древняго пустынножительства, а потому правилами для оной назначить уставъ чиноположенія и все прочее, существующее въ Софроніевой и Глинской пустыняхъ; в) штатъ монашествующихъ въ сей пустыни ограничить 24 лицами, изъ коихъ быть: одному игумену, одному казначею, одному эконому, восьми іеромо-

пахамъ, семи іеродіаконамъ и шести монахамъ съ послушниками; г) существующія на Святыхъ Горахъ церкви каменную и пещерную съ находящимися тамъ-же строеніями обратить въ монастырскія; д) способами содержанія для сей обители назначить: семьдесятъ десятинъ земли, жертвуемой г. Потемкинымъ, проценты съ капитала десять тысячъ рублей серебромъ, имъ-же жертвуемаго, и собственныя средства, какія откроются для обители отъ сборовъ свѣчнаго, кружечнаго и отъ усердія богомольцевъ.

Торжественное открытіе, возстановляемаго Святогорскаго монастыря преосвященный Иннокентій отложилъ до его главнаго храмоваго праздника, т. е. до 15-го августа; а пока занялись подготовленіемъ къ этому торжеству всего необходимаго. Между прочимъ, Иннокентій обратился съ просьбою къ тогдашнему Кіевскому митрополиту и священно-архимандриту Кіево-Печерской лавры Филарету—прислать на благословеніе новооткрываемой Святогорской Успенской пустыни святую икону Успенія Божіей Матери съ мощами кіево-печерскихъ угодниковъ. Митрополитъ съ радостію согласился исполнить это благочестивое желаніе. И вотъ 14-го августа преосвященный Иннокентій, во главѣ многочисленнаго и торжественнаго крестнаго хода, за пять верстъ отъ Святогорской обители, въ селѣ Богородичномъ, вышелъ, для встрѣчи святой иконы, этого многоцѣннаго дара-благословенія Кіево-Печерской лавры. „Откуда намъ сіе, да прииде Мати Господа нашего къ намъ?“ такъ началъ Иннокентій свою рѣчь, при встрѣчѣ святой иконы. „Владычица неба и земли, кто подвигъ Тебя пріити въ сей день и часъ на мѣсто сіе? Намъ-бы, вмѣстѣ съ годами сими, надлежало востать, пойти и разыскать Тебя, обрѣсти и пасть къ стопамъ Твоимъ;—и се—Ты Сама грядеши, ведя съ Собою невидимо дѣлъ Святыхъ и Богоносныхъ угодниковъ кіево-печерскихъ!—О семъ разумѣемъ, что Ты не забыла прежняго мѣста обитаія Твоего здѣсь; восхотѣла ознаменовать и украсить посѣщеніемъ своимъ день обновленія его... Святая горы, зрите, кто пришелъ къ вамъ, и преклоните верхи ваши предъ Царицею неба и земли!—Братія, здѣ нѣкогда подвизавшіеся и теперь почивающіе во утробѣ земной, встаньте и возблагодарите вмѣстѣ съ вами честнѣйшую

Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ! Братія, здѣ теперь вселяющіеся, подите предъ Матерію всѣхъ скорбящихъ и предайте Ей навсегда души и сердца ваши!“ При этомъ Иннокентій самъ палъ ницъ и облобызалъ святую икону... Вечеромъ совершенно было торжественное всенощное бдѣніе, окончившееся въ двѣнадцатомъ часу ночи...

На другой день, т. е. 15-го августа совершена была божественная литургія, отслужено благодарственное Господу Богу моленіе съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ и окропленіемъ обители. Народъ массами тѣснился по всей обители: храмъ былъ наполненъ молящимися; весьма многіе, не могли протиснуться во храмъ, стояли на дворѣ монастыря, на берегу рѣки. На литургіи Иннокентій, по обычаю, произнесъ прекрасное слово, предметомъ котораго, разумѣется, служило самое торжество открытія „юнаго старца“—монастыря. „И такъ, плѣнь Святогорскій кончился!“—такъ начинается это слово. „Да возрадуются Эзра и Неемія, благоускорившіе его окончаніемъ!—И такъ Лазарь, не три дня, а семьдесятъ лѣтъ лежавшій во гробѣ, всталъ; остается только разрѣшить погребальныя пелены и дать ему итти: да предстанутъ Марѳа и Марія и да окажутъ ему сію послѣднюю услугу! Благословенъ Господь, и попустившій прити на сіе мѣсто запустѣнію и недавшій обратиться ему въ то ужасное, вѣчное запустѣніе, коимъ угрожалъ вѣкогда пророкъ Іерусалиму!“

16-го августа преосвященный Иннокентій освящалъ молитвенный домъ въ сосѣднемъ селѣ Богородичномъ, которое состояло въ приходѣ церкви Святогорской. Здѣсь онъ также произнесъ по обычаю слово, имѣвшее главнымъ предметомъ своего содержанія какъ открытіе Святогорскаго монастыря, такъ и неразрывно соединенное съ нимъ устройство въ Богородичномъ особаго приходскаго молитвеннаго дома, а потомъ и церкви.

Возвратившись изъ Богородичнаго въ монастырь, 17-го августа Иннокентій опять совершалъ въ Святогорскомъ храмѣ божественную литургію. Слово, произнесенное имъ въ этотъ день, касается уже исключительно монашеской жизни и иноческихъ добродѣтелей. Въ частности это было пастырское на-

ставленіе, — указаніе подвиговъ, какихъ должно было ожидать отъ новыхъ обитателей Святогорской пустыни. Святогорская скала должна быть символомъ твердости и непоколебимости ихъ иноческихъ обѣтовъ и жизни: „надѣющійся на Господа, яко гора Сионъ, не подвижется во вѣкъ!“

Такъ было совершенно преосвященнымъ Иннокентіемъ торжество возстановленія древней Святогорской обители! Слухъ о немъ скоро разошелся по всей епархіи, въ которой повсюду, по распоряженію Иннокентія, въ тотъ день также было отправлено благодарственное молебствіе...

Съ этихъ поръ Святогорскій монастырь еще болѣе Ахтырскаго становится предметомъ заботливости Иннокентія. Въ 1844 году Иннокентій сталъ уже хлопотать о возстановленіи храма Николаевского, устроеннаго вниѣ на вершинѣ Святогорской скалы. 9-го мая 1845 года, проѣздомъ, по обзорнію епархіи, Иннокентій заѣхалъ и въ Святогорскій монастырь, въ которомъ, по обычаю, произнесъ слово. И въ этомъ именно словѣ онъ высказалъ свое желаніе о скорѣйшемъ возстановленіи Никольской церкви. Указавъ на радостный день празднества, Иннокентій говорилъ далѣе: „что касается до насъ самихъ, то мы поспѣшили сюда еще и по особенной причинѣ. До сихъ поръ не воздали мы торжественной благодарности святителю за недавнее возстановленіе обители вашей. Ибо кто, какъ не онъ, охранялъ мѣсто сіе въ продолжительную годину разрушенія, его постигшаго? Когда за семьдесятъ лѣтъ предъ симъ напала на него ужасная буря, то все тотчасъ удалилось отсюда, и люди, и вещи. Не оставилъ сего мѣста одинъ угодникъ Божій. Продолжая пребывать здѣсь въ чудотворномъ лицѣ своемъ, онъ по прежнему привлекалъ цѣлыя тысячи душъ къ самымъ развалинамъ обители; питалъ во всѣхъ жителяхъ страны желаніе видѣть ее возстановленною изъ небытія и хранилъ незримо то, что разрушенное не могло-бы уже возстановиться руками человѣческими. Признаюсь, братія мои, когда я пришелъ въ первый разъ на мѣсто сіе и увидѣлъ его внутреннее оскудѣніе людьми и совершенную беззащитность; когда услышалъ при томъ, сколько было и явныхъ недоброжелательствъ и тайнаго вра-

ждованія противъ него отъ тѣхъ; кои могли сдѣлать съ Святыми Горами все, что хотѣли, и сдѣлали съ окрестностями ихъ все, что могли; когда при всемъ этомъ я увидѣлъ сіи горы облеченными еще во всю лѣпоту, кою украсила ихъ десница Творческая: то пришелъ въ недоумѣніе и вопрошалъ самъ себя, какая невидимая сила въ продолженіи столькихъ лѣтъ охраняла мѣсто сіе и изъела его изъ общей участи, кою подвергались всѣ его окрестности? Но когда вспомнилъ, что здѣсь находится чудотворный ликъ Святителя Христова Николая, то недоумѣнія мои тотчасъ окончились. Противъ такихъ стражей, подумалъ я, ничто не значитъ ни вражда, ни лукавство человѣческое... Все сіе воодушевило меня, братія, упованіемъ и на то, что какъ ни велико было заустѣніе мѣста сего, но рано-ли, поздно-ли, ему надлежало прейти. И вотъ оно прошло, и—гораздо скорѣе, нежели какъ можно было ожидать“... Приглашая затѣмъ слушателей къ благодарности святителю, Иннокентій указываетъ при этомъ и на то, чѣмъ можно ознаменовать свою признательность угоднику Божию... „Первѣе всего тѣмъ, что для него теперь особенно нужно: ибо и святыя Божіи, сходя къ намъ съ неба, нѣкоторымъ образомъ какъ-бы подвергаются нашимъ нуждамъ. Что-же, спросите, потребно для Святителя Христова или, точнѣе сказать: для его чудотворнаго лика? Потребно простище постоянное, ибо съ того самаго времени, какъ была упразднена здѣсь обитель, доселѣ онъ не имѣетъ постоянного мѣстопребыванія и странствуетъ, такъ сказать, ежедневно нисходя съ горы долу и пакы восходя на скалу. Но первобытное мѣсто, ознаменованное чудеснымъ явленіемъ его, тамъ—на скалѣ, цѣло доселѣ и ждетъ токмо нашего усердія, дабы, облекшись приличною лѣпотою, воспринять пакы на всегдашнее пребываніе икону Святителя“... „И какъ-бы хорошо было, братія мои, говорилъ Иннокентій въ заключеніе своего слова, если-бы въ слѣдующемъ году, въ настоящій-же праздникъ, мы могли взять икону Святителя отсюда и, вознесши на скалу, поставить на мѣстѣ первобытнаго явленія ея, совершить тамъ святую литургію и оставить ее тамъ на постоянное пребываніе!“

Это желаніе Иннокентія скоро же было исполнено; храмъ

былъ отдѣланъ и икона Святителя Николая была перенесена въ него изъ Успенской церкви навсегда *).

Въ іюлѣ 1845 года былъ полученъ указъ Святѣйшаго Синода, которымъ, вслѣдствіе представленія преосвященнаго Иннокентія, было разрѣшено „возобновить въ открытой подъ землею Святогорскаго монастыря храмъ бѣвшую тамъ нѣкогда церковь во имя преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ“. Обстоятельства открытія этого пещернаго храма довольно интересны. Въ дни празднованія торжественнаго открытія Святогорскаго монастыря, на сѣверо-восточной сторонѣ его, не вдалекѣ отъ Успенской церкви, въ полугорѣ, покрытой и окруженной лѣсомъ, на мѣстѣ бывшаго монастырскаго кладбища нечаянно наткнулись на небольшое отверстіе въ землѣ, которое подало поводъ Иннокентію обратить на него вниманіе, такъ какъ онъ увидѣлъ здѣсь нѣчто близкое съ тѣмъ, что имъ уже было отыскано близъ Кіева на монастырской дачѣ. Къ этому нужно прибавить еще, что и народная память хранила преданіе о какомъ-то подземномъ храмѣ въ Святогорскомъ монастырѣ. Къ счастью, въ это время въ имѣніи Потемкиныхъ доживалъ еще свой вѣкъ одинъ столѣтній старецъ, котораго какъ-бы нарочито судьба сберегла для того, чтобы онъ указалъ позднѣйшему поколѣнію труды прежняго благочестія. И дѣйствительно, этотъ старикъ объяснилъ, что найденное отверстіе ведетъ въ завалившіяся пещеры, гдѣ былъ нѣкогда подземный храмъ, посвященный во имя преподобныхъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ; по его словамъ, храмъ этотъ скрывался уже подъ землею въ то время, когда иноки переселились со скалы въ долину. По изслѣдованію архіепископа Филарета, это значитъ, что храмъ сокрылся еще гораздо раньше того времени, т. е. раньше половины XVII столѣтія и, всейпо вѣроятности, во время опустошенія края татарами: около времени упраздненія Святогорскаго монастыря

*) Везембергскій купецъ (Эстляндской губ.) Петръ Нестеровъ устроилъ для иконы кіотъ стоимостью въ 750 р. с., двѣ лампы серебряныхъ—въ 420 р. с. серебряную ризу—въ 200 р. с., а на содержаніе монастыря пожертвовалъ единовременно 100 р. и 1000 р. положилъ въ С.-Петербургскую сохранную казну. Изюмскій помѣщикъ Малиновскій устроилъ иконостасъ въ 2500 р. с.

этотъ-же самый подземный ходъ былъ найденъ и открытъ руками самаго старца-повѣствователя, бывшаго въ то время еще молодымъ юношею. Тогдашніе монахи имѣли намѣреніе возстановить этотъ найденный храмъ, но состоявшееся упраздненіе монастыря не дало имъ возможности привести въ исполненіе свое благое намѣреніе, послѣ чего пещера отъ времени еще болѣе стала засоряться землею и приходитъ въ упадокъ. По этимъ-то указаніямъ столѣтняго старца начали расчищать землю и дѣйствительно открыли въ ней слѣды древняго храма. Замѣчательно, что самъ старецъ, рассказавшій эту исторію, вскорѣ-же послѣ этого умеръ, и его погребли не вдалекѣ отъ входа въ указанный имъ подземный храмъ. Изюмскій купецъ Яковъ Дегтяревъ пожертвовалъ на возобновленіе найденнаго храма 712 руб. сер. Работа пошла быстро; храмъ былъ возобновленъ и освященъ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ 1846 году *). Когда Иннокентій шелъ съ крестнымъ ходомъ для освященія этого храма, онъ внезапно поворотилъ къ могилѣ погребеннаго предъ его входомъ столѣтняго старца, указавшаго эту пещеру по старой памяти минувшаго. „Помолимся прежде о лѣтописцѣ Святыхъ Горъ, сказалъ преосвященный,—ему мы обязаны сохраненіемъ пещерваго храма и отслужимъ панихиду надъ его могилой!“

Иннокентій не упускалъ, кажется, ни одного случая, чтобы оказать помощь возстановленнымъ имъ монастырямъ. Въ то время изъ многихъ церквей Харьковской епархіи въ пользу церквей воссоединенныхъ собирали разныя пожертвованія какъ деньгами, такъ и церковными вещами. Въ 1844 году Иннокентій выхлопоталъ въ Святѣйшемъ Синодѣ указъ, которымъ ему было разрѣшено пожертвованныя нѣкоторыми церквами Харьковской епархіи для церквей воссоединенныхъ и назначенныя уже къ отсылкѣ въ Полоцкую епархію различныя вещи оставить въ пользу новоучрежденныхъ монастырей Ахтырскаго и Святогорскаго.

Потемкины съ своей стороны не переставали украшать и обогащать Святогорской обители. Такъ въ іюнѣ 1844 г. Инно-

*) Между прочимъ, купецъ Дегтяревъ устроилъ въ этомъ храмѣ желѣзныи неопостаъ съ бронзовою отдѣлкою.

кентій получилъ отъ А. М. Потемкина формальное заявленіе о томъ, что къ числу 70-ти десятинъ земли, пожертвованной имъ въ пользу Святогорскаго Успенскаго монастыря, онъ жертвуетъ еще 230 десятинъ для усиленія способовъ къ содержанію монашествующихъ *). Кромѣ того усердіемъ Потемкинскихъ были построены каменные корпуса вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, оказавшихся слишкомъ ветхими, флигеля гостинные съ монастырскими службами и каменная колокольня съ теплымъ прекраснымъ храмомъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ селеніи Голой Долинѣ Потемкина возобновила монастырскую часовню **).

Къ 1846 году Святогорскій монастырь былъ уже на столько благоустроенъ, что Иннокентій нашелъ справедливымъ официально выразить свою благодарность тѣмъ, кто принималъ особенныя заботы и хлопоты въ благоустройствѣ новооткрытой обители. „Обозрѣвъ въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ Святогорскій общежительный монастырь со всѣхъ сторонъ,—писалъ Иннокентій въ своемъ предложеніи мѣстной консисторіи въ октябрѣ 1846 года,—и напедъ въ ономъ и порядокъ внутреннихъ, и стараніе о внѣшнемъ благоустройствѣ, долгомъ почитаю изъявить за сіе признательность о. игумену монастыря Арсепію, о. казначею Θεодосію, а прочей братіи благословеніе, моля Господа, да благодать Его, видимо осѣняющая сію обитель, навсегда пребудетъ надъ нею. Дать знать о семъ въ сію обитель по надлежащему“.

М. Бункевичъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Неизвѣстно, какъ и почему, но у Филарета сказано, что кромѣ 70 десятинъ Потемкины пожертвовали въ пользу Святогорскаго монастыря еще только 100 десятинъ.

***) Священническая вдова Чиркина пожертвовала въ пользу монастыря домъ свой съ усадьбою въ г. Славянскѣ; новочеркасскій купецъ Болдаревъ устроилъ въ монастырѣ зданіе (больницу) для престарѣлыхъ и больныхъ, стоимостью въ 3100 руб. сер.; московскій градскій голова, коммерціи совѣтникъ С. Л. Лепешкинъ и славянскій купецъ С. Киселевъ пожертвовали колоколъ въ 40 пудовъ стоимостью въ 1842 р. 62 к.; харьковскій купецъ Осненковъ пожертвовалъ сребропозлащенную ризу на икону Успенія Божіей Матери, которую въ благословеніе монастырю преподалъ Кіевскій митрополитъ Филаретъ. Риза вѣситъ 138½ золотниковъ, стоимостью въ 250 руб. асс. Екатеринославская помѣщица Янова устроила икону въ 2500 руб. и др.

ЗАМѢЧАНІЯ Г. СОЛОВЬЕВА.

Подъ заглавіемъ „Наши новыя философы и богословы“ помѣщенъ г. Стояновымъ въ трехъ книжкахъ „Вѣры и Разума“ критическій разборъ моего взгляда на соединеніе церквей. Эта критика вызываетъ съ моей стороны нѣкоторыя необходимыя заявленія.

1. То, что мною до сихъ поръ напечатано о соединеніи церквей, содержитъ въ себѣ лишь предварительныя соображенія объ этомъ предметѣ съ общихъ точекъ зрѣнія нравственности, политики и всемірной исторіи; положительное-же рѣшеніе этого вопроса на почвѣ богословской и церковно-исторической требуетъ другихъ, болѣе спеціальныхъ изслѣдованій, чѣмъ я и занятъ въ настоящее время.

2. Миѣ никогда не приходило въ голову *выводить* рѣшеніе вопроса о соединеніи церквей изъ какихъ-либо отвлеченныхъ философскихъ началъ, какъ это утверждаетъ г. Стояновъ. То мое сочиненіе, на которое преимущественно ссылается г. Стояновъ (именно „Критика отвлеченныхъ началъ“), не находится ни въ какомъ отношеніи къ вопросу о соединеніи церквей, *ни единымъ словомъ не касается этого вопроса*, а имѣетъ свой особый предметъ и свою особую философскую задачу. Если при обсужденіи моихъ взглядовъ на великую церковную распрю г. Стояновъ не хотѣлъ ограничиться тѣмъ, что мною написано по этому предмету, то онъ все таки могъ-бы взять что-нибудь болѣе подходящее къ дѣлу, напримѣръ „Религіозныя основы жизни“, или „Чтенія о богочеловѣчествѣ“. Въ сихъ послѣднихъ онъ нашелъ-бы и изложе-

ніе догмата о Пресвятой Троицѣ, котораго онъ совершенно напрасно искалъ въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“. Между тѣмъ, основывая свои сужденія объ извѣстномъ предметѣ на такомъ сочиненіи, которое относится не только къ другому предмету, но даже къ другой области мышленія, почтенный критикъ естественно приходитъ къ невѣрнымъ выводамъ и приписываетъ мнѣ такія мнѣнія, противъ которыхъ я долженъ рѣшительно протестовать.

3. Утвержденіе мое (въ „Крит. отвл. нач.“), что „истина вѣры можетъ и должна стать также и истиной разума и науки“ ничуть не имѣетъ въ виду устранить или уменьшить самостоятельное значеніе и обязательную силу религіозныхъ истинъ. Теософія относится къ истинамъ откровенія такъ-же, какъ астрономія къ свѣтиламъ небеснымъ. Ученый астрономъ грѣется на томъ-же солнцѣ, какъ и всѣ. Свѣтъ знанія нисколько не уменьшаетъ и не увеличиваетъ свѣта солнечнаго, и „холодная“ наука отнюдь не поглощаетъ солнечной теплоты. Подобнымъ образомъ и теософическія размышленія о религіозныхъ истинахъ нисколько не препятствуютъ ни сердечной вѣрѣ въ эти истины, ни „безмолвной покорности глаголющему Богу“.

4. Я никогда не усваивалъ философской мысли вообще (и своей въ частности) права распоряжаться по своему догматами вѣры. Такое тяжкое обвиненіе г. Стояновъ основываетъ на нѣсколькихъ критическихъ замѣчаніяхъ (въ той-же моей философской диссертациі) объ отвлеченномъ догматизмѣ и о традиціонной теологіи (преимущественно о средневѣковой схоластикѣ). Но отвергать отвлеченный догматизмъ не значитъ отвергать самые догматы, какъ отвергать раціонализмъ не значитъ отрицать самый разумъ въ его необходимыхъ истинахъ. Точно также указывать на несовершенство извѣстной теологической системы никакъ не значитъ посягать на догматы нашей вѣры. Сии послѣдніе ни отъ какихъ теологическихъ системъ не зависятъ: ихъ содержаніе дано въ откровеніи и точнѣйшимъ образомъ опредѣляется въ догматическихъ постановленіяхъ вселенской Церкви, обязательныхъ для всѣхъ ея чадъ.—Обвиненіе, взведенное на меня г. Стояновымъ,

похоже на то, какъ если-бы я указывалъ на несовершенства русской юридической науки, а кто-нибудь вывелъ-бы изъ этого, что я отвергаю законы русскаго государства или считаю ихъ для себя необязательными.

5. Я никогда не признавалъ протестантскаго дѣленія догматовъ на существенные и несущественные. Если въ послѣдней статьѣ „Великій споръ и христіанская политика“ я употребилъ выраженіе *основной догматъ* христіанства (разумѣя подъ этимъ совершенное Божество и совершенное человѣчество во Христѣ), то такое выраженіе оправдано въ одной изъ предъидущихъ статей (о ересьяхъ), гдѣ я показалъ, какъ всѣ церковные догматы (не исключая и догмата седьмаго вселенскаго собора объ иконопочтаніи) неразрывно соединены съ истинной богочеловѣчества. Указаніе на эту основную истину не суживаетъ налпчной сферы обязательныхъ догматовъ, а напротивъ распространяетъ ее и на всѣ тѣ догматическія положенія, которыя Церковь когда-либо выведетъ изъ истины богочеловѣчества. Вотъ почему, между прочимъ, я не могу считать протестантовъ принадлежащими къ Церкви, хотя они (по крайней мѣрѣ болѣе ортодоксальные изъ нихъ) принимаютъ догматъ о богочеловѣствѣ *въ отдѣльности взятый*.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній я къ сожалѣнію не могу оставить безъ оговорки и слѣдующей странности. Г. Стояновъ (на стр. 114) цитируетъ меня такимъ образомъ: „Его христіанская политика имѣетъ въ виду лишь тѣ „великіе жизненные вопросы, въ разрѣшеніи которыхъ народъ долженъ руководствоваться прежде всего голосомъ совѣсти (забывая даже и истину), отодвигая на второй планъ всѣ другія соображенія“. Здѣсь слова: *забывая даже и истину* вставлены г. Стояновымъ отъ себя въ середину моей фразы. Зачѣмъ вставлены—непонятно. Когда говорится о голосѣ совѣсти, то само собою разумѣется, что этотъ голосъ не позволяетъ забывать истину. Я же говорилъ именно о томъ, что въ церковномъ вопросѣ мы по совѣсти должны заботиться прежде всего о христіанской истинѣ, оставляя всѣ постороннія соображенія.

Сущность выставленныхъ противъ меня обвиненій побуждаетъ меня сдѣлать слѣдующее заключительное заявленіе:

Разсуждая о соединеніи церквей я признавалъ и признаю, принималъ и принимаю, считалъ и считаю для себя безусловно обязательными всѣ безъ исключенія догматы, изъяснительно определенныя Церковью на семи вселенскихъ соборахъ, а равно и послѣ сихъ соборовъ всѣ тѣ ученія, которыя могутъ (и поскольку могутъ) оказаться догматами вселенской Церкви.

Владиміръ Соловьевъ.

Нѣсколько мыслей по поводу замѣчаній г. Соловьева на статьи „Наши новые философы и богословы“.

Благодаря любезности достоуважаемаго редактора журнала „Вѣра и Разумъ“, мы имѣли возможность прочесть въ рукописи выше-напечатанныя замѣчанія г. Соловьева на наши критическія статьи по поводу предположеннаго имъ союза Восточной Церкви съ Западною. „Замѣчанія“ эти, при своей краткости, представляются намъ настолько серьезными и настолько вѣсными, что, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ полнаго вниманія и требуютъ должнаго съ нашей стороны отвѣта. Постараемся въ немногихъ словахъ дать этотъ отвѣтъ по всѣмъ пяти пунктамъ замѣчаній.

1. Г. Соловьевъ говоритъ, что во всемъ томъ, что имъ до сихъ поръ было напечатано о соединеніи церквей, не возможно или даже не должно находить положительнаго рѣшенія этого вопроса на почвѣ богословской и церковно-исторической, и что только въ настоящее время онъ занять спеціальнымъ изслѣдованіемъ, или рѣшеніемъ этого вопроса на указанной почвѣ. Конечно, мы никакимъ образомъ не могли знать того, какъ смотритъ г. Соловьевъ на всѣ свои статьи, напечатанныя имъ до сихъ поръ въ разныхъ журналахъ въ доказательство необходимости союза Восточной Церкви съ Западною, т. е. не могли знать, признаетъ-ли онъ свои статьи положительнымъ уже рѣшеніемъ вопроса, или только предварительными и, такъ сказать, подготовительными соображеніями для рѣшенія этого вопроса. Но что же отсюда слѣдуетъ? То-ли, что критика, не находя положительнаго богословскаго рѣшенія

этого вопроса, не должна была подвергаться обсужденію предварительныя соображенія г. Соловьева, или то, что эти предварительныя соображенія не ведутъ еще къ тѣмъ заключеніямъ, на которыя указали мы вмѣстѣ съ другими критиками г. Соловьева? Не думаемъ, чтобы г. Соловьевъ хотѣлъ запретить критику обсужденіе хотя-бы то и предварительныхъ соображеній его, и не хочется думать такъ потому, что это значило-бы предположить въ г. Соловьевѣ желаніе стѣснить свободу критики, безъ всякой надобности для дѣла, а иногда и съ положительнымъ ущербомъ для истины. Намъ кажется, что и предварительныя соображенія и положительныя рѣшенія г. Соловьева равно могутъ и должны подлежать разбору свободной критики, коль скоро эти соображенія и эти рѣшенія являются въ печати, становятся достояніемъ публики и производятъ такое или иное, желательное или нежелательное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, на извѣстныхъ читателей. Если же г. Соловьевъ хочетъ сказать намъ то, что его предварительныя соображенія не даютъ критику права приходить къ тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ не приходитъ и онъ самъ, и которыя, быть можетъ, окажутся даже противоположными заключеніямъ, выведеннымъ послѣдующею и опровергнutoю критикою: то на чей же счетъ въ данномъ случаѣ должна быть зачислена эта ошибка? Кто виноватъ: критика - ли, которая на основаніи предварительныхъ соображеній г. Соловьева приходитъ къ нежелательнымъ для него заключеніямъ, или виноваты самыя его предварительныя соображенія, которыя по логической послѣдовательности прямо приводятъ критику къ этимъ выводамъ и заключеніямъ? Мы не хотимъ быть во что бы то ни стало защитниками критики противъ г. Соловьева, но не хотимъ оправдывать и предварительныя соображенія его, которыя приводятъ критиковъ къ столь невѣрнымъ, по мнѣнію г. Соловьева, выводамъ и заключеніямъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ лучшимъ судьей можетъ быть уже самъ читатель. Во всякомъ случаѣ, въ свое собственное оправданіе можемъ сказать, что мы, подобно другимъ критикамъ г. Соловьева, изъ предварительныхъ соображеній его вывели пока то главное

заключеніе, что онъ хочетъ убѣдить насъ признать римскаго первосвященника непогрѣшимымъ вождемъ и главою въ христіанскомъ мірѣ. Вѣрно-ли наше заключеніе? Полагаемъ, что самъ г. Соловьевъ не можетъ опровергнуть правильности этого вывода, какъ-бы ни старался онъ потомъ, быть можетъ, смягчить для насъ рѣзкую форму этого богословскаго положенія. А если это такъ, если нашъ выводъ правиленъ, то мы всегда, по праву свободной критики, будемъ протестовать противъ этого вывода всею сплою нашего сознанія, не дожидаясь окончательнаго и положительнаго рѣшенія, каково-бы ни было это рѣшеніе въ новомъ и пока еще ненапечатанномъ сочиненіи г. Соловьева. То же обстоятельство, что г. Соловьевъ пока еще не далъ рѣшенія вопроса о соединеніи церквей на почвѣ строго богословской, разумія при этомъ и церковно-историческія разслѣдованія,—было для насъ очевидно и прежде, и даже было точно указано нами въ нашихъ критическихъ статьяхъ. Мы даже выступили въ своихъ статьяхъ противъ г. Соловьева именно изъ того положенія, что рѣшеніе подобнаго рода вопросовъ, какъ соединеніе церквей, принадлежитъ исключительно богословію, а не теософіи, и что теософія, принимаясь за рѣшеніе подобныхъ вопросовъ независимо отъ богословія, вторгается въ чужую и ей не принадлежащую область. Правда, мы назвали предварительныя соображенія г. Соловьева *теософическими* положеніями, не вполне впрочемъ согласными съ строгою теософіею, а не общими точками зрѣнія нравственности, политики и всемірной исторіи, какъ называетъ ихъ самъ г. Соловьевъ. Но, кажется, что здѣсь уже дѣло идетъ о названіяхъ, о словахъ, а не о самой сущности дѣла. Признаемъ-ли мы эти предварительныя соображенія общими точками зрѣнія, какъ желаетъ того г. Соловьевъ, или теософіею, какъ сдѣлали это мы, для дѣла это безразлично. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не имѣемъ *строго богословскаго* рѣшенія вопроса, т. е. не имѣемъ рѣшенія единственно законнаго, единственно основательнаго и единственно правильнаго, а съ этимъ, какъ обазывается, согласенъ и самъ г. Соловьевъ. Не думаемъ впрочемъ, чтобы мы ошибались,

усвояя предварительнымъ соображеніямъ г. Соловьева названіе *теософическихъ*; вѣдь теософія не только не чуждается общихъ точекъ зрѣнія нравственности, политики и всемірной исторіи, но напротивъ включаетъ ихъ въ себя.

2. Гораздо серьезнѣе можно смотрѣть на вторую замѣтку г. Соловьева. Онъ говоритъ, что ему никогда и въ голову не приходило выводить рѣшеніе вопроса о соединеніи церквей изъ какихъ либо отвлеченныхъ философскихъ началъ и что то сочиненіе, на которое преимущественно ссылаемся мы (именно „Критика отвлеченныхъ началъ“), *ни единымъ словомъ не касается этого вопроса* (курсивъ въ подлинникѣ). Это совершенно вѣрно, т. е. совершенно вѣрно то, что въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ нельзя находить ни единого слова для *прямого* рѣшенія вопроса о соединеніи церквей. Но этого нельзя утверждать о *косвенномъ* рѣшеніи или, лучше сказать, о глубочайшихъ основахъ для этого рѣшенія. Г. Соловьевъ, безъ сомнѣнія, согласится съ тѣмъ, что теософія можетъ рѣшать или не рѣшать извѣстные богословскіе вопросы (это зависятъ уже отъ многихъ случайныхъ причинъ); но что она непременно, въ самой себѣ, въ своихъ глубочайшихъ основаніяхъ, носитъ такое или иное рѣшеніе этихъ вопросовъ и непременно должна рѣшать ихъ такъ, а не иначе, если-бы только ей пришла охота заняться этимъ рѣшеніемъ. Теософъ можетъ выводить или не выводить извѣстныя заключенія изъ своихъ началъ; но какъ скоро эти основанія усвоены имъ себѣ, онъ долженъ признать своими и всѣ тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ принятыхъ имъ основаній; и эти выводы можетъ сдѣлать всякій, кому угодно, по требованію логической послѣдовательности, не смотря на то, что авторъ умалчиваетъ о своихъ выводахъ въ однихъ своихъ статьяхъ, и затѣмъ болѣе или менѣе ясно говоритъ о нихъ въ другихъ. Мы были увѣрены, да и теперь остаемся съ прежнею увѣренностію, что именно это случилось и съ нашимъ почтеннымъ теософомъ, т. е. съ г. Соловьевымъ. Онъ говоритъ, что его статьи о соединеніи церквей содержатъ въ себѣ лишь предварительныя соображенія съ общихъ точекъ зрѣнія нравственности, политики

и всемірной исторіи; но не утверждаетъ-ли онъ самъ въ той-же „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“, что общіе вопросы нравственности, а слѣдовательно политики и всемірной исторіи, находятся въ глубочайшей и неразрывной связи съ метафизическими и въ частности теософическими воззрѣніями? Не признаетъ-ли онъ самъ теософію центральнымъ свѣтиломъ, вокругъ котораго должны вращаться планеты всѣхъ другихъ наукъ? Тѣ общія точки зрѣнія его статей по вопросу о соединеніи церквей, о которыхъ говоритъ намъ г. Соловьевъ, суть-ли поэтому блуждающія кометы, не находящіяся ни въ какихъ отношеніяхъ къ его центральному свѣтилу—къ теософіи; или же должны быть признаны планетами, стоящими въ закономѣрномъ и правильномъ отношеніи къ этому центральному свѣтилу? По истинѣ, мы не могли и не можемъ признать общія точки зрѣнія и предварительныя соображенія г. Соловьева какими-то беспорядочными кометами, блуждающими безъ всякой связи и безъ всякихъ отношеній къ теософіи, т. е. мы никакъ не могли и не можемъ признать нашего почтеннаго теософа эклектикомъ, довольствующимся смѣшеніемъ разрозненныхъ и непримиримыхъ между собою точекъ зрѣнія, но признали и признаемъ его довольно вѣрнымъ себѣ и довольно послѣдовательнымъ теософомъ. Какимъ окажется г. Соловьевъ въ новыхъ своихъ сочиненіяхъ, конечно, мы не знаемъ; очень можетъ быть, что онъ окажется въ нихъ уже теологомъ, а не теософомъ; но дѣло въ томъ, что именно теософомъ онъ представляется намъ теперь, въ настоящую пору, судя по всему тому, что до сихъ поръ напечатано имъ и что намъ пока извѣстно изъ его печатныхъ статей. Въ этихъ соображеніяхъ нашихъ, надѣемся, г. Соловьевъ найдетъ разгадку и того, почему мы въ своихъ возраженіяхъ противъ него не обратились ни къ его „Религіознымъ основамъ жизни“, ни къ его „Чтеніямъ о богочеловѣчествѣ“. Мы искали глубочайшихъ основаній для его разрозненныхъ и общихъ точекъ зрѣнія, какими эти точки зрѣнія представлялись намъ въ различныхъ, до сихъ поръ напечатанныхъ имъ, статьяхъ по занимающему насъ вопросу; и мы могли найти эти основанія только въ его „Критикѣ

отвлеченныхъ началъ“. Намъ хотѣлось прежде всего и главнѣе всего отыскать именно эти основанія, разсмотрѣть пригодность ихъ для рѣшенія чисто богословскихъ вопросовъ и затѣмъ уже перейти, насколько это необходимо будетъ для нашей частной цѣли, и въ „Религіознымъ основамъ жизни“ и въ „Чтеніямъ о богочеловѣчествѣ“ г. Соловьева. Это мы и предполагаемъ сдѣлать въ нашихъ послѣдующихъ статьяхъ. Что дѣлать? Мы не могли найти всего того, чего искали, ни въ „Религіозныхъ основахъ жизни“, ни въ „Чтеніяхъ о богочеловѣчествѣ“; да этого тамъ и нѣтъ, по нашему искреннему убѣжденію; все это существуетъ только въ его „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“. Глубочайшія теософическія основанія, повторяемъ, изложены г. Соловьевымъ только въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“. Ужели это невѣрно? Намъ кажется, что въ этомъ можно убѣдиться даже изъ чтенія нашихъ критическихъ статей противъ г. Соловьева. Отсюда же должно быть ясно и то, какъ намъ тоже кажется, почему мы не изложили догматическое или богословское ученіе г. Соловьева о Пресвятой Троицѣ по двумъ послѣднимъ его сочиненіямъ, а лишь указали опять-таки на „Критику отвлеченныхъ началъ“. Дѣло въ томъ, что мы не задавались цѣлію прослѣдить богословское изложеніе г. Соловьевымъ этого ученія; мы хотѣли только показать для нашей частной цѣли непригодность теософіи въ разъясненіи откровенныхъ догматовъ, на основаніи однихъ теософическихъ началъ, безъ сердечной покорности „глаголющему Богу“; мы хотѣли показать, что г. Соловьевъ вмѣстѣ съ Шеллингомъ, не имѣлъ права „упрекать теологію въ отвлеченности, неабсолютности, т. е. неполнотѣ ея ученія, и напротивъ видѣть въ теософіи какою-то реальность, абсолютность и полноту истины“,—словомъ, мы хотѣли показать, что теологія въ своей области явнѣе, реальнѣе и абсолютнѣе, чѣмъ теософія въ этой-же самой области. Достигли-ли мы своей цѣли? Пусть судитъ объ этомъ уже читатель. Отсюда-же, наконецъ, должно быть ясно и то, насколько правильны сужденія г. Соловьева о томъ, что будто-бы мы, ссылаясь не на тѣ сочиненія его, на которыя намъ слѣдовало-бы

ссмлатся, по его мнѣнію, приписываемъ ему такія положенія, противъ которыхъ онъ рѣшительно долженъ протестовать? Ужъ не думаетъ-ли онъ, что мы усвоаемъ ему, какъ христіанину, извращеніе православнаго ученія о величайшей христіанской тайнѣ, т. е. о тайнѣ тропчности Лицъ Божества, и, подобно средневѣковому инквизитору, обвиняемъ его въ ереси? Истиннѣ это было-бы предположеніемъ для насъ самихъ ѣтолько-же обиднымъ и несправедливымъ, сколько и для самого г. Соловьева. Когда у нѣкоторыхъ христіанскихъ мыслителей можно находить такія илишныя неудовлетворительныя объясненія таинственнаго ученія о Св. Троицѣ, когда даже у уважаемыхъ церковныхъ писателей можно встрѣчать сравненія и уподобленія для уясненія этого ученія не вполне удачныя: то кто-же рѣшится выводить отсюда невѣрныя и поспѣшныя заключенія о чистотѣ и святости ихъ вѣры? Нѣтъ, мы не смѣшиваемъ уясненія вѣры, не смѣшиваемъ теософіи съ вѣроисповѣданіемъ; мы убѣждены, что между возможнымъ въ настоящее время научнымъ или теософическимъ объясненіемъ догмата и вѣроисповѣднымъ убѣжденіемъ можетъ существовать огромная разница. Пусть вспомнитъ г. Соловьевъ, что мы писали въ своемъ введеніи въ нашумѣ критическимъ статьямъ. Мы говорили: „теософія, т. е. стремленіе понять религіозныя истины сознательно, въ мѣру нашихъ познавательныхъ силъ на основаніи тѣхъ или другихъ философскихъ началъ, есть, на нашъ взглядъ, прекрасная наука, оправдываемая духомъ времени и отвѣчающая естественнымъ стремленіямъ человѣка къ разумности; но она никогда не должна забывать, что ея субъективное пониманіе откровенныхъ истинъ, ея припиреніе ихъ съ требованіями разума и опыта, никогда не должны замѣнять догматику, выдавать себя за какое-то высшее откровеніе въ человѣческомъ родѣ и отвергать прямыя и непосредственныя требованія догматики во имя лишь своего субъективнаго пониманія христіанства. Словомъ, мы уважаемъ теософію, но отвергаемъ ея право рѣшать богословскіе вопросы самостоятельно, независимо отъ догматики и даже вопреки ей, на однихъ лишь субъек-

тивныхъ началахъ“. Это, и только это, мы хотѣли сказать своими выводами изъ теософическихъ статей г. Соловьева и вовсе не касались его религіозныхъ, сердечныхъ убѣжденій. До его сердечной вѣры, до его сердечныхъ убѣжденій намъ не было и нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Поэтому противъ всякаго инаго толкованія нашихъ выводовъ мы тоже протестуемъ всею силою нашего сознанія.

3. Г. Соловьевъ говоритъ, что своимъ положеніемъ: „истина вѣры можетъ и должна стать также и истиной разума и науки“, онъ ничуть не имѣлъ въ виду устранить или уменьшить самостоятельное значеніе и обязательную силу религіозныхъ истинъ. Это тоже не было для насъ тайной. Когда мы въ своихъ статьяхъ приглашали читателя при разборѣ общихъ воззрѣній г. Соловьева, названныхъ нами теософическими, имѣть въ виду не одну теософическую точку зрѣнія г. Соловьева, но и теологическую; когда мы указывали, что онъ свободно мѣняетъ эти точки зрѣнія, держась то одной, то другой, смотря по своимъ надобностямъ; когда мы даже упрекали его за это въ непоследовательности: то для насъ ясно было, что онъ дѣлаетъ все это исключительно ради самостоятельнаго значенія и обязательной силы религіозныхъ истинъ. Но именно это не давало и не даетъ намъ права согласиться съ г. Соловьевымъ, что будто-бы „теософія относится къ истинамъ откровенія также, какъ астрономія къ свѣтяламъ небеснымъ“, т. е. не давало и не даетъ намъ права приравнивать теософію къ теологіи. Нѣтъ сомнѣнія, что для астронома, при ученомъ созерцаніи неба, если не все, то очень много зависитъ отъ телескопа; хорошъ телескопъ, и астрономъ будетъ видѣть небесныя свѣтила ясно, отчетливо; а дурень телескопъ, и астрономъ будетъ видѣть ихъ туманно, дурно. Намъ кажется поэтому, примѣнительно къ нашему предмету, что телескопъ теологіи, т. е. телескопъ церковной вѣры лучше и надежнѣе телескопа теософіи, т. е. телескопа тѣхъ или другихъ научно-философскихъ началъ. Исходя именно изъ этой точки зрѣнія, мы не можемъ усвоить какаго-либо важнаго значенія и всѣмъ частнымъ дово-

дамъ г. Соловьева въ пользу исключительной абсолютности теософiи вообще. Г. Соловьевъ говоритъ, напр., что ученый астрономъ грѣется на томъ-же солнцѣ, какъ и всѣ. Конечно, но онъ грѣется не посредствомъ астрономическаго или теософическаго телескопа, а своимъ непосредственнымъ ощущенiемъ свѣта и теплоты. Свѣтъ знанiя, говоритъ еще г. Соловьевъ, нисколько не уменьшаетъ и не увеличиваетъ свѣта солнечнаго, т. е. свѣта откровенной истины. Надобно полагать, что идеальное знанiе, знанiе въ своей идеѣ, не можетъ ни уменьшать, ни увеличивать этого солнечнаго свѣта въ объективномъ смыслѣ; но не такимъ большею частiю является знанiе на самомъ дѣлѣ, на опытѣ; оно если не увеличиваетъ, то очень часто уменьшаетъ его. „Холодная“ наука, говоритъ наконецъ г. Соловьевъ, „не поглощаетъ солнечной теплоты“. Намъ-же кажется, что науку нельзя назвать ни холодной, ни теплой; ее должно назвать, по крайней мѣрѣ, отъ ней должно требовать, чтобы она была только строго объективной; и смотря потому, бываетъ-ли она объективной или впадаетъ въ субъективизмъ, она можетъ поглощать или не поглощать солнечную теплоту; отъ этого простаго условiя зависитъ все. Вообще мы не можемъ съ такою рѣшительностiю утверждать, какъ дѣлаетъ это г. Соловьевъ, что будто-бы теософическiя размысленiя о религiозныхъ истинахъ ни сколько не препятствуютъ ни сердечной вѣрѣ въ эти истины, ни „безмолвной покорности глаголющему Богу“. Возможны всякаго рода случайности. Здѣсь все дѣло зависитъ отъ такихъ или иныхъ теософическxъ началъ и отъ большей или меньшей послѣдовательности и вѣрности этимъ началамъ.

4. Г. Соловьевъ думаетъ, что будто-бы мы взводимъ на него *тяжкое обвиненiе*, когда утверждаемъ, что онъ усволяетъ философской мысли вообще (и своей въ частности) право распоряжаться по своему догматами вѣры. Въ чемъ-же состоитъ наше тяжкое обвиненiе г. Соловьева? Гдѣ оно? Для ясности дѣла приведемъ подлинныя наши выраженiя противъ г. Соловьева. Указавши на то, какъ, по мнѣнiю нашего теософа, отрицательное отношенiе разума и науки къ религiозному знанiю оправдываетъ-

ся отвлеченно догматическимъ характеромъ самой теологіи, и что поэтому надобно освободить традиціонную теологію отъ отвлеченнаго догмата, ввести религіозную истину въ формы свободнаго разумнаго мышленія и реализовать ее въ данныхъ опытной науки, мы затѣмъ сказали: „когда усвояютъ себѣ *подобную свободу* въ отношеніи къ догмату; когда уполномочиваютъ свой разумъ во имя сознательнаго пониманія и усвоенія догмата распоряжаться имъ произвольно: тогда могутъ входить въ церковное единеніе съ кѣмъ угодно совершенно свободно, но уже не на основаніи вѣроисповѣднаго ученія, не на основаніи религіознаго единомыслія, а на основахъ уваженія къ своему разуму или на основахъ любви къ теософическимъ началамъ. Но это не *церковная* или не *теологическая* точка зрѣнія. Полагаемъ, ни римская, ни православная теологія не позволитъ никакой теософіи *такъ* самовластно распоряжаться догматами вѣры“.

Вотъ подлинныя наши выраженія. Въ чемъ же мы обвиняемъ г. Соловьева? Намъ прежде казалось да и теперь кажется, что когда освобождаютъ традиціонную теологію отъ отвлеченнаго догматизма и такимъ образомъ организуютъ всю область знанія (будетъ-ли эта область истинною, или ложною) въ полную систему свободной и научной теософіи: тогда усвояютъ своимъ теософическимъ положеніямъ, или, какъ выражается г. Соловьевъ въ настоящихъ замѣчаніяхъ, своимъ общимъ точкамъ зрѣнія значеніе *равносильное* и, быть можетъ, даже преимущественное сравнительно съ общепринятымъ ученіемъ въ извѣстной церкви, а потому могутъ вступать, или не вступать въ церковный союзъ уже совершенно произвольно, на основахъ своихъ теософическихъ началъ, или общихъ точекъ зрѣнія, но отнюдь не на основахъ строго *традиціонно-церковныхъ*, отнюдь не на основахъ той или другой *традиціонной* теологіи. Намъ казалось да и теперь кажется, что г. Соловьевъ приглашаетъ насъ къ союзу съ римскою церковію именно на основахъ своихъ общихъ точекъ зрѣнія, которыми онъ усвояетъ значеніе, по крайней мѣрѣ *равносильное* съ отвлеченною *традиціонною* теологіею, а не на основахъ, собст-

венно церковныхъ, или традиціонно *теологическихъ*, будутъ-ли эти послѣднія основы православныя, латинскія или даже протестантскія. Ужели это не вѣрно? Въ чемъ же состоитъ здѣсь наше тяжкое обвиненіе г. Соловьева? Впрочемъ нѣкоторый свѣтъ на это темное и непонятное для насъ дѣло проливаютъ послѣдующія разсужденія г. Соловьева. Онъ думаетъ, что мы обвиняемъ его *въ отверженіи догматовъ*, и обвиняемъ на томъ основаніи, что онъ отвергаетъ отвлеченный догматизмъ; онъ думаетъ, что мы приписываемъ ему посягательство на догматы нашей вѣры лишь потому, что онъ указываетъ на несовершенство нашихъ теологическихъ системъ,—словомъ онъ думаетъ, что мы поступаемъ подобно тому, какъ еслибы мы обвиняли его въ государственномъ преступленіи, въ отверженіи законовъ русскаго государства, въ непризнаніи ихъ обязательными для себя на томъ единственно основаніи, въ данномъ случаѣ совершенно нами произвольно предполагаемомъ, что онъ указываетъ на несовершенство русской юридической науки. Смыслъ увѣрить г. Соловьева, что ничего подобнаго мы не только не говорили, но и не думали. Это до очевидности доказываетъ приведенная уже нами выдержка изъ нашей британской статьи. Скажемъ даже болѣе, г. Соловьевъ, убѣждай насъ, восточныхъ христіанъ, вступить въ союзъ съ римскою церковію, не имѣлъ и не имѣетъ ни малѣйшей надобности отвергать, или какъ-либо посягать на догматы православной Церкви, такъ какъ всѣ догматы нашей православной Церкви, изложенные на семи вселенскихъ соборахъ, принимаетъ и римская церковь, хотя толкуетъ ихъ часто превратно. Но онъ имѣлъ и имѣетъ надобность своимъ общимъ точкамъ зрѣнія, или, по нашему, своимъ теософическимъ положеніямъ усвоить значеніе *равносильное*, а можетъ быть и преимущественное сравнительно съ ученіемъ нашей *традиціонной* теологій. Поэтому всѣ превратныя разсужденія нашего теософа о томъ, что отверженіе отвлеченнаго догматизма не есть еще отверженіе догматовъ, какъ указаніе на несовершенства теологій не есть еще посягательство на догматы вѣры, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ нашимъ

критическимъ статьямъ и никакимъ образомъ не могутъ указать въ нихъ будто-бы ошибочнаго нашего образа мышленія, или ошибочнаго образа выраженій.

5. Г. Соловьевъ говоритъ, что онъ никогда не признавалъ протестантскаго дѣленія догматовъ на существенные и несущественные. Это уже очень странно! Мы же дѣйствительно думали и признаемся, продолжаемъ думать, что онъ непременно долженъ допустить это дѣленіе, если только хочетъ остаться вѣрнымъ своимъ общимъ точкамъ зрѣнія, касающимся союза церквей. Впрочемъ, мы думаемъ такъ рѣшительно не на томъ основаніи, на которое указываетъ намъ самъ г. Соловьевъ въ своихъ замѣчаніяхъ, а совершенно на другомъ, или лучше — на другихъ основаніяхъ. Вотъ эти наши основанія. Когда г. Соловьевъ утверждаетъ, что новые римскіе догматы не противорѣчатъ догматамъ православной Церкви; когда говоритъ, что, быть можетъ, при посредствѣ широкой полемики, будетъ доказано или разъяснено, что всѣ эти римскіе догматы вполне согласны съ ученіемъ православной Церкви; когда, напримѣръ, онъ думаетъ, что и *Filioque*, и главенство папы, и папская непогрѣшимость *ex cathedra* и пр., и пр., удобно могутъ мириться съ догматами восточной Церкви: то какъ онъ смотритъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ долженъ будетъ смотрѣть, въ случаѣ возстановленія церковнаго союза, на эти новые латинскіе догматы? Признаетъ-ли онъ ихъ тогда существенными, или не существенными? Повидимому онъ долженъ будетъ признавать ихъ несущественными. По крайней мѣрѣ, самъ же онъ утверждаетъ, что спасеніе возможно и безъ этихъ догматовъ, что и безъ признанія ихъ можно принадлежать къ составу вселенской Церкви Христовой, будетъ-ли кто признавать, или не будетъ признавать эти новые латинскіе догматы—это все равно. Но когда догматъ не имѣетъ никакого вліянія на принадлежность къ составу вселенской Церкви и, слѣдовательно, на наше спасеніе, когда онъ безразличенъ въ отношеніи къ изшей вѣчной жизни, то какимъ надобно признать его: существеннымъ, или несущественнымъ? Полагаемъ, что несущественнымъ. Это одно наше основаніе. Но у насъ было и есть другое основаніе, имѣющее бо-

лѣе близкое отношеніе къ намъ, православнымъ. Именно это предложенныя самимъ же г. Соловьевымъ условія союза церквей. Этихъ условій, или этихъ основныхъ догматическихъ положеній г. Соловьевъ допускаетъ только три, именно: „признаніе богочеловѣческой власти въ церковной іерархіи, исповѣданіе богочеловѣческой вѣры и наконецъ участіе въ богочеловѣческой жизни чрезъ приобщеніе св. таинства“ („Русь“ 1883, № 23, стр. 27). Какъ же онъ долженъ смотрѣть на всѣ остальные догматическія положенія православной Церкви, особенно—какъ онъ долженъ смотрѣть на тѣ изъ нихъ, которыя прямо направлены къ отверженію новыхъ латинскихъ догматовъ? Какъ онъ долженъ смотрѣть, напр., на догматическое положеніе православной Церкви о томъ, что Духъ Святой исходитъ отъ одного Отца, что главою Церкви видимой и невидимой надобно признавать единственно Іисуса Христа, что таинства не могутъ дѣйствовать *ex opere operato* и пр., и пр.? Признаетъ-ли онъ всѣ эти догматы православной Церкви существенными или несущественными, или онъ вовсе не признаетъ ихъ догматами, обязательными для своей вѣры? Намъ казалось да и теперь кажется, что онъ долженъ или признавать ихъ догматами несущественными, или долженъ отказаться отъ защиты всѣхъ новыхъ римскихъ измышленій. И вотъ именно на этихъ основаніяхъ мы утверждали и утверждаемъ, что когда въ замѣнъ программы восточной Церкви предлагаютъ свою, придуманную на основаніи протестантскаго дѣленія догматовъ на существенные и несущественные, центральные и периферическіе, хотя и не высказываютъ этого дѣленія ясно, тогда предлагаютъ церковный союзъ на условіяхъ рѣшительно невозможныхъ для восточной Церкви. Были-ли мы правы, утверждая это? Пусть судить уже читатель.

Мы кончили съ общими замѣчаніями г. Соловьева. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о неудачной прибавкѣ, вставленной нами въ среднюю собственныхъ, или подлинныхъ выраженій г. Соловьева. Мы дѣйствительно позволили себѣ прибавить, какъ-бы его собственное выраженіе, что „совѣсть можетъ забы-

вать истину". Между тѣмъ г. Соловьевъ, какъ оказывается теперь, этого не могъ допустить, и не могъ допустить по слѣдующимъ, приводимымъ имъ въ своихъ замѣчаніяхъ, основаніямъ. „Когда говорится, объясняетъ онъ, о голосѣ совѣсти, то само собою разумѣется, что этотъ голосъ не позволяетъ забывать истину. Я же говорилъ именно о томъ, что въ церковномъ вопросѣ мы по совѣсти должны заботиться прежде всего о христіанской истинѣ, оставляя всѣ постороннія соображенія“. Очень благодарны г. Соловьеву за это, во всякомъ случаѣ новое для насъ его собственное воззрѣніе на совѣсть, и очень жалѣемъ, что не могли знать этого воззрѣнія прежде: мы не допустили бы нашей прибавки. Между тѣмъ прежде, сколько намъ извѣстно, г. Соловьевъ думалъ совершенно иначе. По крайней мѣрѣ, въ своей докторской диссертациі, все въ той-же „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ онъ именно говорилъ: „совѣсть, какъ было уже кѣмъ-то замѣчено, совершенно подобна тому демону, котораго внушеніями руководствовался Сократъ. Какъ этотъ демонъ, такъ и совѣсть говоритъ намъ, чего мы не должны дѣлать, и не указываетъ намъ того, что мы должны дѣлать, не даетъ никакой положительной цѣли нашей дѣятельности“. Именно это воззрѣніе на совѣсть, высказанное г. Соловьевымъ, и давало намъ право сдѣлать, какъ оказывается теперь, нашу неудачную прибавку. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ держаться этого послѣдняго воззрѣнія на совѣсть, если будемъ смотрѣть на нее только, какъ на функцію души отрицательную, то какое должно быть отношеніе ея къ дѣятельности души положительной, къ положительному напримѣръ знанію и усвоенію той или другой истины? Рѣшительно безучастное, нѣмое и холодное. Разумъ можетъ диктовать ей положительную истину или положительное заблужденіе, и ей нѣтъ до этого ни малѣйшаго дѣла; она вся должна быть поглощена своею отрицательною дѣятельностію, т. е. отрицательнымъ лишь указаніемъ на то, чего человѣкъ не долженъ дѣлать, слѣпо покоряясь въ своей дѣятельности истиннымъ, или ложнымъ требованіямъ и внушеніямъ человѣческаго разума. Мы тѣмъ болѣе считали себя

въ правѣ усвоить г. Соловьеву это отрицательное воззрѣніе на совѣсть, а потому и позволили себѣ сдѣлать, нашу неудачную прибавку, что, сколько намъ извѣстно, существуютъ и другіе западные моралисты, которые тоже держатся подобныхъ отрицательныхъ воззрѣній на совѣсть, что, по нашему мнѣнію, совершенно противорѣчитъ ученію восточныхъ моралистовъ. По крайней мѣрѣ, многіе свв. отцы восточной Церкви, признавая въ духѣ человѣческомъ умъ, смыслъ и слово,—въ словѣ, т. е. въ тайныхъ вѣщаніяхъ совѣсти, видѣли не только *положительное* отраженіе, но и *положительное* руководство Слова Упостаснаго (Λόγος σπερματικός, свв. Іустинъ, Дамаскинъ и проч.),—т. е. они видѣли въ совѣсти не только положительное и самостоятельное *отдѣліе* истины, но и *совпадѣніе* этой истины съ божественными внушеніями, слѣдовательно, независимое отъ человѣческаго разума. Обазывается, однакоже, что мы напрасно усвоили г. Соловьеву указанное нами отрицательное воззрѣніе на совѣсть. Полагаемъ, что послѣ этихъ нашихъ разъясненій, г. Соловьевъ легко пойметъ, почему мы сдѣлали нашу злополучную прибавку. Во всякомъ случаѣ, какъ кажется намъ, мы имѣли на это достаточное основаніе.

Въ самомъ же концѣ своихъ замѣчаній г. Соловьевъ говоритъ, что сущность всѣхъ выставленныхъ нами будто-бы обвиненій противъ него (какія эти обвиненія, надѣмся, читатель видитъ теперь самъ) побуждаетъ его сдѣлать слѣдующее заключительное заявленіе: „*Разсуждая о соединеніи церковей онъ (г. Соловьевъ) признавалъ и признаетъ, принималъ и принимаетъ, считалъ и считаетъ для себя безусловно обязательными все безъ исключенія догматы, изъяснительно определенныя Церковію на семи вселенскихъ соборахъ*“. Сказано очень сильно и даже съ нѣкоторою торжественностію! Съ неменьшею силою и торжественностію мы тоже заявляемъ, что нигдѣ, ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ мы не говорили и не говоримъ, что будто-бы г. Соловьевъ не признаетъ догматовъ нашей православной Церкви,

изъявительно определенныхъ на семи вселенскихъ соборахъ; а потому нигдѣ, ни единымъ словомъ, ни единымъ намекомъ мы не обвиняли и не обвиняемъ его въ отступничествѣ отъ догматовъ семи вселенскихъ соборовъ. Намъ поражаетъ и удивляетъ подобное неожиданное для насъ заявленіе г. Соловьева! И если бы мы менѣе уважали нашего почтеннаго теософа, котораго впрочемъ не имѣемъ чести знать лично, то просто могли-бы подумать, что онъ хочетъ уронить насъ во мнѣніи публики, совершенно напрасно выставляя насъ какимъ-то инсинуаторомъ, средневѣковымъ влеривальнымъ сыщикомъ и обвинителемъ. Мы рѣшительно не желали-бы являться въ глазахъ читателя въ этомъ, по нашему мнѣнію, крайне неодобрительномъ и безнравственномъ свѣтѣ, и при томъ совершенно напрасно по отношенію къ г. Соловьеву. Мы расходимся въ нашихъ убѣжденіяхъ съ г. Соловьевымъ; но никакихъ обвиненій на него, а тѣмъ болѣе *тяжкихъ*, мы не возводили, не возводимъ и не думаемъ возводить. Хотимъ, однако-же, думать, что все это пока ни болѣе ни менѣе какъ случайное и присворбное недоразумѣніе!

Что же касается второй половины заключительнаго заявленія г. Соловьева о томъ, что онъ равно принимаетъ, или прійметъ послѣ семи вселенскихъ соборовъ *„всѣ тѣ ученія, которыя могутъ (и по скольку могутъ) оказаться догматами вселенской Церкви“*, то съ этимъ мы рѣшительно не можемъ согласиться, т. е. рѣшительно не можемъ признать эти сужденія нашего теософа правильными и основательными, по крайней мѣрѣ, съ православной точки зрѣнія. Почему-же? Это г. Соловьевъ узнаетъ, если только поинтересуется, изъ слѣдующей нашей статьи, которая, какъ мы надѣемся, будетъ напечатана въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала „Вѣра и Разумъ“ подъ рубрикою „наши новые философы и богословы“.

М. Стояновъ.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XII.

Рационализмъ и сенсуализмъ въ правоучительныхъ теоріяхъ и взглядахъ французской философіи XVIII в. — Основное начало практической дѣятельности по опредѣленію Локка. — Сравненіе французскихъ философовъ съ Локкомъ по рѣшенію ими того-же вопроса. — Чувствительность — основное свойство человеческой природы. — Выводы изъ этого положенія. — Личный интересъ, какъ основное начало нравственности по ученію Гельвеція. — Въ чемъ состоитъ счастье по ученію Ламетри? — Отрицаніе свободы воли въ системѣ природы Гольбаха. — Взгляды на природу человека Гельвеція и Гольбаха. — Различіе этихъ взглядовъ и ихъ существенное сходство. — Значеніе страстей. — Дидро о страстяхъ. — Безразличіе страстей въ нравственномъ отношеніи съ точки зрѣнія сенсуализма. — Выводъ крайнихъ послѣдствій сенсуализма въ практическомъ отношеніи у Ламетри.

Рационализмъ и сенсуализмъ, какъ основныя характеристическія черты французской философіи XVIII в., особенно ярко, со всѣми своими отличительными свойствами и послѣдствіями выразились въ ученіяхъ и воззрѣніяхъ практическихъ. Поэтому, для характеристики этихъ ученій и взглядовъ и дабы уяснить подлинное ихъ значеніе особенно важно прослѣдить въ нихъ означенныя направленія мысли.

Еще Локкъ, выходя изъ того положенія, что мы не имѣемъ ни теоретическихъ, ни практическихъ положеній и идей такого рода, которыя слѣдовало-бы признать врожденными, долженъ былъ остановиться на томъ предположеніи, что единственными, по природѣ данными, мотивами практическихъ идей, стремленій и дѣйствій служатъ чувствованія удовольствія и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, 1884 г. № 24.

неудовольствія, или иначе—влеченіе къ пріятному, съ которымъ соединяется отвращеніе отъ всего непріятнаго. Но самъ-же Локкъ значительно ограничилъ и ослабилъ силу этого принципа практической дѣятельности, признавъ главнѣйшими источниками чувствъ удовольствія и неудовольствія сообразность или несообразность дѣйствій съ требованіями законовъ божескихъ (т. е. религіи) и человѣческихъ (законы государственные и правила общественнаго мнѣнія) *). Французскіе-же философы прямо выводили изъ названнаго принципа слѣдствія, самыя даже крайнія, не принимая въ расчетъ законовъ ни божескихъ, ни человѣческихъ: и какъ-же иначе могло быть, коль скоро религію они отрицали, а авторитетъ человѣческихъ законовъ терялъ въ ихъ глазахъ свое значеніе уже потому, что имъ казалось необходимымъ коренное преобразование государственной и общественной жизни, или по крайней мѣрѣ измѣненіе понятій, касающихся важнѣйшихъ интересовъ этой жизни. Будемъ-же и мы, вмѣстѣ съ французскими философа-

*) „Я признаю, говоритъ Локкъ, что природа всѣмъ людямъ дала желаніе счастья и боязнь несчастія. Вотъ это—по истинѣ врожденные практическіе принципы, которые, сообразно съ назначеніемъ практическаго принципа, оказываютъ непрерывное вліяніе на всѣ наши дѣйствія. Можно замѣчать присутствіе этихъ началъ у всѣхъ людей всѣхъ возрастовъ и дѣйствіе ихъ продолжается непрерывно, но эти начала суть склонности нашей души къ благу, а не впечатлѣнія, происходящія отъ нѣкоторой истины, присущей нашему уму“. *Ess. concern. hum. understand.* 1, 11. 8.

: „Наши влеченія по истинѣ суть принципы активные, но ихъ нельзя признать принципами морали, начертанными природою въ нашей душѣ; напротивъ, они могли бы довести насъ до нарушенія всего, что есть священнаго въ морали, если-бы мы предоставили имъ полную власть надъ нашими дѣйствіями. Законы составляютъ какъ-бы преграду въ отношеніи къ этимъ чуждымъ всякой мѣрѣ желаніямъ, задерживающую ихъ движеніе; и такое назначеніе свое законы исполняютъ посредствомъ наградъ и наказаній, представляющихъ собою противовѣсъ тому удовольствію, каковъ каждый могъ-бы ожидать для себя отъ нарушенія закона“. 1, 11. 13.

„Добро и зло есть не что иное, какъ удовольствіе и неудовольствіе или то, что служитъ поводомъ или причиною удовольствія и неудовольствія, которыми мы чувствуемъ. Слѣдовательно добро и зло въ смыслѣ нравственномъ есть не что иное, какъ согласіе или несогласіе нашихъ добровольныхъ дѣйствій съ извѣстными законамъ,—согласіе или несогласіе, отъ которыхъ происходитъ добро или зло, какъ послѣдствія воли и могущества законодателя; и это добро и это зло, заключающія въ себѣ не что иное, какъ удовольствіе и неудовольствіе, которыми вслѣдствіе опредѣленія законодателя сопровождаются соблюденіе или нарушеніе закона, —

ми, выводить изъ указаннаго Локкомъ практическаго принципа истекающія изъ него слѣдствія, дабы видѣть, къ чему и какъ именно французскіе философы приходили, руководясь тѣмъ принципомъ, а затѣмъ посмотримъ, какое значеніе имѣлъ при этомъ рационализмъ и въ чемъ онъ состоялъ, смѣшиваясь съ сенсуализмомъ.

Для французскихъ философовъ XVIII в., если не для всѣхъ, то для большей ихъ части, было, можно сказать, аксіомою, что человѣкъ есть существо всецѣло физическое, т. е. матеріальное. Даже Вольтеръ, хотя онъ и не былъ въ собственномъ смыслѣ матеріалистомъ, настаивалъ на томъ, что Богъ могъ одарить тѣло способностію мыслить, и такимъ образомъ признавалъ утвержденіе матеріалистовъ о природѣ человѣка по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ. Но то считалось всеми за несомнѣнное, что чувствительность, или иначе, способность воспріятія, присущая различнымъ органамъ тѣла, есть первичная причина и источникъ всего, чѣмъ обладаетъ человѣкъ въ сво-

и есть то, что мы называемъ наградою и наказаніемъ. Есть, мнѣ кажется, три такихъ моральныхъ закона, съ которыми люди сравниваютъ свои дѣйствія, чѣмъ и опредѣляется для нихъ, суть-ли эти дѣйствія добры или худы, и эти три закона поддерживаются тремя различными видами наградъ и наказаній, отъ которыхъ зависитъ ихъ авторитетъ... Есть во-первыхъ законъ божественный, т. е. законъ отъ Бога предписанный людямъ для управленія ихъ дѣйствіями. Былъ-ли этотъ законъ сообщенъ посредствомъ натуральнаго свѣта, или-же посредствомъ откровенія? Я не полагаю, чтобы былъ столь грубый человѣкъ, который-бы сталъ отрицать, что Богъ далъ людямъ такой законъ, дабы они сообразовали съ нимъ свое поведеніе... И это единственный пробный камень для сужденія о нравственной правотѣ. Во-вторыхъ есть законъ гражданскій, учрежденный обществомъ для управленія дѣйствіями тѣхъ, которые входятъ въ составъ этого общества. Это другое руководство, съ которымъ люди сопоставляютъ свои дѣйствія, дабы судить о томъ—преступны-ли они, или нѣтъ. Никто этимъ закономъ не пренебрегаетъ, ибо награды и наказанія, придающія ему важность, всегда имѣются на-готовѣ и пропорціональны могуществу, отъ котораго исходитъ этотъ законъ... Есть, въ третьихъ, законъ мнѣнія или репутація. Вездѣ признается, что слова *добродѣтель* и *порокъ* означаютъ дѣйствія добрыя, или худыя по своей природѣ; и насколько дѣйствительно они употребляются въ этомъ смыслѣ,—добродѣтель тоже, что согласное съ закономъ божественнымъ, а порокъ—противное этому закону; но въ частныхъ примѣненіяхъ у различныхъ народовъ тѣ слова означаютъ постоянно и единственно такія дѣйствія, которыя въ каждой странѣ и въ каждомъ обществѣ признаются достойными одобренія или порицанія, приносящими честь или безчестіе“... Ibid 11, XXVIII, 5--11.

емъ духъ, источникъ всѣхъ его идей, способностей, стремленій и свойствъ. Чувствительность ближайшимъ образомъ проявляется въ чувствахъ удовольствія и неудовольствія, которыя составляютъ поэтому самыя первоначальныя и основныя видоизмѣненія чувствительности. И такъ какъ чувствительность—тѣлесное свойство, то отсюда удовольствія и неудовольствія, признавая ихъ движущими причинами человѣческихъ стремленій и дѣйствій, также разумѣли, главнымъ образомъ, какъ чисто чувственныя наслажденія и лишенія. Самолюбіе или стремленіе къ самосохраненію, съ этой точки зрѣнія, является не только основнымъ побужденіемъ, но и единственнымъ руководительнымъ началомъ, которымъ управляются какъ чувствованія удовольствія и неудовольствія и проистекающія изъ нихъ стремленія и дѣйствія, такъ равно и сужденія о достоинствѣ стремленій и дѣйствій другихъ людей. „Люди всегда повинуются своему интересу, говоритъ Гельвецій въ своемъ сочиненіи *о духъ* (De l'esprit), и обо всѣхъ дѣйствіяхъ судятъ, слѣдуя ему. Какъ міръ физическій подлѣжитъ законамъ движенія, такъ нравственный міръ повинуется закону интереса, или этого вида тяготѣнія къ себѣ самому, которому каждый уступаетъ. Въ частныхъ взаимныхъ отношеніяхъ каждый называетъ духомъ, т. е. умомъ, привычку къ идеямъ, которыя для него полезны или пріятны. Равнымъ образомъ честностію каждый называетъ привычку къ такимъ дѣйствіямъ, которыя для него выгодны, когда встрѣчаетъ эту привычку въ другомъ человѣкѣ. Судья оправдываетъ виновнаго, министръ возвышаетъ человѣка недостойнаго, и оба правы въ глазахъ протектируемыхъ ими. Нѣтъ такихъ преступленій, которыя-бы не были возведены въ достоинство справедливыхъ поступковъ тѣми, кому эти преступленія выгодны. Такимъ образомъ уважать идеи другаго мы можемъ только, когда въ томъ заключается нашъ интересъ, и это значитъ, что собственно мы только сами себя уважаемъ въ другихъ“. Повидимому это сказано съ нѣкоторымъ тономъ упрека, такъ какъ-бы Гельвецій признавалъ подобный образъ чувствъ и дѣйствій противнымъ истинному понятію о добродѣтели. Но что такое добродѣтель по Гельвецію? Добродѣтель есть не что иное, какъ желаніе счастья, а

потому она бываетъ различною въ зависимости отъ разнообразія идей о счастіи. Ясно, что и добродѣтель, также какъ умъ (т. е. что называется умомъ), по Гельвецію, имѣетъ въ основаніи своемъ личный интересъ *).

„Философы, съ очевидною насмѣшкою говоритъ Ламетри, такъ-же согласны между собою относительно того, въ чемъ полагать счастіе, какъ и обо всемъ остальномъ. Одни полагаютъ его въ томъ, что есть наиболѣе гадкаго и безстыднаго (*sale et impudent*). Другіе находятъ, что счастіе состоитъ въ удовольствіи, понимаемомъ впрочемъ различно... Нѣкоторые верховное благо опредѣляли, какъ совокупность всѣхъ совершенствъ тѣла и духа. Внутренняя правота духа и добродѣтель (*l'honneur et la vertu*) были таковымъ благомъ для Зенона, основателя стоической школы. Философы этой школы строги, угрюмы и непреклонны; мы-же будемъ веселыми, снисходительными, непритязательными. У тѣхъ душа была всѣмъ, а потому тѣломъ они пренебрегали, у насъ-же напротивъ тѣло составляетъ все, а о душѣ мы беспокоиться не будемъ. (*Tout âme, ils font abstraction de leur corps; tout corps, nous ferons abstraction de notre âme*). Они старались показать, что ни радость, ни печаль имъ недоступны, а для насъ пусть будетъ это достоинствомъ, что мы чувствуемъ и радость и печаль. Они хотѣли быть выше всякихъ превратностей и считали себя людьми лишь въ той мѣрѣ, въ какой переставали быть ими; мы-же не властны надъ тѣмъ, что нами управляетъ; не станемъ распоряжаться нашими ощущеніями, признавъ ихъ власть и свое рабство; постараемся только сдѣлать ихъ пріятными для себя, будучи увѣрены, что въ этомъ именно и заключается счастіе жизни. Наши органы способны къ воспріятію (*susceptibles*) ощущенія, или видоизмѣненія, которое намъ нравится и дѣлаетъ жизнь для насъ пріятною. Если впечатлѣніе такого ощущенія не продолжительно, то это удовольствіе (*plaisir*), болѣе продолжительное называется наслажденіемъ (*volupté*), постоянное-же называютъ счастіемъ; это все тоже ощущеніе, но является различнымъ лишь по продолжительности и живости своей; я прибавляю это слово потому, что нѣтъ высшаго блага столь изысканнаго (*exquis*),

*) Damiron, I, 411 и дал.

какъ великое удовольствіе любви. Чѣмъ болѣе это чувство продолжительно, нѣжно, ласкательно (*flatteur*) и никакимъ образомъ не прерывается или не возмущается ничѣмъ, тѣмъ болѣе оно дѣлаетъ насъ счастливыми. Чѣмъ непродолжительнѣе и живѣе оно, тѣмъ ближе къ природѣ и удовольствію, а чѣмъ продолжительнѣе и спокойнѣе, тѣмъ болѣе удаляется отъ природы и удовольствія, и приближается къ счастью. Чѣмъ болѣе душа безпокойна, находится въ тревогѣ и смятеніи, тѣмъ больше отъ нея бѣжитъ счастье“ *).

Мы не властны надъ своими ощущеніями, а отъ нихъ все зависитъ: и наши идеи, и стремленія и дѣйствія наши. И такъ предположеніе, что человѣкъ обладаетъ свободою волею—не что иное, какъ предразсудокъ. „Жизнь человѣка, по выраженію Гольбаха, это стезя, по которой предназначено ему природою слѣдовать на землѣ, такъ что онъ ни на минуту не можетъ уклониться въ сторону; а потому безъ всякаго участія въ томъ нашей воли мы добры или злы, счастливы или несчастны, мудры или безумны, разсудительны или безрасудны... Воля, или вѣрнѣе мозгъ, въ то время какъ она представляется свободою, потому только что просто задерживается въ своихъ движеніяхъ (*parce qu'il est simplement modéré dans ses mouvements*), находится на самомъ дѣлѣ въ состояніи шарика, который хотя и получилъ толчекъ къ движенію по прямой линіи, но уклонился отъ этого направленія, послѣ чего какъ сила, бѣльшая чѣмъ первая, принудила его къ этому. Когда дѣйствіе воли задержано, то это называется *обдумываніемъ* (*délibérer*), по состоянію это не болѣе свободно, какъ и состояніе окончательной *рѣшимости* (*quand on est déterminé*); и то и другое означаетъ вынужденное то однимъ, то другимъ мотивомъ движеніе (*être retenu, tantôt par un motif tantôt par un autre*). Обсужденіе, рѣшеніе, дѣйствіе—все это одинаково есть необходимость, все есть дѣло равновѣсія, поддерживаемаго или нарушаемаго въ мозгу, чистый механизмъ этого органа. Доказательство свободы видятъ, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что мы можемъ посредствомъ воспоминаній взмѣнять рѣшенія нашей воли, къ которымъ принуждаютъ насъ

*) Essai sur la-Mettrie, par Quépat p. 166 и дал.

присутствующіе предметы, какъ будто мы можемъ свободно располагать своимъ воспоминаніями, какъ будто образъ нашего мышленія не опредѣляется образомъ нашего бытія: всѣ наши разсужденія, взгляды, чувствованія необходимы, и также необходимы съ своей стороны всѣ наши хотѣнія“ *).

Какъ же слѣдуетъ понимать эту необходимость? Въ какомъ смыслѣ необходимы для насъ всѣ наши мысли, намѣренія, хотѣнія, дѣйствія? Первичные акты, отъ которыхъ зависятъ всѣ состоянія и дѣйствія человѣка, суть ощущенія, такъ какъ чувствительность—первоначальное свойство. Но ощущенія имѣютъ всегда характеръ болѣе или менѣе пассивный, суть состоянія страдательныя, слѣдовательно и сами въ свою очередь зависимы, именно они опредѣляются прежде всего внѣшними обстоятельствами и условіями, среди которыхъ протекаетъ жизнь человѣка, не только способствующими образованію его характера, но, по мнѣнію Гельвеція, даже создающими его и чрезъ то опредѣляющими всю судьбу человѣка. Именно обстоятельства, частію создаваемые естественнымъ порядкомъ вещей, слѣдовательно самою природою, частію же производимы воспитаніемъ и жизнью въ обществѣ, порождаютъ въ человѣкѣ страсти, направляютъ его вниманіе въ ту или другую сторону, возбуждаютъ иногда въ сильнѣйшей степени его интересъ (а это и есть страсть) къ тѣмъ или инымъ предметамъ и чрезъ то производятъ различіе между людьми въ ихъ воззрѣніяхъ, стремленіяхъ, дѣйствіяхъ.

Конечно, природа, говоритъ Гельвецій, прежде всего производитъ духъ, т. е. идеи, однакожь не природа производитъ всѣ различія, замѣчаемыя между людьми; не она дѣлаетъ однихъ глупыми, другихъ умными; однихъ поэтами, другихъ геометрами; напротивъ, она всѣхъ производитъ равно способными къ тѣмъ же мыслямъ, съ тѣми же талантами. Но воспитаніе или совокупность обстоятельствъ, при которыхъ мы воспитываемся, производитъ эти неравенства; ибо велико разнообразіе этихъ обстоятельствъ, между тѣмъ какъ природа у всѣхъ почти одинакова, и если бывають различія, зависящія отъ природы, то незначительныя.

*] Damiron 1, 138 и д.

Чувствительность, которая производитъ всѣ идеи, почти вовсе не участвуетъ въ различныхъ родахъ преимуществъ и особенностей духа, ибо свойства, принадлежащія чувствительности, каковы: большая или меньшая тонкость, нѣжность (раздражительность), живость не имѣютъ ничего общаго съ точностію, силою, широтою или пронизательностію ума. И тоже самое слѣдуетъ признать относительно памяти, которая есть не что иное, какъ продолженіе чувствительности: и различія памяти также должны зависѣть отъ искусства и попеченій, прилагаемыхъ къ ея воспитанію; тоже, наконецъ, должно сказать и относительно вниманія: вначалѣ оно очень мало различается у разныхъ лицъ; различія являются въ послѣдствіи въ зависимости отъ страстей, которыми возбуждается. Поэтому страсти—величайшіе двигатели въ мірѣ нравственномъ. Сильныя страсти порождаютъ превосходство духа, ибо тѣ же люди дѣлаются тупыми, коль скоро страсть въ нихъ не дѣйствуетъ болѣе. Страсти противудѣйствуютъ лѣности и косности и даютъ намъ то упорство вниманія, которое служитъ признакомъ таланта.

Однакожь и страсти въ началѣ, т. е. въ натуральномъ своемъ видѣ, даютъ не болѣе различій, какъ и чувствительность или память. Ибо страсти въ первоначальномъ своемъ состояніи не что иное, какъ физическая чувствительность; всякая страсть вначалѣ есть либо удовольствіе или неудовольствіе, а потому всѣ страсти тогда одинаковы. Честолюбивый ищетъ почестей для того, чтобы быть богатымъ, а богатства — для того, чтобы наслаждаться. Расположеніе къ мученичеству есть не что иное, какъ свойственный гордости вкусъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, которыя надѣются пріобрѣсти, занявъ мѣсто между богами. И самая гордость, проявляясь въ видѣ честолюбія, есть въ сущности стремленіе къ матеріальному благосостоянію. Дружба также въ основѣ своей есть чувствительность.

Не природа, но общество и правительство измѣняютъ страсти, а чрезъ нихъ и всѣ другія способности человѣка. Духъ одинаковъ у всѣхъ людей, но обстоятельства, способствующія его развитію рѣдки. Относительно генія случай исполняетъ

обязанность этихъ вѣтровъ, которые, расходясь въ четыре стороны свѣта, тамъ насыщаются (*s'y chargent*) горючими матеріалами, изъ которыхъ образуются метеоры: матеріалы эти, будучи разсѣяны въ воздухѣ на большомъ пространствѣ, не производятъ никакого дѣйствія, пока, вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, быстро устремляясь одни противъ другихъ, не сталкиваются между собою; тогда воспламеняется свѣтъ и своимъ блескомъ озаряетъ горизонтъ. Подобнымъ образомъ гений освѣщаетъ нѣкоторое пространство этой необъятной ночи, которая покрываетъ умы средніе (*les esprits mediocres*) *).

Въ противоположность Гельвецію Гольбахъ придаетъ важнѣйшее значеніе въ образованіи характера и ума человѣка не внѣшнимъ, болѣе или менѣе случайнымъ обстоятельствамъ и условіямъ, а природѣ человѣка. Поэтому онъ полагалъ, что также должна быть разнообразна природа у людей, какъ разнообразны у нихъ идеи, стремленія и дѣйствія. Какъ вообще все въ природѣ различно, такъ и въ частности въ человѣческомъ родѣ нѣтъ двухъ индивидуумовъ, которые были-бы одинаковы. Можно сравнить, говоритъ Гольбахъ, человѣческіе организмы съ инструментами, у которыхъ струны, будучи различными, или сами по-себѣ, или потому, что сплетены изъ различнаго матеріала, сверхъ того натянуты на разные тоны; однимъ ударомъ (*par une même impulsion*) приведенные въ сотрясеніе, они издаютъ неодинаковыя тоны, такъ что каждая струна производитъ особый ей свойственный тонъ, т. е. зависящій отъ ея ткани, натянутости, величины и того моментальнаго состоянія, въ какое приведена окружающимъ воздухомъ. Болѣе точнымъ образомъ онъ выражаетъ свою мысль, когда всѣ причины, которыми опредѣляется и физическая и моральная (которая по Гольбаху есть только другая, внутренняя сторона физической) природа, онъ полагаетъ въ температурѣ, разумѣя температуръ, какъ обычное въ каждомъ человѣкѣ состояніе твердыхъ и жидкихъ частей тѣла **). Отсюда видно, что различіе взглядовъ Гельвеція и Гольбаха на природу человѣка въ сущности не такъ велико, какъ кажется

*) *Damiron I, 504* и д.

***) *Ibid. 132* и д.

съ перваго раза; по крайней мѣрѣ совпаденіе тѣхъ взглядовъ болѣе существенно, чѣмъ различіе, а совпадаютъ они въ томъ, что Гольбахъ также признаетъ чувствительность, т. е. способность воспріятія впечатлѣній, первоначальнымъ источникомъ всѣхъ формъ и проявленій духовной жизни человѣка, а потому, хотя Гольбахъ и утверждаетъ, что природа людей въ самомъ началѣ разнообразна, между тѣмъ какъ, по мнѣнію Гельвеція, она одинакова, не смотря на то и по ученію Гольбаха также личный интересъ каждаго есть единственное руководственное начало его дѣятельности *). Подобнымъ-же образомъ Дидро въ важнѣйшемъ вполнѣ сходится съ Гельвеціемъ, хотя въ то-же время рѣшительно и мѣтко возражаетъ противъ преувеличеннаго значенія, придаваемаго Гельвеціемъ внѣшнимъ случайностямъ. Случай, замѣчаетъ онъ, точно можно назвать искрою, но если эта искра падаетъ въ пороховую бочку, то происходитъ взрывъ, когда-же она попадаетъ въ бочку воды, то сама потухаетъ. Но не придавая преувеличенной важности внѣшнимъ случайностямъ, Дидро не менѣе важное значеніе, какъ и Гельвецій, усвоетъ страстямъ въ образованіи человѣческаго характера и въ дѣятельности человѣка. Люди постоянно, говоритъ онъ, возстаютъ противъ страстей; они приписываютъ имъ всѣ удручающія ихъ бѣдствія,

*) „Интересъ, говоритъ Гольбахъ, есть объектъ, къ которому каждый человекъ приурочиваетъ (attache) свое благосостояніе, и состоитъ въ томъ, что каждый признаетъ необходимымъ для своего счастья“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что интересъ, хотя у различныхъ лицъ и бываетъ различенъ, но каково-бы ни было разнообразіе въ пониманіи каждымъ своего интереса, оно сводится однако-же, и по Гольбаху, какъ и по Гельвецію, къ личному благополучію, къ матеріальному довольству, такъ что и самая добродѣтель, если кѣмъ-либо цѣнится и предпочитается пороку, то не иначе, какъ въ значеніи вѣрнѣйшаго способа къ достиженію личнаго благополучія. Добродѣтель потому только обыкновенно ставится выше порока, что въ добродѣтели личный интересъ отдѣльнаго человека сходится съ интересомъ цѣлаго общества, которое также свой собственный интересъ предпочитаетъ всему. Добродѣтель двойнѣ выгодна: она выгодна и для отдѣльнаго лица и для общества. Впрочемъ, если добродѣтель не вознаграждается надлежащимъ образомъ, тогда она оказывается плохимъ средствомъ къ счастью; и вотъ почему многіе предпочитаютъ пороку. „Человѣкъ, говоритъ Гольбахъ, ничего не дѣлаетъ даромъ. Когда онъ не получаетъ платы за свои дѣла, тогда онъ вынужденъ сдѣлаться столь-же порочнымъ, какъ и другіе, то-есть вознаграждать себя изъ своихъ собственныхъ рукъ“. Ibid. 155.

вовсе забывая, что въ нихъ-же источникъ всѣхъ ихъ удовольствій. Считается оскорбленіемъ для разума, если кто осмѣлится молвить слово въ защиту его соперниковъ. Однакожъ, только страсти, и сильныя страсти, способны поднять духъ до великихъ дѣлъ. Умѣренныя наклонности порождаютъ лишь пошлость. Подавляя страсти, человѣкъ лишаетъ себя выдающихся способностей. Стѣсненіе уничтожаетъ величіе и энергію природы. Посмотрите на это дерево! благодаря роскоши его вѣтвей вы наслаждаетесь освѣжающею васъ и широко раскинувшюся ихъ тѣнью, пока не придетъ зима и не отниметъ у нихъ кудрявую листву. Конецъ всему, что есть превосходнаго въ поэзіи, въ живописи, въ музыкѣ,—какъ скоро суевѣріе наложитъ на человѣческій темпераментъ печать дряхлости. Не есть-ли это крайняя степень безумія, когда намѣреваются разрушить у себя страсти? Нечего сказать, прекрасный замыселъ у вашего піетиста—терзать себя, такъ какъ это можетъ быть свойственно только человѣку отверженному съ тѣмъ, чтобы ничего не желать, ничего не любить и ничего не чувствовать,—и кончилъ-бы онъ тѣмъ, что сдѣлался-бы поистинѣ чудовищемъ, если-бы только удалось ему привести въ исполненіе свой замыселъ. Въ другомъ случаѣ Дидро такъ говоритъ о томъ-же предметѣ. „Я всегда былъ защитникомъ сильныхъ страстей, ими только я и живу. Вдохновляютъ-ли они меня удивленіемъ или ужасомъ, во всякомъ случаѣ я чувствую пламенно. Отъ нихъ, конечно, бывають постыдныя дѣла, унижающія нашу природу, но чрезъ нихъ-же мы предназначены и на такія удивительныя предпріятія, которыя возвышаютъ ея достоинство. Человѣкъ со скромными влеченіями живетъ и умираетъ, какъ животное... Если-бы было два Расина и требовалось рѣшить, какой изъ нихъ лучше: тотъ-ли, который, будучи дурнымъ супругомъ, братомъ, фальшивымъ другомъ, былъ-бы вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ поэтомъ, или-же тотъ, который былъ-бы прекраснымъ супругомъ, братомъ, другомъ, но человѣкомъ безцвѣтнымъ, то я предпочелъ-бы перваго. Отъ Расина—незначительнаго человѣка что осталось? Ничего. А отъ Расина—человѣка гениальнаго? Безсмертныя произведенія“ *).

*) Diderot and the Encyclopaedists, by John Morley, 34—35 p.

Не тоже-ли самое говорить и Гельвецій въ слѣдующихъ словахъ: „когда восхваляютъ здравый разумъ (*justesse d'esprit*), то мнѣ кажется, что я слышу человѣка безъ ногъ хвастливо говорящаго, что онъ никогда не спотыкается. О здравые умы! (*esprits justes*). Когда вы толкуете о горячихъ головахъ этихъ великихъ людей, которые по крайней мѣрѣ въ той сферѣ оказали свое превосходство, въ которой они заслужили удивленіе общества, знаете-ли, какое мнѣніе о васъ имѣетъ это общество? Геніальный человѣкъ, хотя-бы и былъ зараженъ порокомъ, все-же болѣе васъ достоинъ уваженія. Пусть онъ былъ не вполне честенъ, во всякомъ случаѣ онъ больше, чѣмъ вы, имѣетъ правъ на общественную признательность“ *).

Страсть дѣлаетъ человѣка великимъ. А что такое страсть? Чувствительность—основа всей духовной жизни человѣка, между тѣмъ страсть не что иное, какъ „чувствительность, возбужденная до той степени, что заставляетъ человѣка дѣйствовать“. Но чувствительность,—этотъ первоначальный источникъ страстей,—свойство физическое; оно присуще тѣлесному организму, въ которомъ все происходитъ по необходимымъ законамъ природы. Съ этой точки зрѣнія можетъ-ли быть различіе между возвышающими и унижающими человѣческое достоинство страстями? Сама по себѣ чувствительность, какъ тѣлесное свойство, не даетъ ни малѣйшаго основанія для такого различенія стра-

*) Damiron I, 510. „Миръ, говоритъ Дюмарсе, полонъ лицъ геніальныхъ (*de personnes d'esprit*) и сильно геніальныхъ, которыя всегда судятъ и всегда прорицаютъ (*devinent*), ибо судить, не имѣя никакого собственнаго основанія для сужденія, значитъ прорицать. Философъ-же судить безъ прорицаній; важно для него не просто судить, но хорошо судить, такъ чтобъ воздерживаться отъ сужденій, когда нужно, когда не имѣется основанія судить. При такомъ настроеніи своемъ въ его глазахъ имѣетъ менѣе цѣны умъ геніальный, который есть быстрое скопленіе (*assemblage*) столь разнородныхъ идей, что нерѣдко удивляются, видя ихъ соединеніе, чѣмъ умъ здравый (*il attache moins de prix à l'esprit qu' à la justesse d'esprit*), который состоитъ въ умѣнши распознавать (*à discerner*) широкую, ясную и точную связь идей. Присоедините къ тому-же гибкость и вразумительность (*souplesse et la nettete*), и это будетъ для него философскій духъ въ его полнотѣ, духъ наблюдательный и трезвый (*esprit d'observation et de justesse*). все выводящій изъ истинныхъ принциповъ“. Damiron III, 188. Этими словами ясно указывается та раціоналистическая точка зрѣнія, противоположная сенсуалистической (когда послѣдняя доводится до крайности), о которой съ такимъ пренебреженіемъ говоритъ Гельвецій.

стей. Всѣ страсти, безъ различія ихъ достоинства, одинаково слѣдуетъ признать проявленіями чувствительности. Единственный принципъ, управляющій обнаруженіемъ страстей, съ точки зрѣнія сенсуалистической, заключается въ томъ, что мы ищемъ пріятнаго, а непріятнаго стараемся избѣгнуть. Дѣйствительно, Гельвецій старается доказать, что и въ такъ называемыхъ благородныхъ страстяхъ, въ основѣ ихъ заключается эгоистическій элементъ влеченія къ пріятному и отвращенія отъ непріятнаго. Даже въ подвигахъ самоотверженія онъ усматриваетъ этотъ элементъ, и притомъ въ значеніи существеннаго основнаго мотива таковыхъ подвиговъ. Потому-то не безъ основанія извѣстная Роланъ могла сказать: „Гельвецій сдѣлалъ меня несчастной; онъ уничтожилъ во мнѣ самыя очаровательныя иллюзіи; онъ заставилъ меня повсюду видѣть отвратительный личный интересъ“. Не потому на самомъ дѣлѣ Дидро отдаетъ предпочтеніе Расину порочному, но геніальному, предъ Расиномъ добродѣтельнымъ, но обыкновеннымъ человѣкомъ, что геніальность съ избыткомъ вознаграждаетъ отсутствіе добродѣтели, а потому что съ точки зрѣнія чистаго сенсуализма, подкрѣпляемаго къ тому же матеріализмомъ, различіе между порокомъ и добродѣтью исчезаетъ. Въ одномъ изъ писемъ Дидро читаемъ: „присмотритесь ближе къ дѣлу, и вы увидите, что слово *свобода* не имѣетъ смысла, что нѣтъ вовсе свободы и не можетъ быть существа свободнаго, что мы всегда бываемъ только тѣмъ, чѣмъ и должны быть необходимо, сообразно съ общимъ порядкомъ вещей, со своею организаціею, воспитаніемъ и сдѣвленіемъ обстоятельствъ (que nous ne sommes que ce qui convient à l'ordre général, à l'organisation, à l'éducation et à la chance des événements). Вотъ что нами управляетъ непреодолимо. Невозможно представить также, чтобы существо дѣйствовало безъ опредѣленнаго мотива, чтобы стрѣлка вѣсовъ дѣйствовала, когда не имѣется тяжести, нарушающей равновѣсіе, причемъ самый мотивъ возможенъ только внѣшній, посторонній, зависящій отъ природы или причины какой-нибудь отличной отъ насъ самихъ. Что собственно вводитъ насъ въ обманъ,—это удивительное разнообразіе нашихъ дѣйствій въ связи съ привычкою нажитою нами отъ рожденія—смѣшивать добровольное со сво-

боднымъ (de confondre le volontaire avec le libre). Насъ столько разъ хвалили и порицали, и наоборотъ, мы сами хвалили и порицали столько, что увѣренность въ обладаніи свободою предразсудокъ самый застарѣлый. На самомъ дѣлѣ свободы нѣтъ, нѣтъ дѣйствиій, которыя заслуживаютъ похвалы, либо порицанія; *нѣтъ ни добродѣтели, ни порока, ничего такого, что слѣдовало-бы вознаграждать или наказывать.* Въ чемъ разница между людьми? Въ дѣланіи добраго или дурнаго (la bien-faisance et la mal-faisance). Дѣлающаго злое слѣдуетъ устранить (destruire), а не наказывать; дѣланіе добра — счастье, а не добродѣтель (la bien-faisance est une bonne fortune et non une vertu)... Собственно говоря, есть только причины физическія и одинъ только есть видъ необходимости, которая одна и таже для всѣхъ существъ. Ни въ чемъ не упрекать другихъ, не сожалѣть ни о чемъ—вотъ первые принципы мудрости“ *).

Въ особенности Ламетри съ самою беззаастѣнчивою откровенностію и свободою доводитъ принципъ сенсуализма до крайнихъ его послѣдствій въ практическомъ отношеніи. Уже Дидро, какъ видно изъ приведенныхъ выше словъ его, говоря въ защиту страстей, называетъ ихъ соперниками разсудка. Но еще рѣшительнѣе высказывается объ этомъ Ламетри. Выводя понятіе счастья, какъ верховной цѣли жизни, изъ потребности чувственнаго наслажденія, онъ видитъ въ рефлексивной дѣятельности разсудка худшее препятствіе къ достиженію таковой цѣли. „Ничто лучше не доказываетъ, говоритъ онъ, что есть счастье, зависящее отъ темперамента, какъ всѣ эти счастливые глупцы, которыхъ всякій знаетъ, между тѣмъ какъ столько умныхъ людей несчастны. Кажется, что умъ вредитъ чувству (donne la torture au sentiment). Животныя тоже доказываютъ. Когда они въ добромъ здоровьи и ихъ потребности удовлетворены, они тогда вкушаютъ пріятное чувство, связанное съ этимъ удовлетвореніемъ и, слѣдовательно, счастливы по своему. Положимъ, они не сознаютъ своего счастья, но необходима-ли рефлексія для счастья? метафизическія идеи способствуютъ-ли счастью? Сколько есть людей тупыхъ, у которыхъ еще менѣе способности къ рефлексіи, чѣмъ у животныхъ, и тѣмъ не менѣе

*) Damiron, 1, 321. Сравни. Diderot and thé Encyclop. 156. (въ рус. пер. 162).

счастливыхъ? Рефлексія увеличиваетъ (augmente) чувство, но не даетъ его, такъ же какъ похоть (volupte) сама по себѣ не рождаетъ удовольствія. Увы, слѣдуетъ-ли радоваться этой способности? Способность эта неутомима и до такой степени противодѣйствуетъ чувству, что совѣмъ его разрушаетъ. Я знаю, что въ счастіи, и когда притомъ дѣйствуетъ въ направленіи, указываемомъ чувствами, она способствуетъ его увеличенію; какъ бы пѣкое жало, она возбуждаетъ, усиливаетъ чувство, но въ несчастіи нѣтъ болѣе жестокаго и пагубнаго дара. Это отравя жизни“.

„Напротивъ человѣкъ, котораго инстинктъ дѣлаетъ довольнымъ, всегда таковъ, не зная ни какъ, ни почему онъ доволенъ; довольство ему достается легко. И между тѣмъ какъ не много стоитъ произвести такую машину,—не болѣе того, что стоитъ машина животнаго, тогда какъ сколько есть такихъ, для счастія которыхъ фортуна, извѣстность, любовь и природа напрасно истощали свои усилія! Несчастіе имъ достается дорогою цѣною, ибо они безпокойны, нетерпѣливы, жадны, ревнивы, горды, рабы тысячи страстей. Можно сказать, что чувство дано имъ для того, чтобы оно причиняло имъ досаду и что умъ у нихъ служить къ тому только, чтобы волновать ихъ и разрушать ихъ чувство“.

Но кромѣ рефлексіи есть еще и другой врагъ счастія въ смыслѣ Ламетри,—это именно раскаяніе или сожалѣніе о содѣянномъ, иначе говоря, совѣсть. Поэтому чтобы счастіе, какъ его понимаетъ Ламетри, было вполне достижимо, для этого требуется ни болѣе ни менѣе, какъ заглушить совѣсть. И что же? Ламетри не останавливается и предъ этимъ послѣдствіемъ, тѣмъ болѣе что сожалѣніе, раскаяніе обыкновенно находится въ связи съ рефлексіей.

„Вспомнимъ наше дѣтство, говоритъ Ламетри, и мы увидимъ, какова эпоха сожалѣній. Сначала это было простое чувство, которому мы отдались безъ испытанія и выбора, и которое такъ сильно напечатлѣлось въ мозгу, какъ печать на мягкомъ воскѣ. Страсть,—эта владычица нашей воли, на время можетъ его заглушить, но оно возраждается съ прекращеніемъ страсти, и особенно--когда душа, обратившись къ себѣ, хладнокровно

рефлектируетъ, ибо тогда выступаютъ первыя начала, образующія совѣсть (conscience), которыми она была напитана, — и вотъ что называютъ сожалѣніемъ (remords)“.

„Итакъ сожалѣніе—это непріятное (fâcheuse) воспоминаніе, старая привычка (habitude) чувствовать извѣстнымъ образомъ, снова возобладавшая въ насъ. Это, если угодно, вновь обозначившійся слѣдъ и потому старый предрассудокъ, котораго страсти и похоть еще не успѣли такъ хорошо усыпить, чтобы не возникалъ онъ снова рано или поздно. Человѣкъ носитъ такимъ образомъ въ себѣ самомъ наибольшаго изъ своихъ враговъ, который всюду его преслѣдуетъ. Къ счастью, этотъ жестокой врагъ не всегда бываетъ побѣдителемъ. Всякая иная привычка, или болѣе продолжительная или болѣе сильная, необходимо должна одержать надъ нимъ верхъ. Колея, наиболѣе выбитая, взглаживается, коль скоро путь закрыть или засыпанъ. При иномъ воспитаніи иное бываетъ теченіе жизненныхъ силъ, другія должны явиться господствующіе слѣды (въ мозгу) и иныя наконецъ чувства, которыя не могутъ проникать иначе, какъ только подымаясь надъ развалинами первыхъ, уничтожаемыхъ новымъ механизмомъ. А вотъ, если угодно, бесспорные факты (подтверждающіе сказанное): когда грозитъ на морѣ голодная смерть, то застигнутые опасностью питаются тѣмъ изъ своихъ товарищей, кого укажетъ жребій, и при этомъ, подобно антропофагамъ, *не чувствуютъ раскаянія*. Бичъ человѣчества, болѣе страшный, чѣмъ всѣ преступленія вмѣстѣ зятія, но который однако не сопровождается *никакимъ сожалѣніемъ*,—это рѣзня на войнѣ. Что значитъ обычай, что значитъ необходимость, которая все оправдываетъ!—Иная религія—иныя и сожалѣнія; иное время—иные нравы. Ликургъ заставилъ бросать въ воду младенцевъ слабыхъ и болѣзненныхъ, при чемъ удивлялись его мудрости... Въ Спартѣ не признавали ни воровства, ни стыда, ни прелюбодѣянія“...

„Ахъ, если право помилованія имѣетъ цѣлью—спасти несчастныхъ, ознаменовавшихъ себя какимъ-либо заслугами, и если въ извѣстныхъ случаяхъ употребленіе этого права своимъ царственнымъ величіемъ смягчаетъ неумолимую строгость законовъ, то, по моему мнѣнію, еще болѣе существенное пра-

во есть право избавить отъ сожалѣнія.—Не для того же чело­вѣкъ (особенно честный) произошелъ, чтобы быть отданнымъ въ руки мучителей (т. е. угрызеній совѣсти); не для этого природа хотѣла привязать его къ жизни посредствомъ столь­кихъ приманокъ. Нѣтъ. Я хочу, чтобы онъ былъ обязанъ ра­зуму тѣмъ, чѣмъ столько злодѣевъ обязаны силѣ привычки (т. е. свободою отъ раскаяній). На одного плута, перестав­шаго быть несчастнымъ, незаслуженно пользующагося миромъ и спокойствіемъ (душевнымъ), сколько есть разумныхъ и добро­дѣтельныхъ, безъ всякаго серьезнаго повода терзаемыхъ среди жизни тихой и пріятной. Сбросивъ, наконецъ, слишкомъ тя­гостное иго воспитанія, они наслаждались бы безмятежнымъ счастіемъ и утонченное удовольствіе явится на мѣсто скуки, которая ихъ пожираетъ“.

„Сожалѣвія бесполезны до преступленія, но они ни къ чему не служатъ и послѣ, какъ и во время совершенія его. Пре­ступленіе вѣдь уже совершено, когда является раскаяніе. Раскаяніе вредитъ добрымъ людямъ и самой добродѣтели, разрушая ея плоды, а для зложелательства не можетъ слу­жить уздою (только страхъ законовъ обуздываетъ злыхъ); и такъ оно по меньшей мѣрѣ бесполезно въ родѣ чело­вѣч­скомъ..... Мы вправѣ заключить, что если утѣхи, находимыя въ природѣ и разумѣ, суть преступленія, то значитъ счастье людей въ томъ, чтобы быть преступными. И злые могутъ быть счастливы, если они въ состояніи быть злыми безъ сожалѣнія. Я осмѣливаюсь сказать болѣе: кто не будетъ раскаяваться, для того настолько будетъ привычно преступленіе (*vivre dans une telle familiarité avec le crime*), что пороки для него будутъ добродѣтелями и онъ будетъ болѣе счастливъ, чѣмъ тотъ, ко­торый, послѣ добраго дѣла, станетъ раскаяваться въ содѣян­номъ, вслѣдствіе чего и самое дѣло потеряетъ всю свою цѣну. Такова удивительная власть спокойствія, котораго ничто не можетъ поколебать. О ты, котораго обыкновенно называютъ несчастнымъ, и который предъ обществомъ дѣйствительно та­ковъ, предъ самимъ собою ты можешь оставаться спокойнымъ! Для этого стоитъ только заглушить въ себѣ раскаяніе. Къ тому же нужно еще, чтобы ты презиралъ жизнь, уваженіе и

ненависть общества. Тогда будь ты убійца, хищникъ, злодѣй, и хотя бы былъ предметомъ справедливаго отвращенія для людей честныхъ, при всемъ томъ ты будешь счастливъ"... Къ сожалѣнію счастье это небезопасно, а потому Ламетри спѣшитъ предупредить легкомысленныхъ: „но если ты хочешь жить, то берегись; политика не такъ удобна, какъ моя философія,—судъ ея дочь, орудія и исполнители казни въ ея распоряженіи: бойся ихъ больше, чѣмъ своей совѣсти и боговъ“. И послѣ всего этого Ламетри хочетъ еще оправдать свою философію, предупредить упреки въ томъ, что она можетъ оказать вредное вліяніе на общество. „Пусть не говорятъ, такъ оправдываетъ себя Ламетри,—что я склоняю на преступленіе.. Я не предлагаю наставленій (ne moralise), не проповѣдую, не декламирую, я изъясняю... Я пишу не въ качествѣ гражданина, а какъ философъ“ *).

П. Липицкій.

(Продолженіе будетъ).

*) Essai sur la Mettrie... Quépat 169 стр. и д.

ОТНОШЕНИЕ

ПЕРВАГО ХРИСТИАНСКАГО ФИЛОСОФА

къ

ЯЗЫЧЕСКОЙ ФИЛОСОФІИ.

Уму человѣческому присуще стремленіе къ познанію истины. Какъ теперь человѣкъ не можетъ побѣдить въ себѣ это стремленіе, такъ не могъ онъ побѣдить его въ тѣхъ отдаленныхъ отъ насъ временахъ, когда бѣольшая часть человѣчества, утративъ истинную вѣру, погрязла въ язычествѣ. Но такъ какъ религія языческая не могла представить удовлетворительнаго разрѣшенія мучившихъ человѣчество вопросовъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ: то естественно возникло у мыслящихъ людей того времени стремленіе разрѣшить эти вопросы съ помощію одного только естественнаго разума. Такимъ образомъ возникла философія. Но вскорѣ послѣ ея возникновенія опытъ показалъ и несостоятельность разума въ дѣлѣ выполненія принятой имъ на себя задачи, потому что каждый философъ рѣшалъ вопросы бытія и знанія по своему, противорѣча, конечно, при этомъ другимъ философамъ, такъ что вопросъ: гдѣ и какъ найти истину? оставался еще открытымъ. При такомъ положеніи дѣлъ сама философствующая мысль не могла не дойти до недовѣрія къ собственнымъ своимъ силамъ. Это дѣйствительно и случилось въ V вѣкѣ до Рождества Христова, когда явились софисты, которые подвергли сомнѣнію самую возможность всеобщихъ, непреложныхъ началъ знанія и жизни, высказывая

при этомъ, что для человѣка должны заслуживать вниманія только его личныя убѣжденія и личныя стремленія.

Но таковымъ печальнымъ разрушеніемъ человѣческаго знанія не могли закончиться всѣ исканія истины. Поэтому явился еще цѣлый рядъ попытокъ удовлетворить жажду познанія истины, при чемъ, такъ какъ несостоятельность разума въ дѣлѣ разрѣшенія метафизическихъ вопросовъ была уже обнаружена предшествующимъ опытомъ, то теперь (съ Сократа) философствующая мысль по преимуществу стала преслѣдовать этическія цѣли, стала болѣе заниматься познаніемъ самого человѣка, нежели познаніемъ окружающей его природы. Послѣ этого авторитетъ философіи значительно повысился. Появившаяся въ это время философія Платона, по своей глубинѣ и сравнительному приближенію къ истинѣ, оставляетъ далеко позади себя всѣ другія философскія системы, а потому долгое время удовлетворяла стремленіямъ человечества къ познанію истины. Но, съ другой стороны, въ той-же философіи Платона была зародышъ научнаго умозрѣнія, которое древнѣйшую философію привело въ концѣ концовъ къ сознанію только своего беспомощія. Тому-же суждено было свершиться вторично. Ученикъ Платона, Аристотель, главное свое вниманіе обращавшій на физику и метафизику, снова открылъ міръ для умозрѣній и тѣмъ проторилъ путь новой эпохѣ, эпохѣ скептицизма, — не того беспорядочнаго скептицизма, который предшествовалъ Сократу, но методическаго и догматическаго изложенія и доказательства тщеты всякой философіи. Новые скептики были вооружены гораздо лучше софистовъ, такъ какъ теперь они могли пользоваться и дѣйствительно пользовались тѣми результатами, которыхъ достигли Сократъ, Платонъ и Аристотель въ области этики, метафизики и діалектики. Вооруженные такимъ-то оружіемъ, новые скептики устремились на борьбу съ философіей и вышли изъ этой борьбы побѣдителями. Вся мудрость древняго міра оказалась бессильною противъ скептиковъ. Умозрительное убѣжденіе было низведено теперь до значенія шаткой вѣроятности. Вѣра въ философскую истину погасла. Такимъ образомъ, философское мышленіе до-христіанскаго времени, начавшись дѣтскими рѣшеніями великихъ вои-

росовъ, закончилось старческимъ сомнѣніемъ. Философская мысль въ концѣ концовъ не только усомнилась въ достоинствѣ предложенныхъ рѣшеній великой задачи: она усомнилась даже въ возможности какого-бы то ни было рѣшенія. Это не было сомнѣніе начинающее, но сомнѣніе, замыкающее изслѣдованіе, — сомнѣніе, опирающееся на фактахъ предшествующей исторіи философіи, на многихъ опытахъ односторонности и неудовлетворительности разрѣшенія великихъ философскихъ вопросовъ и проблемъ. Таковъ второй кризисъ греческой философіи.

Но какъ во времена софистики, такъ и теперь философствующая мысль не могла отказаться отъ самой себя, не могла остановиться на убѣжденіи въ полной невозможности познать что-либо истинное. Съ другой стороны, естественному разуму человѣческому, такъ много потерпѣвшему неудачъ при отысканіи истины, нельзя было надѣяться отыскать ее своими собственными силами. Нужно, слѣдовательно, было изыскать стороннюю помощь. Такую помощь разумъ нашелъ себѣ, съ одной стороны, въ древнихъ религіозныхъ преданіяхъ востока, а съ другой стороны въ экстазѣ, т. е. въ особенномъ непосредственномъ соприкосновеніи души съ сущностію всякаго бытія. При этомъ не малое значеніе придавали и лучшимъ мыслямъ лучшихъ мыслителей древности, какъ напр., Пифагора, Платона и Аристотеля. При помощи такихъ средствъ пыталась найти истину александрійская философія, появившаяся незадолго до Рождества Христова.

Такимъ образомъ, естественный разумъ человѣческій, послѣ долгихъ усилій отыскать истину, дошелъ до сознанія невозможности собственными силами достигнуть познанія ея и, наконецъ, не могъ найти для себя другаго выхода, какъ только обратиться за помощію къ вѣрѣ, къ древнимъ религіознымъ вѣрованіямъ востока и къ мистическому созерцанію сверхъчувственнаго бытія.

Въ это знаменательное въ исторіи философіи время явился на землю Спаситель міра Господь Иисусъ Христосъ, Который въ простой и всякому доступной формѣ возвѣстилъ людямъ то, чего долгое время добивался достигнуть человѣческій разумъ. Казалось-бы, что труды послѣдняго съ этого времени должны

были окончиться, что всѣ плоды усилій его должны были быть преданными забвенію, потому что Иисусомъ Христомъ сообщено было уже готовое рѣшеніе вопросовъ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, и притомъ такое рѣшеніе, истинность котораго не могла быть подвержена сомнѣнію и которое по своей глубинѣ и возвышенности безконечно превосходитъ слабыя силы естественнаго человѣческаго разума. Въ первое время по пришествіи Христа на землю такъ дѣйствительно и было ¹⁾. Произведенія христіанскихъ писателей перваго вѣка по Рождествѣ Христовомъ, подобно новозавѣтнымъ писаніямъ, дышатъ простотою, искренностію и любовію. Въ нихъ не замѣчается и слѣда тѣхъ мудрованій разума, которыя служили отличительною чертою до-христіанской философіи; нѣтъ въ нихъ никакихъ отзывать о философіи, нѣтъ и никакихъ слѣдовъ познанія языческой философіи.

Но дѣло не могло навсегда остаться въ такомъ положеніи. Разумъ человѣческій не остался совершенно безъ всякаго дѣла и послѣ разрѣшенія христіанствомъ теологическихъ, метафизическихъ и этическихъ вопросовъ. Вѣра съ своей стороны не пренебрегла совершенно разумомъ, но даже вступила въ союзъ съ нимъ, или лучше сказать (если принять во вниманіе современное и отчасти предшествовавшее христіанству соединеніе вѣры съ разумомъ въ александрійской философіи) не разорвала совершенно этого союза.

Нельзя и удивляться этому обстоятельству. Если нѣсколько поглубже вникнуть въ сущность и значеніе христіанства, то нетрудно замѣтить, что иначе не могло быть. Въ самомъ дѣлѣ, предлагая разрѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ человѣческаго ума, христіанство тѣмъ самымъ не только не стѣсняло, но даже возбуждало мыслящую силу человѣка къ дѣятельности: къ сознательному усвоенію божественнаго ученія, къ подробному раскрытію и изъясненію богооткровенныхъ истинъ.—Кромѣ того, объективныя въ себѣ, богооткровенныя истины, не могутъ сохранить всю свою объективность въ сознаніи отдѣльныхъ личностей. Приведемъ въ пользу этого мнѣнія слова Гу-

¹⁾ Конечно, если не имѣть въ виду языческаго міра, по прежнему продолжавшаго блуждать подъ руководствомъ естественнаго разума.

бера. „Если само въ себѣ христіанство“, говоритъ онъ, — „какъ и природа, есть неизмѣнный фактъ, то восприниманіе его человекомъ необходимо подлежить измѣненію ¹⁾. Нужно различать объективность догмы и субъективное ея пониманіе отцами Церкви ²⁾. Какъ міръ въ каждомъ воспринимающемъ его духѣ отображается въ его собственной индивидуальной окраскѣ, такъ и христіанская догма необходимо должна подлежать самымъ различнымъ индивидуальнымъ пониманіямъ“ ³⁾. Такимъ образомъ, для человека психологически невозможно не внести чего-либо субъективнаго въ воспринимаемыя имъ истины. Возвышенныя христіанскія истины, сами по себѣ оставаясь непререкаемыми и превосходящими всѣ естественныя соображенія разума, въ тоже время, въ субъективномъ сознаніи отдѣльныхъ индивидуумовъ, не могутъ не быть хотя въ малой зависимости отъ естественнаго разума этихъ индивидуумовъ. Посему, само собою разумѣется, богооткровенныя истины, будучи воспринимаемы философомъ, не могутъ не получить въ его сознаніи философской въ извѣстной степени окраски. Это мы и замѣчаемъ въ произведеніяхъ церковныхъ писателей II вѣка.

Наконецъ, различныя историческія обстоятельства не могли не содѣйствовать поддержанію и укрѣпленію союза между христіанскою вѣрою и разумомъ. Таковы: довольно значительное распространеніе философскаго образованія въ тогдашнемъ обществѣ, нападки языческихъ философовъ на христіанское ученіе, появленіе и значительное распространеніе ересей, бывшихъ результатомъ стремленія слить христіанское ученіе съ языческой философіей, создать изъ него философскую систему. Распространенность въ тогдашнемъ обществѣ (конечно, собственно въ высшихъ классахъ его) философскихъ познаній вызывала писателей Церкви излагать христіанское ученіе въ формѣ философской и вообще научной, потому что эта форма наиболѣе близка была къ умственному развитію интеллигентнаго языческаго общества. А извѣстно, что всякая истина можетъ быть легко и безъ особенныхъ сомнѣній принята

¹⁾ Huber. Die Philosophie der Kirchenväter, p. 15.

²⁾ Ibidem, p. 73.

³⁾ Ibidem, p. 74.

и усвоена известнымъ человекомъ только въ томъ случаѣ, если эта истина изложена въ наиболѣе удобной для известнаго индивидуума формѣ, если она хотя сколько-нибудь приспособлена къ его пониманію и степени его развитія. Человекъ-же, получившій философское образованіе, къ истинамъ, изложеннымъ въ простой и безыскусственной формѣ, легко можетъ отнестись съ недоверіемъ и даже пренебреженіемъ. Простота христіанскихъ писаній дѣйствительно и возбуждала въ образованныхъ язычникахъ насмѣшки. Такъ Эпиктетъ говоритъ о христіанахъ: „эта толпа безъ философіи, ихъ ученіе варварское, которое останавливаетъ всякое духовное развитіе; они не только другимъ, но и себѣ не могутъ дать отчета въ своей религіи“¹⁾. Известно также, что Цельсъ истощался въ насмѣшкахъ надъ грубостію формы, варварствомъ слога и вообще простотою христіанскихъ писаній. Для того, чтобы отклонить отъ себя эти насмѣшки и доставить образованнымъ язычникамъ возможность оцѣнить глубину и возвышенность богооткровеннаго ученія, и надлежало придать ему научную форму. Тоже самое надлежало сдѣлать и въ виду возникновенія литературныхъ нападеній язычниковъ на христіанство. Для того, чтобы съ успѣхомъ отражать эти нападенія, необходимо было бороться съ язычниками ихъ-же собственнымъ оружіемъ, т. е. не иначе, какъ разсудочно и философски доказывать ложность и несостоятельность языческой философіи, съ одной стороны, и несравненное превосходство христіанскаго ученія, съ другой стороны. Таковую-же борьбу христіанскимъ писателямъ приходилось выдерживать еще съ гностиками, извратившими христіанское ученіе вслѣдствіе излишняго своего увлеченія языческой философійей, вслѣдствіе своего стремленія слить его съ ней.

Всѣми этими причинами и было вызвано то, что съ половины II вѣка христіанское ученіе, доступное прежде собственно сердцу, стали подтверждать логическими доводами, вслѣдствіе чего оно постепенно стало входить все въ болѣе и болѣе тѣсную связь съ научными понятіями и философійей древности. Первымъ христіанскимъ писателемъ, вступившимъ на этотъ

¹⁾ Сквиорцовъ. Философія отцовъ и учителей Церкви. Введеніе, стр. X.

путь, былъ Іустинъ философъ ¹⁾. Поэтому его можно считать основателемъ христіанской философіи.

Разсмотрѣніе философскаго элемента въ его сочиненіяхъ, или говоря другими словами, опредѣленіе его отношенія къ философіи, и послужить предметомъ предлагаемаго изслѣдованія. Мы постараемся указать отношеніе этого святаго отца къ философіи съ слѣдующихъ сторонъ: 1) опредѣлимъ его взглядъ на философію; 2) укажемъ отношеніе его къ самой личности языческихъ философовъ, т. е. рѣшимъ вопросъ о томъ: какія свѣдѣнія и свои мнѣнія о жизни языческихъ философовъ сообщалъ Іустинъ мученикъ въ своихъ произведеніяхъ, причемъ обратимъ вниманіе и на критическую провѣрку этихъ свѣдѣній; 3) опредѣлимъ, какія философскія произведенія читалъ св. Іустинъ,—изучалъ-ли онъ философію по подлиннымъ произведеніямъ языческихъ философовъ, или-же знакомился съ философскими системами по второстепеннымъ; 4) постараемся опредѣлить, правильно-ли онъ понималъ различныя системы языческихъ философовъ, и, наконецъ, 5) постараемся опредѣлить, имѣла-ли какое-либо вліяніе на св. Іустина языческая философія, и если имѣла, то сколь значительное, какъ отразилась она на дошедшихъ до насъ его произведеніяхъ.

По рожденію и воспитанію своему св. Іустинъ былъ язычникомъ. Не смотря на это, онъ хорошо понималъ ложность языческой религіи. Побуждаемый своимъ стремленіемъ отыскать истину, онъ началъ изучать философію и хорошо ознакомился съ нѣсколькими философскими системами, изъ которыхъ только одна философія Платона удовлетворяла нѣкоторое время его пылливый умъ ²⁾. Не долго, впрочемъ, Іустинъ мученикъ оставался послѣдователемъ и Платоновой философіи; познавъ превосходство христіанской религіи надъ всѣми фило-

¹⁾ Правда, до Іустина еще писали апологіи христіанства Кодратъ и Аристидъ; но, во-первыхъ, неизвѣстно, имѣли-ли онѣ философскій характеръ; во-вторыхъ во всякомъ случаѣ эти апологіи не имѣли важнаго вліянія на послѣдующихъ писателей христіанской Церкви.

²⁾ Разговоръ съ Трифономъ II.

софскими системами древности, онъ принялъ наконецъ христіанство ¹⁾.

Какъ человѣкъ философски образованный, Іустинъ мученикъ и по принятіи христіанства не могъ отрѣшиться отъ философіи. Онъ не утратилъ своего уваженія ни къ самой философіи, ни къ имени и званію философа ²⁾. Іустинъ, и сдѣлавшись христіаниномъ, навсегда остался при томъ мнѣніи, что философія, сама по себѣ, есть вещь прекрасная, стоящая полного и обстоятельнаго изученія. „Философія“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній, — „по истинѣ есть величайшее и драгоцѣннѣйшее въ очахъ Божіихъ стяжаніе: она одна приводитъ насъ къ Богу и дѣлаетъ насъ угодными Ему ³⁾. Безъ философіи и здраваго разума никто не можетъ обладать мудростію“ ⁴⁾. Впрочемъ, эти слова Іустина философа нельзя относить ни къ какой-либо отдѣльной философской системѣ, ни даже къ языческой философіи вообще. Въ приведенныхъ словахъ его разумѣется не философія, существующая въ дѣйствительности, а философія, какою она должна быть. Это видно изъ слѣдующихъ словъ св. Іустина: „многіе не угадали, что такое философія и для какой цѣли она ниспослана людямъ, иначе не было-бы ни платониковъ, ни стоиковъ, ни перипатетиковъ, ни теоретиковъ, ни пифагорейцевъ, ибо это знаніе только одно“ ⁵⁾. Но и къ языческой философіи Іустинъ относился довольно благосклонно и снисходительно. Правда, онъ замѣчаетъ, что „между тѣми, которые носятъ имя и одежду философовъ, есть люди, не дѣлающіе ничего соотвѣтственнаго ихъ званію“, и что многіе изъ древнихъ философовъ „учили безбожію“ ⁶⁾; но съ другой стороны, онъ признаетъ, что многими философами сказано не мало прекрасныхъ вещей, и что во всѣхъ философскихъ системахъ есть бѣльшая или меньшая доля истины ⁷⁾.

¹⁾ Разговоръ съ Трифономъ, VIII.

²⁾ Это видно между прочимъ изъ того, что св. Іустинъ и по принятіи христіанства продолжалъ носить философскую мантію (тамъ-же, I).

³⁾ Тамъ-же, II.

⁴⁾ Разговоръ съ Трифономъ, III.

⁵⁾ Тамъ-же, II.

⁶⁾ I апологія, IV.

⁷⁾ Тамъ-же, XLIV; 2 апологія, X, XIII.

Теперь какими-же способами языческіе философы могли приближаться къ познанію истины? Св. Іустинъ указываетъ два способа: первый—это участіе всѣхъ людей въ Божественномъ Логосѣ, который и до пришествія Христа на землю сообщался всѣмъ людямъ, изъ коихъ каждый, по мѣрѣ своей воспріемлемости, удостоивался причастія Логосу и достигалъ познанія истины. „Все, что когда-либо сказано и открыто хорошаго философами“, говоритъ св. Іустинъ, — „все это ими сдѣлано по мѣрѣ созерцанія ими Слова 1). Всякій изъ нихъ говорилъ прекрасно потому именно, что познавалъ отчасти среднее съ посвященнымъ Словомъ Божиимъ 2). Поэтому у всѣхъ, кажется, есть сѣмена истины, но они не точно выразумѣли ихъ 3). А такъ какъ они не знали всѣхъ свойствъ Слова, которое есть Христосъ, то часто даже говорили противное самимъ себѣ“ 4).

Нельзя не признать такія мысли святаго отца свѣтлыми и отрадными. Въ самомъ дѣлѣ, исторія философіи говоритъ намъ, что лучшіе изъ язычниковъ возвышались до почитанія единого Бога, что они познавали до нѣкоторой степени Его совершенства и имѣли довольно свѣтлыя мысли о нашемъ назначеніи. Откуда-же они заимствовали все это? Какъ могли у нихъ родиться довольно близкія къ истинѣ понятія о Существовѣ безконечномъ? Какъ могла возникнуть на почвѣ многобожія идея о Богѣ единомъ? Этого явленія нельзя объяснить иначе, какъ дѣйствіемъ свѣта божественнаго, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. *Ибо, что можно знать о Богѣ, говоритъ апостоль Павелъ о язычникахъ, явлено для нихъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что они безототны 5).*

Другой способъ познанія языческими философами истины, по мнѣнію св. Іустина, есть ихъ знакомство съ священными

1) 2 апол., X.

2) Тамъ-же, XIII.

3) 1 апол., XLIV.

4) 2 апол., X.

5) Римл. 1, 19—20.

еврейскими книгами. „Во всемъ, что философы говорили о бессмертіи души“, говоритъ Іустинъ, — „о наказаніяхъ по смерти, о созерцаніи небснаго и подобныхъ предметахъ, пользовались они отъ пророковъ“¹⁾. Кроме того во многихъ мѣстахъ писаній Іустина²⁾ проводится та мысль, что Платонъ, Пифагоръ и нѣкоторые другіе философы были въ Египтѣ, познакомились тамъ съ писаніями пророка Моисея, заимствовали изъ нихъ многія истины, только значительно извративъ ихъ, отчасти изъ страха народа, отчасти по своей неспособности вполне уразумѣть ихъ.

Относительно этого мнѣнія Іустина (которое, кроме него, высказывалось и многими другими отцами и учителями Церкви) существуютъ различныя сужденія. Многими признавалась возможность заимствованій языческими философами изъ священныхъ еврейскихъ книгъ, но многими эта возможность и отрицалась. Мы съ своей стороны соглашаемся съ сужденіями отрицательнаго характера объ этомъ предметѣ, слѣдуя главнымъ образомъ профессору Е. Ловягину, который³⁾ представляетъ слѣдующія довольно вѣскія возраженія противъ изложеннаго мнѣнія Іустина: до перевода LXX Библия не была переведена на греческій языкъ, а еврейскій языкъ былъ совершенно незнакомъ языческимъ философамъ; философы, общая по мѣстамъ различныя свѣдѣнія о различныхъ народахъ, рѣшительно умалчиваютъ о еврейскомъ народѣ, что было-бы необъяснимо, если-бы они пользовались священными еврейскими книгами; евреи, особенно въ древности, вели жизнь совершенно изолированную, считали даже за грѣхъ вступать въ близкія сношенія съ чужестранцами, а потому, конечно, не рѣшились-бы знакомить ихъ съ своими священными книгами. Изъ исторіи перевода LXX видно, что до того времени Библия была извѣстна язычникамъ только по наслышкѣ, а содержаніе ея имъ было совершенно неизвѣстно; трудно

¹⁾ 1 апол. XLIV.

²⁾ Напр., 1 апол., LIX, LX. Увѣщаніе эллинамъ, XIV, XX, XXII, XXV—XXVII, XXIX—XXXI, XXXIII.

³⁾ Въ своей книгѣ: „Объ отношеніи писателей классическихкихъ къ библейскимъ по возрѣнію христіанскихъ апологетовъ“.

предполагать, чтобы евреи имѣли вліяніе на восточныхъ народовъ въ религіозномъ и культурномъ отношеніи, а никакого посредства между философиами и евреями, какъ посредство восточныхъ народовъ, быть не могло. Въ силу такихъ соображеній мнѣніе Іустина философа, что языческіе философы заимствовали нѣкоторыя истины изъ Библии, слѣдуетъ отвергнуть. Гораздо естественнѣе вмѣсто этого мнѣнія признать, что нѣкоторыя изъ лучшихъ мыслей язычниковъ были остатками первобытныхъ истинныхъ вѣрованій.

Какъ благосклонно относился Іустинъ философъ къ языческой философіи, также благосклонно относился онъ и къ личностямъ языческихъ философовъ. Онъ даже ясно проводитъ ту мысль, что заслуги и нравственно-добрая жизнь философовъ имѣетъ для нихъ такое-же значеніе, какое имѣютъ для христіанъ ихъ заслуги, или для ветхозавѣтныхъ патріарховъ ихъ заслуги. Это мнѣніе у Іустина тѣсно соединяется съ его мнѣніемъ, что Божественный Логосъ и до пришествія Христа на землю сообщался язычникамъ. Такое сообщеніе людямъ Логоса, по мысли св. Іустина, имѣло значеніе не только для ихъ познанія, но и для ихъ нравственной дѣятельности. Большая или меньшая причастность Логосу обуславливала не только приближеніе къ истинѣ, но и приближеніе къ нравственному совершенству. Какъ по мѣрѣ восприимлемости язычники могли дѣлаться причастниками Божественнаго Логоса и приближаться къ познанію истины, такъ по мѣрѣ той-же своей восприимлемости, своей причастности Логосу, и по мѣрѣ согласія своихъ поступковъ съ Его внушеніями они могли достигать благихъ результатовъ и въ нравственномъ отношеніи. „Тѣ, которые жили согласно съ Словомъ“, говоритъ св. Іустинъ, — „хотя-бы (т. е. со стороны язычниковъ) они считались за безбожниковъ, суть христіане: таковы между эллинами— Сократъ и Гераклитъ и имъ подобныя, а изъ варваровъ— Авраамъ, Ананія, Азарія и Мисаилъ, и Илія и многіе другіе“ ¹⁾.

Въ силу такого философскаго основанія Іустинъ перѣдко съ большою похвалою отзывается о нравственныхъ достоин-

¹⁾ 1 апологія, XLVI.

ствахъ тѣхъ изъ философовъ, которые, по его мнѣнію, „жили согласно съ Словомъ“. Такъ Сократа онъ называетъ „самымъ твердымъ изъ послѣдователей сѣмени Слова“ ¹⁾, Платона и Аристотеля онъ именуетъ „знаменитѣйшими и славящимися своими добродѣтелями“ ²⁾. Затѣмъ Іустинъ съ сочувствіемъ относится къ судьбѣ тѣхъ философовъ, которые, будучи добрыми и хорошими въ нравственномъ отношеніи, язычниками были ненавидимы, гонимы и убиваемы. Такъ онъ говоритъ: „добрые, какъ, на примѣръ, Сократъ, были заключаемы въ узы... это дѣло злыхъ демоновъ“ ³⁾. И въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾: „философы, прекрасные въ нравственной системѣ, были, какъ знаешь, ненавидимы и убиваемы: таковъ, извѣстно, былъ Гераклитъ, а изъ современныхъ намъ—Музоній ⁵⁾ и другіе“.

Отзываясь съ похвалою о лучшихъ изъ философовъ, Іустинъ въ тоже время нерѣдко порицаетъ нѣкоторыхъ философовъ. Такъ онъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что „и между тѣми, которые носятъ имя и одежду философовъ, есть люди, не дѣлающіе ничего соотвѣтственнаго ихъ званію“ ⁶⁾. Но въ такихъ случаяхъ у Іустина вовсе не замѣтно желанія очернить личность того или другаго изъ языческихъ философовъ, хотя и нельзя сказать, чтобы у него не встрѣчалось ни одного незаслуженнаго порицанія языческихъ философовъ. Такъ онъ въ одномъ мѣстѣ не безъ горечи замѣчаетъ, что, тогда какъ хорошіе люди претерпѣваютъ разныя напасти, дурные люди, какъ, на примѣръ, Сарданапалъ, Эпикуръ и имъ подобные, по видимому, благоденствуютъ въ изобиліи и славѣ ⁷⁾; а между тѣмъ, какъ доказано, Эпикура никакъ нельзя упрекать въ безнравственной жизни. „Въ настоящее время“, говоритъ

¹⁾ 2 апологія, X.

²⁾ Увѣщаніе элппамъ, V.

³⁾ 2 апол., VII. См. также 1 апол., V.

⁴⁾ 2 апол. VIII.

⁵⁾ Изъ многихъ Музоніевъ здѣсь должно разумѣть стоика Музонія Тирренскаго, который, по свидѣтельству Свиды, былъ убитъ Нерономъ *διὰ τὴν παρρησίαν καὶ τὸ ἐλεγκτικὸν καὶ τὸ ὑπερβάλλον τῆς ἐλευθερίας*. См. Migne. Patrologiae cursus completus, series graeca, tom. VI, pag. 457, adnot 7.

⁶⁾ 2 апологія, IV.

⁷⁾ 2 апологія, VII.

Льюисъ ¹⁾, — „историки единодушно признають Эпикура чело-
вѣкомъ добродѣтельнымъ, съ чистою нравственностію“. Но за
несправедливую оцѣнку Эпикура нельзя много винить Іустина,
потому что въ древности были весьма распространены дурныя
мнѣнія объ Эпикурѣ. Эти мнѣнія поддерживали и распростра-
няли, какъ утверждаютъ новѣйшіе историки, стоики ²⁾, по
своимъ убѣжденіямъ составлявшіе прямую противоположность
эпикурейцевъ. А между тѣмъ Іустинъ, безъ сомнѣнія, часто
вступалъ въ различныя сношенія съ послѣдователями весьма
распространеннаго въ то время стоицизма; до своего обраще-
нія въ христіанство онъ самъ даже нѣкоторое время былъ,
по его же собственному свидѣтельству ³⁾, ученикомъ одного
стоика. Отсюда ясно, что Іустину вѣроятно часто приходи-
лось слышать дурныя отзывы объ Эпикурѣ, которые и весьма
естественно было принять за справедливыя.

Затѣмъ, съ особеннымъ недружелюбіемъ отзываясь Іустинъ
о своемъ современникѣ и противникѣ въ спорахъ, циникѣ
Кресцентѣ. Его Іустинъ называетъ „любителемъ шума и сует-
наго блеска. Ибо этотъ челоѣкъ не стоитъ того, чтобы на-
зывать его философомъ... Онъ челоѣкъ крайне злой... рабъ
народнаго и несмысленнаго мнѣнія и страха... ничего нашего
не знаетъ, или если и знаетъ, то, боясь слушателей, не смѣетъ
говорить... онъ не любитель мудрости (οὐ φιλόσοφος), а слово-
любецъ“ ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ писаній Іустина встрѣчается
такое выраженіе: „здѣсь хорошо и прилично привести раз-
сказъ изъ Ксенофонта, для пользы Кресцента и тѣхъ, кото-
рые такъ же несмысленны, какъ онъ“ ⁵⁾.

Чѣмъ же можно объяснить такую рѣзкость въ отзывахъ
Іустина философа о Кресцентѣ, совсѣмъ не гармонирующую
съ тономъ его сужденій о другихъ философахъ? Безъ сомнѣ-
нія, однимъ изъ объясненій и, можетъ быть, самымъ главнымъ
должно быть то, что Кресцентъ былъ личностію далеко не

¹⁾ Исторія философіи, стр. 277.

²⁾ Льюисъ, Ист. фил., стр. 279.

³⁾ Разгов. съ Триф., II.

⁴⁾ 2 апологія, III.

⁵⁾ Тамъ же, XI.

привлекательною, и притомъ яркимъ противникомъ христіанскаго ученія и самихъ христіанъ. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ самъ же Іустинъ ¹⁾. А вообще въ дурномъ свѣтѣ рисуютъ личность Кресцента, кромѣ самого Іустина, еще Таціанъ (современникъ Іустина, а слѣдовательно и Кресцента) и Евсевій Кесарійскій. Первый отзывается о немъ такъ: „Кресцентъ превосходилъ всѣхъ въ педерастіи и былъ весьма сребролюбивъ. Этотъ презритель смерти такъ боялся ея, что старался причинить смерть, какъ зло, Іустину, а также и мнѣ, за то, что онъ, проповѣдуя истину, обличалъ философовъ въ сластолюбіи и лжи“ ²⁾. Впрочемъ одно это свидѣтельство, само по себѣ, не могло бы имѣть для насъ важнаго значенія, потому что Таціанъ вообще, говоря словами Ибервега ³⁾, „не стѣснялся подновлять тѣ клеветы, которыя возводились противъ важнѣйшихъ греческихъ философовъ“. Но оно все-таки должно имѣть нѣкоторое значеніе въ суммѣ другихъ, однородныхъ съ нимъ, свидѣтельствъ. Дабы увеличить сумму этихъ свидѣтельствъ, сошлемся еще на Евсевія, который говоритъ о Кресцентѣ, что онъ „и своею жизнію, и своимъ правомъ оправдывалъ названіе циника“ ⁴⁾, называетъ его *ἀφιλόσοφος* ⁵⁾. Кромѣ того, рѣзкіе отзывы Іустина о Кресцентѣ могутъ быть отчасти объясняемы и тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдній питалъ непримиримую ненависть къ Іустину и, по словамъ Таціана ⁶⁾ и Евсевія ⁷⁾, былъ даже причиною его смерти.

Такимъ образомъ, вообще (исключая сужденія о Кресцентѣ), Іустинъ относился къ личностямъ языческихъ философовъ довольно дружелюбно и объективно, не обнаруживая никакой непріязни къ нимъ.

Что касается отдѣльныхъ фактовъ изъ самой жизни языческихъ философовъ, то ихъ въ твореніяхъ Іустина сообщается

¹⁾ 2 апологія, III.

²⁾ Рѣчь къ грекамъ, XIX.

³⁾ Ueberweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie der patristischen Zeit, 1—te Auflage, pag. 18.

⁴⁾ Церк. исторія, кн. IV, гл. XVI.

⁵⁾ Migne. Op. cit., p. 448, adn. 73.

⁶⁾ Рѣчь къ грекамъ, XIX.

⁷⁾ Церк. ист., кн. IV, гл. XVI.

очень мало. Факты эти по большей части вполне правильны. Такъ, Іустинъ, желая подтвердить свое мнѣніе, что философы многое заимствовали изъ священныхъ еврейскихъ книгъ, говорить, что Пифагоръ и Платонъ, путешествуя по разнымъ странамъ, были между прочимъ и въ Египтѣ и тамъ познакомились съ писаніями пророка Моисея ¹⁾. Не соглашаясь съ послѣднею половиною этого свидѣтельства, мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ первой его половинѣ, такъ какъ о путешествіи Пифагора въ Египетъ сообщаютъ Исократъ, Цицеронъ, Страбонъ, Діодоръ и др. ²⁾. На основаніи этихъ свидѣтельствъ и въ настоящее время путешествіе Пифагора въ Египетъ признается дѣйствительно бывшимъ фактомъ. Такъ Гердеръ говоритъ: „изъ исторіи жизни Пифагора извѣстно, что онъ оставилъ отечество, чтобы искать знанія на востокѣ, и 30 лѣтъ провелъ при храмахъ египетскихъ“ ³⁾. Льюисъ, ярый противникъ мнѣнія, что въ греческую философію вошли нѣкоторые элементы восточной мудрости, вовсе не скептически относится къ самому факту путешествія Пифагора въ Египетъ ⁴⁾. Впрочемъ, Целлеръ ⁵⁾ находитъ возможнымъ усомниться въ этомъ фактѣ, на томъ основаніи, что самое раннее о немъ свидѣтельство принадлежитъ Исократу, который жилъ почти два столѣтія послѣ Пифагора и притомъ сочиненіе котораго вовсе не имѣетъ историческаго характера. Но эти соображенія слишкомъ слабы для того, чтобы на основаніи ихъ отвергать дѣйствительность факта путешествія Пифагора въ Египетъ. Нѣтъ также никакихъ основаній сомнѣваться и въ томъ, что Платонъ, путешествуя по разнымъ странамъ, былъ между прочимъ и въ Египтѣ, потому что объ этомъ фактѣ есть ясное свидѣтельство у Діогена Лаэртія ⁶⁾. И Целлеръ ⁷⁾ прямо

¹⁾ Увѣщ. къ эл., XIV, XX, XXII, XXIV, XXV, XXVI, XXX.

²⁾ Zeller. Geschichte der griechischen Philosophie, 3-te Aufl., 1 Theil, pag. 258, adnot. 2.

³⁾ Скворцовъ, цитов. соч., стр. 9.

⁴⁾ Исторія философіи, стр. 17.

⁵⁾ Op. cit., 1 Theil, pag. 259—260.

⁶⁾ Vitae philosophorum. Parisiis. MDCCCL. Lib. III, num. 8, pag. 70.

⁷⁾ Op. cit. 2 Theil, 1 Abth., pag. 351.

говорить, что Платонъ во время своихъ путешествій былъ между прочимъ и въ Египтѣ.

Затѣмъ, о Сократѣ Іустинъ сообщаетъ, что онъ за то, что изгонялъ изъ государства и Гомера, и другихъ поэтовъ, и проповѣдывалъ кое-что истинное ¹⁾, былъ осужденъ на смерть, какъ безбожникъ и нечестивецъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы онъ вводитъ новыя божества ²⁾, и умеръ отъ яда ³⁾. Этотъ фактъ также долженъ быть признанъ совершенно вѣрнымъ, ибо о такой именно смерти Сократа сообщаетъ Платонъ ⁴⁾.

Наконецъ, Іустинъ философъ сообщаетъ еще фактъ изъ жизни Аристотеля, но такой фактъ, который крайне сомнителенъ. Сообщение это таково: „Аристотель, который требовалъ вѣры своимъ словамъ за краснорѣчіе ихъ, когда не могъ узнать природы Халкидскаго Эврида, отъ огорченія своимъ безславіемъ и отъ стыда лишилъ себя жизни“ ⁵⁾. Но о такомъ образѣ смерти Аристотеля не говоритъ ни Діогенъ Лаэртій, ни кто-либо вообще изъ древнихъ писателей. Правда, еще Григорій Богословъ говоритъ, что Аристотель неутомимо допытывался причины перемѣнъ въ Эвридѣ, „надъ чѣмъ онъ и умеръ“ ⁶⁾; но здѣсь, во-первыхъ, нѣтъ и рѣчи о самоубійствѣ Аристотеля, а во-вторыхъ, свидѣтельство Григорія Богослова, какъ слишкомъ позднее, не можетъ быть критеріемъ для свидѣтельства Іустинова. Поэтому нужно думать, говорить священникъ Преображенскій ⁷⁾, что такое извѣстіе о смерти Аристотеля есть ни болѣе, ни менѣе, какъ выдумка его враговъ и завистниковъ. Но за передачу этой выдумки нельзя строго винить Іустина философа, такъ какъ въ этомъ случаѣ

¹⁾ 2 апологія, X.

²⁾ 1 апологія, V.

³⁾ Увѣщ. къ эл., XX, XXV.

⁴⁾ Федонъ, р. 116—118.

⁵⁾ Увѣщ. къ эл., XXXVI.

⁶⁾ Творенія Григ. Богослова въ рус. перев. часть 1, 1-е слово противъ Юліана, стр. 120.

⁷⁾ Въ рус. изданіи сочиненій Іустина подстроичное призмѣчаніе къ вышеприведенному мѣсту изъ увѣщанія къ эллинамъ.

никакъ нельзя подозрѣвать у него злостнаго намѣренія уни-
зить личность Аристотеля. Вся вина Іустина можетъ заклю-
чаться развѣ только въ томъ, что онъ сообщилъ слышанный
имъ фактъ, недостаточно провѣривъ подлинность его.

Вотъ и всѣ сужденія и свѣдѣнія о жизни языческихъ фи-
лософовъ, которыя встрѣчаются въ дошедшихъ до насъ творе-
ніяхъ Іустина.

А. Сергіевскій.

(Окончаніе будетъ)

КЪ ВОПРОСУ

о

НЕОБХОДИМОСТИ УЧРЕЖДЕНІЯ ПРИ НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Въ настоящее время въ Европѣ и Америкѣ существуютъ нѣсколько психологическихъ обществъ при университетахъ, между которыми особенно выдается своими серьезными научными силами Лондонское общество. У насъ въ Россіи первое психологическое общество возникло въ прошломъ году при Московскомъ университетѣ. Крайне желательно, чтобы подобныя общества учреждались при всѣхъ нашихъ университетахъ, чтобы мы убѣдились, наконецъ, на дѣлѣ, что изслѣдованіе душевной жизни открываетъ намъ такіе горизонты, полные самага высокаго и живаго интереса, какихъ мы никогда не найдемъ въ матеріальныхъ наукахъ. Доказательствомъ этому могутъ служить изслѣдованія психологическихъ обществъ Парижа и Лондона.

Не говоря уже о высокомъ научномъ и нравственномъ интересѣ, учрежденіе психологическихъ обществъ при университетахъ и распространеніе психологическихъ свѣдѣній въ массѣ было-бы въ высокой степени полезно и для общегосударственныхъ цѣлей.

Всеразрушающій грубый матеріализмъ со своимъ безусловнымъ отрицаніемъ всего духовнаго дошелъ въ настоящее время до своихъ крайнихъ предѣловъ. Дальше ему, кажется, не

куда идти; дальше онъ грозилъ-бы человѣчеству чуть-ли не эпидемическимъ самоистребленіемъ.

Вліяніе психологическихъ обществъ при унверситетахъ прежде всего отразилось бы благотворно на самыя унверситеты, на унверситетскія коллегіи. А что жрецы науки въ большинствѣ случаевъ адепты матеріализма и позитивизма—это ни для кого не тайна.

Знакомство съ опытной психологіей несомнѣнно повліяетъ на ихъ міровоззрѣніе и зажжетъ въ душѣ ихъ рано или поздно искру Божію.

Мелочная борьба страстей, стремленіе къ партійнымъ и личнымъ интересамъ, неподобающіе жрецамъ науки, умолкнуть мало-по-малу, а мѣсто ихъ займутъ другіе болѣе высокіе идеалы добра и любви, необходимые людямъ науки для святаго дѣла воспитанія юношества.

Послѣ религіи, которой бесспорно принадлежитъ первенство, самымъ вѣрнымъ противовѣсомъ матеріализму могло бы служить знакомство съ тѣми таинственными феноменами человѣческаго духа, которые самага закоренѣлаго скептика въ состояніи поставить въ окончательный тупикъ

Воздѣйствіе воли одного субъекта на другаго на разстояніи *), передача мысли безъ посредства нашихъ вѣшнихъ чувствъ, явленія ясновидѣнія и пр. и пр.,—все это факты, совершенно неизвѣстные матеріалистамъ и позитивистамъ.

Вѣдь невѣріе и отрицаніе происходятъ главнымъ образомъ отъ односторонности знанія! Человѣкъ, которому приходилось всю жизнь имѣть дѣло съ сочиненіями Бюхнера, Мошотта, Миля, Спенсера, Вундта, Дарвина и пр.,—поневолѣ становится адептомъ механическаго міровоззрѣнія; случись тому-же самому субъекту изучать также произведенія Канта, Перти, Фихте, Уаллеса, Цельнера, Шопенгауера, Гелленбаха и пр., то умственный кругозоръ его расширился-бы настолько, что едва-ли бы онъ могъ тогда удовольствоваться одностороннимъ ученіемъ матеріалистовъ.

*) См. мое сообщеніе объ этомъ предметѣ въ февральской книжкѣ Лондонскаго журнала за текущій годъ: *Journal of the Society for Psychical Research*, February, 1885.

Въ видахъ противодѣйствія прогрессивно усиливающемуся злу—отрицанію въ человѣкѣ нравственныхъ и религіозныхъ основъ, на ряду съ учрежденіемъ психологическихъ обществъ при университетахъ, было-бы въ высокой степени полезно вмѣнить въ непремѣнную обязанность воспитанникамъ и воспитанницамъ старшихъ классовъ гимназій и студентамъ университетовъ посѣщать засѣданія психологическихъ обществъ, съ тою цѣлію, чтобы показать наглядно подростающему поколѣнію крайнюю недостаточность и ложность матеріалистическаго ученія.

А то вѣдь молодой человѣкъ, лишенный возможности критически относиться къ тому или другому ученію, увлекается первой книжкой, какая попадается ему въ руки—будетъ-ли это сочиненіе Спенсера, Бюхнера, Вундта или Дарвина.

Помилуйте, самоувѣренно философствуетъ юноша, прочитавшій, положимъ, книгу Спенсера: зачѣмъ въ человѣкѣ допускать душевныя явленія, когда для объясненія его достаточно одной лишь механики?

Но онъ по своей умственной незрѣлости не можетъ сообразить того, что еслибъ было возможно одной механической силою объяснить всего человѣка, то Спенсеръ не сталъ-бы противорѣчить самому себѣ, допуская, наряду съ своимъ механическимъ міровоззрѣніемъ, идею и разумъ въ твореніи.

Не стоитъ жить, твердить упорно юная дѣвица; вѣдь Дарвинъ доказалъ, что человѣкъ происходитъ отъ низшихъ органическихъ формъ, а потому было-бы нелогично думать, что человѣкъ обладаетъ бессмертной душой. Но она не можетъ прочитать въ модныхъ матеріалистическихъ книжкахъ, что теорія Дарвина далеко не научная истина, а только односторонняя гипотеза, а еслибъ она и соотвѣтствовала истинѣ, то и тогда не противорѣчила-бы разумности творенія и религіознымъ идеямъ, а напротивъ того подтверждавала-бы ихъ, такъ какъ, признавая прогрессъ во вселенной, она тѣмъ самымъ указывала—бы на широкій планъ; а гдѣ есть планъ, гдѣ имѣется въ виду будущее, тамъ не можетъ быть ничего ни случайнаго, ни слѣпаго, а лишь къ цѣли идущая, разумная, всенаправляющая идея.

Матеріалисты утверждаютъ, что мысль есть движеніе вещества, и на этомъ основаніи допускаютъ, что все подчиняется матеріи и внѣ ея въ природѣ нѣтъ ничего; другими словами, по ихъ ученію,—грубое вещество составляетъ альфу и омегу всей органической жизни нашей планеты. Но какимъ образомъ атомы вещества, сочетаясь между собою, вызываютъ актъ мысли или даютъ начало жизни,—они объяснить этого, между тѣмъ, не въ состояніи.

Они не хотятъ понять, что еслибъ атомы матеріи были предоставлены самимъ себѣ, то изъ случайнаго сліянія ихъ не возникло-бы ровно ничего; не образовались-бы полныя гармоніи прекрасныя міры, не говоря уже объ органической жизни.

Они не хотятъ понять, что еслибъ человѣкъ былъ продуктомъ мертвой матеріи, то не возникало-бы въ его душѣ ни нравственнаго долга, ни религіознаго чувства!

Возможно-ли допустить, чтобы мертвая матерія была способна мыслить, да притомъ еще мыслить объ отвлеченностяхъ? возможно-ли предположить, чтобы мертвая матерія имѣла способность предугадывать будущее?

Еслибъ даже каждый атомъ мозговаго вещества обладалъ сознаніемъ, говоритъ знаменитый фізіологъ Дю-Буа-Реймонъ, *я и тогда не понялъ бы, какъ мысль можетъ родиться изъ этихъ атомовъ.* Самое основательное знакомство съ анатоміей мозга человѣка, продолжаетъ тотъ-же ученый, ничего въ немъ не открываетъ кромѣ матеріи, находящейся въ молекулярномъ движеніи; но еслибъ мы вообразили себѣ, что при помощи подобнаго званія въ состояніи уразумѣть извѣстныя интеллектуальныя явленія, какъ понятіе, память и пр., то создали-бы себѣ иллюзію.

Величайшій экспериментаторъ и фізіологъ XIX столѣтія Клодъ Бернаръ часто повторялъ, что *вещество обнаруживаетъ явленія, которыхъ оно не производитъ.*

Когда вниманіе матеріалистовъ и позитивистовъ обращаютъ на нѣкоторые непонятныя факты, неподдающіеся никакому научному объясненію, то они, вмѣсто изслѣдованія и изученія этихъ фактовъ, отрицаютъ ихъ апріорно. Это равнозначуще тому, еслибъ счастливому астроному удалось, при помощи усо-

вершенствованнаго телескопа, подмѣтитъ признаки органической жизни гдѣ-нибудь на Марсѣ или Венерѣ, а я сталь-бы упорно отрицать вѣрность этихъ наблюдений потому лишь только, что мой разумъ подобный фактъ считаетъ невѣроятнымъ и невозможнымъ. Ясно до очевидности, что я былъ-бы не правъ въ этомъ случаѣ: человекъ, живя въ феноменальномъ мірѣ, гдѣ отъ него скрыта сущность вещей, не знаетъ границъ возможнаго и невозможнаго, а потому мнѣ напередъ надлежало-бы провѣрить чужое наблюдение, а затѣмъ уже высказать о немъ свое сужденіе.

Такъ по крайней мѣрѣ поступаютъ всѣ ученые, когда дѣло касается научнаго вопроса: чтобы подтвердить или опровергнуть какой-нибудь фактъ, открытый путемъ научнаго эксперимента, они прибѣгаютъ къ повѣрочнымъ опытамъ, и тогда только позволяютъ высказать объ этомъ фактѣ свое мнѣніе.

Пусть отрицатели, совершенно незнакомые съ душевною жизнью человека, предварительно посвятятъ достаточно времени на изученіе психологіи и производство психологическихъ опытовъ, и тогда лишь считаютъ себя вправѣ высказать свое мнѣніе объ отношеніяхъ духа и матеріи между собою. До тѣхъ же поръ голословное отрицаніе ими психическихъ явленій въ человекѣ—не будетъ имѣть серьезнаго значенія даже въ собственныхъ ихъ глазахъ.

Выше мы замѣтили, что противъ прогрессирующаго безвѣрія необходимо лѣкарство.

Лѣкарствомъ этимъ, повторяемъ, можетъ служить кромѣ религіи—наука, а именно экспериментальная психологія, которая фактически, путемъ самаго строгаго опыта, въ состояніи показать наглядно каждому скептику новые, широкіе горизонты знанія, неизмѣющіе ничего общаго съ тѣмъ, что до сихъ поръ было извѣстно нашимъ ученымъ. Это новое знаніе озаритъ человечество благодатнымъ свѣтомъ и остановитъ его на томъ гибельномъ пути, на который стало оно вслѣдствіе односторонности нашего знанія.

Если съ учрежденіемъ при университетахъ психологическихъ обществъ многіе ученые возьмутся разомъ за опыты изслѣдованія психической жизни человека, то матеріализму

несомнѣнно будетъ нанесенъ смертельный ударъ. Ударъ этотъ будетъ послѣдній, и матеріализмъ послѣ него едва-ли воскреснетъ. Я говорю послѣдній потому, что теперь уже извѣстаны такіе факты, добытые самымъ строгимъ опытомъ людьми науки, которые *неопровержимо* доказываютъ существованіе въ человѣческомъ организмѣ особой *неизслѣдованной еще силы*, которая можетъ передаваться отъ одного субъекта другому, на значительномъ разстояніи, безъ посредства внѣшнихъ чувствъ.

Нынѣшнія наши науки—фізіологія и психологія утверждаютъ, что всякое воспріятіе извнѣ совершается не иначе, какъ при помощи нашихъ внѣшнихъ чувствъ; между тѣмъ только что поименованная неизслѣдованная сила организма указываетъ на передачу представленій совершенно иными путями.

Д-ръ медицины А. Шмитовъ.

Членъ Лондонскаго психологическаго общества.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО LXII *).

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ НЕ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ, НЕ ОТКЛАДЫВАЙ ИСПРАВЛЕНИЯ, И ВЗИРАЙ НА КАЖДЫЙ ОТДЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ, КАКЪ ЕСЛИ-БЫ ЭТО БЫЛА ЦѢЛАЯ ЖИЗНЬ.

Каждый день, всякій часъ показываетъ во-очію, какъ мы ничтожны, и всякій разъ новымъ изобличеніемъ нашей тлѣнности напоминаетъ намъ о забвеніи ея,—принуждаетъ насъ обращать взоры назадъ, къ смерти; между тѣмъ какъ во всѣхъ нашихъ думахъ и планахъ проглядываетъ какъ-бы тайный расчетъ на то, что мы на землѣ будемъ жить вѣчно. Къ чему ведетъ этотъ приступъ? спросишь. Ты знавалъ С. Корнелія, римскаго всадника, изъ золотой молодежи, столь услужливаго въ обращеніи. Происходя изъ скромнаго званія, онъ самъ выдвинулъ себя впередъ, и стоялъ уже на такой точкѣ, чтобы быстро катиться по ровному пути къ почестямъ всякаго рода. Почетъ легче идетъ къ намъ послѣ того, какъ данъ ему толчекъ, точно также, какъ и богатство задерживается долго около бѣдности, прежде чѣмъ вынырнетъ изъ нея. А этотъ С. Корнелій, какъ на свою опору, полагался на богатство, къ которому его вели два самыя дѣйствительныя средства, умѣнье собирать и оберегать; даже и одной изъ этихъ способностей было достаточно для того, чтобы онъ могъ быть богатымъ. Этотъ человѣкъ необычайной воздержности, попечительный о своемъ наследственномъ имѣніи столько-же, сколько и о своемъ

*) Ер. 101.

тѣлѣ, по своему обычаю посѣтивши меня рано утромъ, день цѣлый вплоть до ночи ухаживалъ затѣмъ, какъ сидѣлка, за другомъ, пораженнымъ тяжелою и безнадежною болѣзнію; отвѣдавши, послѣ, пищи въ спокойствіи свѣтлаго настроенія, онъ былъ захваченъ внезапнымъ упадкомъ здоровья въ видѣ удушья, до такой степени, что съузвившееся горло едва могло пропускать спершееся дыханіе, и такимъ образомъ, едва-едва дотянулъ онъ до разсвѣта. Итакъ онъ отошелъ въ промежуткѣ немногихъ часовъ, послѣ того какъ отправлялъ обязанности, свойственныя человѣку здоровому и полносильному. Онъ, который и съ суши и съ моря вытягивалъ деньги,—который къ занятію общественными дѣлами приступалъ не раньше, какъ испробовавши всѣ роды наживы,—былъ застигнутъ смертію въ самомъ шествѣи плывущаго къ нему счастья, при самомъ натискѣ громоздившагося у него богатства:

Послѣ-же групи сади, Мелибей, иль—рядами—хоть лозу *).

Какое неразуміе гадать о распорядкѣ цѣлой жизни тому, кто не можетъ распоряжаться, какъ властелинъ, даже завтрашнимъ днемъ! О какъ далеко отступаютъ отъ здравого смысла тѣ, которые вырачиваютъ въ себѣ широко разстилающіяся надежды! „Буду покупать, строить, отдавать деньги въ ростъ, взыскивать долги, отправлять почетныя должности, а какъ старость съ ея утомленіемъ достигнетъ вершины, тогда можно удалиться и прочь—на покой!“ Повѣрь мнѣ, даже и у богатыхъ счастіемъ не все упрочено. Никто не въ силахъ обѣщать себѣ что-либо въ отношеніи будущаго; даже, чѣмъ мы владемъ, уходитъ *часто* между рукъ, и самый тотъ часъ, который мы чуть не ловимъ руками, иногда отбираетъ у насъ случай. Катится время по опредѣленному, правда, закону, но въ непроглядной для насъ мглѣ: много-ли мнѣ пользы, что этотъ законъ въ природѣ вещей не новъ, да мнѣ-то онъ неизвѣстенъ? Мы предназначаемъ себѣ долговременныя путешествія и, послѣ безцѣльныхъ блужданій по чужимъ краямъ, позднее возвращеніе въ отечество; мы несемъ въ мысли къ военнымъ подвигамъ и, за походные труды и скорби, хотя и медлительнымъ,

*) Virg. Ecl. 1, 74.

повышеніямъ; мы рисуемъ себѣ намѣстничество въ провинціяхъ, и восхожденіе по лѣстницѣ должностей за должностныя заслуги; а тѣмъ временемъ смерть стоитъ уже съ боку: вѣдь мы думаемъ о ней не иначе, какъ только вчужѣ; нашему вниманію время отъ времени подносятся примѣры человѣческой смертности, но они засѣдаютъ въ нашей памяти не дальше, какъ только пока мы смотримъ на нихъ съ недоразумѣніемъ и испугомъ. Но что неразумнѣе какъ удивляться, что въ этотъ день случается то, что во всякій можетъ случиться! Вѣдь предъ нами стоитъ рубежъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ воздвигла его для насъ неумолимая необходимость рока; но никто изъ насъ не вѣдаетъ, насколько каждаго приблизило къ нему колесо роковой судьбы. Итакъ будемъ оберегать и лелѣять такую чистоту и ясность душевную, какъ если-бы мы дошли до самаго отдаленнаго конца нашего пути; ни на минуту не будемъ отсрочивать исправленія; пусть мы будемъ готовы въ какой-бы то ни было день свести съ жизнію счеты безъ всякой уступки для себя. Самый важный недостатокъ въ жизни тотъ, что она и такъ всегда не обильна дѣломъ, а тутъ еще нѣчто изъ нея откладывается на отдаленный срокъ. Кто-же ежедневно подаетъ жизни руку, какъ-бы прощаясь съ нею, тотъ не имѣетъ недостатка во времени. А изъ той нерасчетливости въ отношеніи времени истекаетъ боязливость и страстные расчеты на будущее, которые разѣдаютъ наше сердце. Послѣдняя степень несчастія—быть всегда въ трепетѣ предъ тѣмъ, въ какомъ направленіи угрожающее можетъ когда-либо сбыться. Сколь ужасно или какого свойства то, что враждебно стоитъ противъ насъ,—отъ этой мысли озабоченная душа волнуется неизъяснимымъ страхомъ. Какъ выпутаемся изъ такого непріятнаго состоянія смятенія? Однимъ средствомъ—если наша жизнь не будетъ выставляться болѣе своей паружной, *показной* сторопой,—если она сосредоточится на развитіи внутренней, *нравственной* стороны. Ибо тотъ дышетъ будущимъ и цѣпляется за него, кто не дѣлаетъ успѣховъ въ настоящемъ. Когда-же я уплачиваю себѣ все то, что долженъ; когда укрѣпившееся разумѣніе полагаетъ за несомнѣнное, что между однимъ днемъ и цѣлымъ вѣкомъ не стоитъ что-либо существенно важное: то сколько-бы

затѣмъ въ свою очередь ни протекло дней и событій, я буду смотрѣть на все это съ высоты, какъ на чуждое и отдаленное, и непрерывающійся рядъ идущихъ впередъ временныхъ перемѣнъ не пробудитъ въ моей душѣ *никакой тревожной мысли, а развѣ* сердечный откликъ самоудовлетворенія. Ибо какъ тебѣ смутить разнообразіе и перемѣнчивость обстоятельствъ, если ты будешь имѣть внутреннюю устойчивость противъ неустойчиваго? Вотъ почему, мой Луцилій, неустанно расширяй свою жизнь, и полагай, что сколько прожилъ дней, столько и жизней. Кто такъ приспособилъ себя, у кого единичный день выливается, *такъ сказать*, въ полную жизнь, тотъ стоитъ на незыбливой почвѣ. А у тѣхъ напротивъ, которые живутъ надеждой *прожить долгіе годы*, выпадаетъ изъ рукъ и ближайшая минута, и вмѣстѣ съ тѣмъ подкрадывается жадность *осякаго рода*, и жалкая, и дѣлающая все жалкимъ, боязнь смерти. Вотъ почему у Мецената явилось это неизменное желаніе: онъ не отказывается подвергнуться разслабленію, лишиться красоты, и наконецъ испытать острую муку креста, лишь бы только среди этихъ мукъ длилось его дыханіе:

Слабымъ въ рукахъ меня сдѣлай,
 Слабымъ въ снѣгѣ и ногами,
 Горбъ изъ парывовъ надстрой мнѣ,
 Шаткіе зубы разбей мнѣ;
 Тлѣлась-бы жизнь—и довольно!
 Крестной пытай хотя мукой,
 Только жизнь сохрани мнѣ *).

Здѣсь душа не возмущается внутреннимъ порывомъ противъ самаго бѣдственнаго въ жизни, если-бы оно ниспало на нее, и соглашается стоять за продленіе страданій, какъ за настоящую жизнь. Всего менѣе почтеннымъ человѣкомъ я призналъ бы того, чьи желанія относительно жизни шли-бы такъ далеко, чтобы онъ согласился идти на крестъ. И однако онъ можетъ сказать мнѣ: я допускаю, чтобы ты сдѣлалъ меня ни къ чему негоднымъ калѣжкой—пусть только дыханіе не прерывается въ разслабленномъ и неспособномъ къ полной дѣятельности тѣлѣ; я уступаю, чтобы ты обезобразилъ меня до полного

*) Эти стихи Мецената находятся въ Anthol. Lat. III, 149.

лишенія красоты—пусть только для этого измятаго, отъ страданій принявшаго чудовищный видъ, тѣла прибавится нѣсколь-ко мгновеній жизни; пусть ты пригвоздишь меня къ орудію пытки такъ, что я не смогу двигаться, и на случай, если-бы я пожелалъ прислониться для отдыха, подставишь нѣчто такое, что будетъ для меня *новой*, острой пыткой: и это много стоить—растравлять свою рану, и висѣть растянутымъ на дыбѣ, при условіи, что оттянется на нѣкоторый срокъ то, что въ мученіяхъ наилучшее—конецъ терзаній. Вотъ сколь многого стоитъ—имѣть дыханіе, и даже только для того, чтобы съ хрипомъ испускать его! А вѣдь чего-бы другаго такому чело-вѣку желать для себя, если не милостиваго снисхожденія бо-говъ? Что такое значительное желаютъ получить эти постыд-ные распѣвы спустившейся до женственной слабости души? что себѣ выговариваетъ этотъ страхъ обезумѣвшаго чело-вѣка? что это за позорно-нищенское вымаливаніе жизни? Не нахо-дишь-ли ты, что для такого именно чело-вѣка вѣщаль нѣкогда *Виргилій*:

Жизнь покидать—ужели такое горькое дѣло? *)

Самыя крайнія бѣды не противорѣчатъ его желаніямъ, и что наиболѣе тяжкаго можетъ ожидать его терпѣніе, онъ это же-лаетъ протянуть и вынести: какою цѣною? Ни болѣе, ни менѣе, какъ только ради продленія жизни. А между тѣмъ что для него жизнь, какъ не долговременное умираніе? *Итакъ* нахо-дится кто-то, который хирѣтъ и таятъ среди мученій, умираетъ по частямъ, и многократно капля-по-каплѣ, иссачивать жиз-ненную силу охотнѣе желаетъ, чѣмъ за одинъ разъ испустить дыханіе? Находится чело-вѣкъ, который, будучи загнанъ на древо гибели, уже обезсиленный, уже искалѣченный, в доби-тый до безобразныхъ нарывовъ на спинѣ и груди, такъ что раньше крестной смерти было много случаевъ умереть,—же-лаетъ все-таки задержать дыханіе жизни, которое должно только затянуть его мученія? Говори послѣ этого, что не ве-ликое благодареніе природы то, что умирать для насъ неиз-бѣжно. Многіе готовы даже помириться еще на худшемъ: го-

*) Аеп. XII, 646.

товы хотя-бы друга предать, чтобы жить долѣе,—готовы собственною рукою отдать для позора и поруганія своихъ дѣтей, дабы коснулось ихъ счастье и впредь видѣть свѣтъ дня, этого невиннаго свидѣтеля столькихъ преступленій. Пристрастіе къ жизни слѣдуетъ *понемногу* вытряхивать изъ себя—и принять къ сердцу ту мысль, что нимало не противорѣчитъ нашей выгодѣ, если-бы намъ когда припало вытерпѣть то, что во всякомъ случаѣ въ то или другое время неизбежно вытерпѣть. Къ нашей пользѣ относится то, когда мы честно и благоправно живемъ, а не то, какъ долго; часто даже это „честно и благоправно жить“ зависитъ отъ того, чтобы жить не долго.

ПИСЬМО XIII *).

ДОБРОМЫСЛІЮ НЕ МѢШАЮТЪ НИКАНІЯ ЗАНЯТІЯ.

Лгутъ тѣ, которые хотятъ заставитьъ вѣрить другихъ людей, что препону безкорыстнымъ, высшимъ занятіямъ полагаетъ для нихъ масса житейскихъ дѣлъ. Они притворно показываютъ видъ людей занятыхъ и преувеличиваютъ свои житейскія дѣла, или-же сами налагаютъ на себя бремя, которымъ тяготеютъ. Вотъ я, мой Луцилій,—такъ я пользуюсь отдыхомъ, я свободенъ; гдѣ-бы я ни былъ, я вездѣ господинъ самого себя. Я не отдаю себя на волю обстоятельствъ, но улаживаюсь съ ними, и не отыскиваю настойчиво поводовъ къ тому, чтобы убить время, *какъ говорятъ*. И гдѣ-бы я ни остановился *въ данную минуту*, я передумываю то, что лежитъ въ моей душѣ, и извлекаю здѣсь для себя что-либо такое, что ведетъ къ здоровью души. Даже и отдавшись чувству дружбы, я не увожу себя вдаль отъ себя самого; и не трачу времени въ бесполезной медлительности съ тѣми, съ которыми въ обществѣ я очутился случайно, или присталъ къ нимъ по долгу гражданской обязанности; но за то со всякимъ желаннымъ, *родственнымъ по духу*, я стою лицомъ къ лицу: къ нимъ я посылаю свою душу, гдѣ-бы, и въ какомъ-бы вѣкѣ они ни жили.

*) Ер. 62.

Я витаю теперь мыслию близъ Дмитрія, этого настоящаго мужа, котораго я обнимаю всею моею любовью; и, покидая зарытыхъ въ пурпуръ неподвижныхъ улитокъ *), обращаю удивленные взоры къ нему, и съ нимъ говорю, этимъ полуобнаженнымъ бѣднякомъ. Что-же чудное приковываетъ меня къ нему? я видѣлъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается. Ничего не бояться и всѣмъ пренебрегать пожалуй кто и можетъ; имѣть-же все нужное для себя въ потребномъ количествѣ не всякій въ состояніи. Кратчайшая дорога къ богатству—не придавать ему цѣнности. А этотъ человѣкъ жилъ, не то чтобы презирая богатство, а какъ-бы снисходительно находя, что другіе должны забирать его.

*) Разумѣются богатые, носившіе одежду яркихъ цвѣтовъ, дорого стоящую.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1885 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, съ выдачею установленнхъ грамотъ. — Епархіальныя извѣщенія.—Программа занятій съѣзда духовенства Куинянскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 11 іюня сего 1885 года.—Списокъ пожертвованій въ пользу пострадавшей отъ пожара семинарской церкви.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 25-го января—2-го апрѣля 1885 года, за № 19, о примѣненіи 1 п. 945 ст. Уст. угол. судопр. къ дѣламъ о женахъ и вдовахъ священнослужителей.

По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: вѣдѣніе уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената, отъ 14-го января сего года, за № 314, слѣдующаго содержанія: Правительствующій Сенатъ слушалъ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода, за № 2391, по вопросу о примѣненіи 1 п. 945 ст. Уст. угол. суд. къ дѣламъ о женахъ и вдовахъ священнослужителей. Разсмотрѣвъ настоящій вопросъ и выслушавъ заключеніе и. д. Оберъ-Прокурора, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что, согласно 1 п. 945 ст. Уст. угол. суд. изд. 1883 года, судебные приговоры о священнослужителяхъ всѣхъ степеней духовной іерархіи, присужденныхъ къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, по вступленіи ихъ въ законную силу и прежде обращенія ихъ къ исполненію, представляются на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества и 2) что по 367 ст. IX т. Свода зак. 1876 года священнослужители, чрезъ законные браки, сообщаютъ всѣ права своего состоянія своимъ женамъ, причемъ никакого изъятія въ этомъ отношеніи въ законѣ не сдѣлано, а по ст. 368 того-же тома вдовы непринлежащихъ къ потомственному

дворянству священнослужителей, если и сами онѣ не имѣютъ по происхожденію правъ высшаго состоянія, пользуются правами личныхъ дворянъ, судебные приговоры о которыхъ, по 1 п. 945 ст. Уст. угол. суд., также представляются на Высочайшее усмотрѣніе. На основаніи означенныхъ статей Свода зак. т. IX, зак. о сост., Правительствующій Сенатъ, согласно съ мнѣніемъ Святѣйшаго Синода, полагаетъ, что вошедшіе въ законную силу судебные приговоры о лишеніи женъ и вдовъ священнослужителей всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, должны быть представляемы, прежде ихъ исполненія, на Высочайшее усмотрѣніе. Посему Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: о вышеизложенномъ дать знать циркулярнымъ указомъ всѣмъ судебнымъ палатамъ и окружнымъ судамъ и сообщить Святѣйшему Синоду вѣдѣніемъ, а къ дѣламъ Оберъ-Прокурора передать копію съ сего опредѣленія. И, по справкѣ, при ка за ли: Объ изъясненномъ въ вѣдѣніи Правительствующаго Сената разрѣшеніи вопроса о примѣненіи 1 п. 945 ст. Уст. угол. суд. къ дѣламъ о женахъ и вдовахъ священнослужителей, для свѣдѣнія и надлежащаго руководства, сообщить по духовному вѣдомству чрезъ напечатаніе въ „Церков. Вѣстн.“.

II. Отъ 28-го февраля—20-го марта 1885 года, за № 411, объ освобожденіи духовенства отъ провѣрки по метрическимъ книгамъ крестьянскихъ посемейныхъ списковъ, по требованіямъ волостныхъ правленій, съ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: а) предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 14-го февраля сего года, за № 655, экземпляръ циркулярнаго отношенія министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ объ освобожденіи священно-церковно-служителей отъ провѣрки по метрическимъ книгамъ посемейныхъ списковъ крестьянъ по требованіямъ волостныхъ правленій, и б) справку изъ производившагося въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣла по сему предмету. Приказали: По ходатайству одного изъ преосвященныхъ объ освобожденіи священно-церковно-служителей отъ провѣрки по метрическимъ книгамъ посемейныхъ списковъ крестьянъ, по требованіямъ волостныхъ правленій, Святѣйшимъ Синодомъ предоставлено было г. синодальному Оберъ-Прокурору войти въ сношеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ постановить правиломъ, чтобы составляемые волостными правленіями, по дѣламъ о воинской повинности, посемейные списки крестьянъ

яны были повѣряемы по метрическимъ книгамъ при самыхъ церк-вахъ, гдѣ кто рожденъ и крещенъ, не священнослужителями, а волостными старшинами и писарями волостныхъ правленій. Нынѣ г. синодальный Оберъ-Прокуроръ предложилъ Святѣйшему Синоду экземпляръ циркулярнаго отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ, въ силу коего собраніе справокъ изъ метрическихъ книгъ мѣстныхъ церквей о времени рожденія членовъ семейства, призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, должно производиться самими волостными старшинами и писарями въ приличномъ мѣстѣ и въ присутствіи кого-либо изъ церковнаго причта. О такомъ циркулярномъ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ, изъясненномъ въ отношеніи его къ губернаторамъ, отъ 16 января 1885 г. за № 1, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ дать знать епархіальнымъ архіереямъ для руководства чрезъ припечатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, съ приложеніемъ экземпляра вышеозначеннаго циркулярнаго отношенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Циркулярное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ.

Вслѣдствіе возбужденнаго вопроса объ освобожденіи священно-церковно-служителей отъ провѣрки по метрическимъ книгамъ крестьянскихъ семейныхъ списковъ по требованіямъ волостныхъ правленій, я, согласно опредѣленія Святѣйшаго Синода и отзыва военнаго министра, считаю нужнымъ разъяснить, для зависящихъ распоряженій, что на основаніи § 5 правилъ для составленія означенныхъ списковъ, изданныхъ въ 1874 г. по соглашенію министерства военнаго и внутреннихъ дѣлъ, ежегодная повѣрка семейныхъ списковъ, относительно прибыли и убыли людей въ семействахъ, изъ которыхъ члены будутъ подлежать призыву, возложена непосредственно на учрежденія, ведущія эти списки, а потому и собраніе справокъ изъ метрическихъ книгъ мѣстныхъ церквей о времени рожденія членовъ семейства призываемыхъ должно производиться самими волостными старшинами и писарями въ приличномъ мѣстѣ и въ присутствіи кого-либо изъ церковнаго причта.

III. Отъ 14-го марта—5-го апрѣля 1885 года, за № 534, о принятіи Свято-Михаило-Авонской Закубанской пустыни подъ покровительство Великаго Князя Михаила Николаевича.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 7-го марта 1885 года, за № 1034, слѣдующаго содержания: По опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 10-го—13 го

августа 1883 года, учрежденъ въ Майкопскомъ уѣздѣ, Кубанской области, Кавказской епархіи, на горѣ Физіабхо, мужскій общежительный монастырь подъ наименованіемъ Свято-Михаило-Аѳонская Закубанская пустынь. Настоятель сказанной пустыни архимандритъ Мартирій съ братією обратились къ Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Михаилу Николаевичу, съ просьбою о принятіи Его Высочествомъ означенной обители подъ свое покровительство, съ званіемъ „почетнаго ктитора“ оной. Его Императорское Величество Государь Императоръ, во 2-й день марта 1885 года, Высочайше соизволилъ на принятіе Его Высочествомъ упомянутой обители подъ свое покровительство, съ званіемъ „почетнаго ктитора“ оной: Приказали: Для напечатанія во всеобщее извѣстіе объ изъясненной Высочайшей волѣ сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“.

IV. Отъ 14-го—30-го марта 1885 года, за № 510, о дополнительныхъ къ уставу православнаго Палестинскаго общества статьяхъ, съ копіей оныхъ статей.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 7-го марта 1885 года, за № 1033, о томъ, что Государь Императоръ, во 2 день марта 1885 года, Высочайше соизволилъ утвердить прилагаемыя при семъ дополнительныя къ уставу православнаго Палестинскаго общества статьи, относительно открытія и дѣйствій отдѣловъ общества. И, по справкѣ, приказали: Для припечатанія во всеобщее извѣстіе о Высочайше утвержденныхъ дополнительныхъ къ уставу православнаго Палестинскаго общества статьяхъ, относительно открытія и дѣйствій отдѣловъ общества, сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“ съ приложеніемъ копіи означенныхъ статей.

Копія Высочайше утвержденныхъ во 2 день марта 1885 года дополнительныхъ статей къ уставу православнаго Палестинскаго общества.

§ 1. Православное Палестинское общество имѣетъ право открывать, по мѣрѣ надобности, свои отдѣлы въ городахъ имперіи:

§ 2. Отдѣлы общества имѣютъ цѣлью:

1. Распространять свѣдѣнія о цѣляхъ православнаго Палестинскаго общества.
2. Привлекать новыхъ членовъ въ общество.
3. Принимать всѣ дозволенныя уставомъ общества мѣры къ увеличенію матеріальныхъ средствъ общества и

4. Исполнять возлагаемыя на нихъ обществомъ порученія.

§ 3. Отдѣлы открываются по усмотрѣнію совѣта общества, съ согласія мѣстнаго начальства и когда въ данной мѣстности имѣется не менѣе 10 членовъ общества, изъявившихъ желаніе открыть отдѣлъ.

§ 4. Объ открытіи отдѣловъ докладывается въ ближайшемъ общемъ собраніи общества и публикуется въ вѣдомостяхъ.

§ 5. Отдѣлы дѣйствуютъ въ опредѣленномъ имъ районѣ.

§ 6. Отдѣлы избираютъ изъ среды своей, срокомъ на 3 года, председателя, товарища его, казначея и кандидата къ нему. Если въ теченіе трехлѣтія одинъ изъ нихъ выбудеть, то вакансія замѣщается немедленно новымъ избраніемъ.

§ 7. Личный составъ должностныхъ лицъ отдѣловъ утверждается совѣтомъ общества.

§ 8. Отдѣлы, въ случаѣ надобности, могутъ имѣть своего дѣлопроизводителя, избираемаго председателемъ.

§ 9. Въ случаѣ выбитія одного или вѣсколькихъ членовъ отдѣла, они замѣщаются другими, избираемыми общимъ собраніемъ отдѣла изъ мѣстныхъ членовъ общества.

§ 10. При выборѣ какъ должностныхъ лицъ, такъ и членовъ отдѣла, признается избраннымъ тотъ, кто получилъ наибольшее число голосовъ, если къ тому число это превосходитъ половину наличныхъ голосовъ.

§ 11. Члены мѣстныхъ отдѣловъ собираются для своихъ засѣданій по усмотрѣнію председателя. Всѣ дѣла въ оныхъ рѣшаются большинствомъ голосовъ. При равенствѣ голосовъ, голосъ председателя имѣетъ перевѣсъ, а для дѣйствительности рѣшенія необходимо присутствіе не менѣе четырехъ членовъ, кромѣ председателя или его товарища.

§ 12. Для сохраненія единства дѣйствій общества, мѣстные отдѣлы осуществляютъ свои предположенія не иначе, какъ съ утвержденія ихъ совѣтомъ общества.

§ 13. По окончаніи года мѣстные отдѣлы составляютъ отчеты о своей дѣятельности и о приходѣ и расходѣ суммъ и представляютъ оныя въ совѣтъ общества.

§ 14. Отдѣламъ предоставляется созывать общее собраніе мѣстныхъ членовъ общества: 1) для выбора должностныхъ лицъ отдѣловъ; 2) для чтенія годоваго отчета о своей дѣятельности, и 3) для обсужденія дѣлъ, разрѣшаемыхъ настоящимъ дополненіемъ къ уставу общества.

Списокъ лицъ Харьковской епархіи, коимъ преподано благословеніе Овятѣйшаго Синода съ выдачею установленныхъ грамотъ.

Прихожанамъ Петропавловской церкви, слободы Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда: графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ *Клейнмихель*, графинѣ Евдокии Васильевнѣ *Гендриковой*; прихожанамъ Троицкой церкви села Старой Рябины, Богодуховскаго уѣзда; прихожанамъ Андреевской церкви села Графскаго, Волчанскаго уѣзда; прихожанамъ Архангело-Михайловской церкви слободы Колядовки, Старобѣльскаго уѣзда; прихожанамъ Сошествіевской церкви слободы Малой Волчьей, Волчанскаго уѣзда.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Указомъ Правительствующаго Сената отъ 17 апрѣля 1885 года произведены въ чины за выслугу лѣтъ слѣдующія лица: а) по Харьковской духовной консисторіи—въ коллежскіе ассесоры: столоначальникъ титулярный совѣтникъ Семень *Калашниковъ*; въ титулярные совѣтники—регистраторъ, коллежскій секретарь Григорій *Макушинъ*; въ губернскіе секретари—канцелярскій чиновникъ, коллежскій регистраторъ Яковъ *Орловъ*; канцелярскій служитель Александръ *Акимовъ*—въ коллежскіе регистраторы; б) по Харьковской духовной семинаріи—въ коллежскіе совѣтники—надворные совѣтники, преподавателя: Алексѣй *Вертеловскій*, Федоръ *Садовъ*, Александръ *Снегиревъ*, Стефанъ *Пономаревъ* и Николай *Страховъ*; въ надворные совѣтники—преподаватель, коллежскій ассесоръ Василій *Извольскій*; въ коллежскіе ассесоры—преподаватель Михайль *Доброураховъ* и помощникъ инспектора, титулярный совѣтникъ Георгій *Фолте* и г) по Ахтырскому духовному училищу—смотритель училища надворный совѣтникъ, Матвѣй *Преображенскій* въ коллежскіе совѣтники, и учителя студенты семинаріи Петръ *Кохановскій* и Владиміръ *Сукачевъ*—въ коллежскіе секретари.

Указомъ Св. Синода отъ 31 марта 1885 года за № 1071 дано знать епархіальному начальству, что при Чугуевской кладбищенской Скорбященской церкви открытъ самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ священника и псаломщика.

— Священникъ Іоанно-Предтечевской церкви села Снѣжкова Кута, Валковскаго уѣзда, *Михаиль Лукашевъ* уволенъ отъ должности помощника благочиннаго 1 округа Валковскаго уѣзда, а на должность помощника благочиннаго по тому-же округу опредѣленъ священникъ Валковской Рождество-Богородичной церкви *Іоаннъ Федоровскій*.

— Священникъ Воскресенской церкви села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, *Петръ Дюковъ* опредѣленъ священникомъ къ Іоанно-Богословской церкви села Черемушнаго, Валковскаго уѣзда.

— Священникъ *Василій Краснокутскій* утвержденъ законоучителемъ Цареборисовскаго женскаго сельскаго училища, Изюмскаго уѣзда.

— Священникъ *Николай Линицкій* утвержденъ законоучителемъ Крючковскаго народнаго училища, Изюмскаго уѣзда.

— При Свято-Духовской церкви г. Харькова утверждены въ должности: діаконъ *Андрей Терновскій* въ должности штатнаго діакона, *Иванъ Прядкинъ*—штатнымъ псаломщикомъ.

— На праздно псаломщицкое мѣсто къ Преображенской церкви г. Харькова опредѣленъ воспитанникъ 2 класса семинаріи *Тихонъ Стенурскій*.

— На праздно псаломщицкое мѣсто къ Преображенской церкви г. Харькова переимѣненъ псаломщикъ Петро-Павловской церкви слоб. Ново-Бѣлгорода, Волчанскаго уѣзда, *Григорій Носовъ*.

— На праздно псаломщицкое мѣсто къ Свято-Духовской церкви г. Харькова переимѣненъ псаломщикъ Сергіе-Анастасіевской церкви слоб. Ольшаной, Лебединскаго уѣзда, *Федоръ Лободовскій*.

— Псаломщикъ, діаконъ Петро-Павловской церкви, сл. Ново-Бѣлгорода, Волчанскаго у., *Александръ Протопоповъ* утвержденъ штатнымъ псаломщикомъ, а на его мѣсто опредѣленъ штатнымъ псаломщикомъ и. д. псаломщика сл. Ольховатки *Иванъ Добромицкій*.

— Опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, священ. сынъ *Симеонъ Воробьевъ*.

— Въ слоб. Муратову, Старобѣльскаго у., опредѣленъ священникомъ воспитанникъ семинаріи *Петръ Ветуховъ*.

— Псаломщикъ Николаевской церкви слоб. Коломака, Валковскаго уѣзда, *Стефанъ Цоморцевъ* опредѣленъ штатнымъ діаконномъ къ той-же церкви.

— Псаломщикъ Успенской церкви заштатнаго города Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, *Феофилактъ Чаговецъ* уволенъ за штатъ, а на мѣсто его опредѣленъ сынъ священника *Василій Даишкiewiczъ*.

— Сынъ псаломщика *Стефанъ Заирафскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви слободы Коломака, Валковскаго уѣзда.

— Діаконъ Богодуховской Соборной Успенской церкви *Василій Лобковскій* утвержденъ штатнымъ діаконномъ къ той-же церкви.

— Псаломщики церквей, Богодуховскаго уѣзда, Архангело-Михайловской церкви слободы Рублевки: *Алексій Рахивскій* и Николаевской церкви села Лихачевки *Евменій Прокофьевъ* переимѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— Сынъ псаломщика *Григорій Петровскій* опредѣленъ на праздно псаломщицкое мѣсто къ Зміевской Соборной Троицкой церкви.

— Псаломщикъ Краснокутской Николаевской церкви, Богодуховскаго уѣзда, *Николай Снѣсаревскій*, согласно прошенію уволенъ отъ должности псаломщика, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ псаломщика *Петръ Базилевскій*.

— Псаломщикъ Богодуховской Соборной Успенской церкви, діаконъ *Григорій Антоновъ* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ Успенской церкви слободы Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Успенской церкви слободы Вольной, Богодуховскаго уѣзда, *Петръ Θεодоровъ* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ той-же церкви, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ псаломщика *Иванъ Понировскій*.

— Діаконъ Успенской церкви слободы Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, *Лукьянъ Слюсаревъ* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ той-же церкви.

— Окончившій курсъ въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ *Николай Артюховскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Богодуховской Соборной Успенской церкви.

— Діаконъ Покровской церкви слободы Ямной Богодуховскаго уѣзда, *Доросей Сукачевъ* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ означенной церкви.

— Сверхштатный псаломщикъ Митрофаніевской церкви села Полчнаго, Ахтырскаго уѣзда, *Илья Левецкій* утвержденъ 25 апрѣля н. г., согласно прошенію, штатнымъ псаломщикомъ сей-же церкви.

— Псаломщицкое мѣсто при Сергіе-Анастасіевской церкви сл. Ольшаной, Лебединскаго у., предоставлено 3 сего мая сыну псаломщика *Григорію Целрову*.

— Діаконъ Преображенской церкви г. Харькова *Іоаннъ Невпряминъ* 3 сего мая опредѣленъ священникомъ къ Всѣхвятской церкви сл. Малой Чернетчины, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Ахтырскаго Собора *Дмитрій Матвѣевъ* 3 мая опредѣленъ священникомъ къ Архангело-Михаиловской церкви села Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда.

— Опредѣлены псаломщиками къ Θεодоро-Стратилатовской церкви сл. Нижней Дуванки сынъ священника *Викторъ Грековъ* и къ Покровской церкви слоб. Ново-Никольска сынъ псаломщика *Павелъ Якубовичъ*.

— Утверждены церковными старостами: къ покровской ц. с. Полеваго Харьк. у. кр. *Степанъ Ів. Стеценко* на 8 трехлѣтіе; Николаевской ц. с. Мереры Харьк. у. кр. *Яковъ Ів. Фоменко* на 1 трехлѣтіе; Петро-Павловской ц. сл. Петро-Павловки Куп. у. кр. *Захарій Коваленко* на 1 трехлѣтіе; крестьянинъ *Дмитрій Десярненко* къ Іверско-Богородичной ц. с. Бѣжевки, Лебед. уѣзда; крестьянинъ *Іосифъ Курьяненко* къ Рождество-Богородичной ц. с. Будаляки, того-же уѣзда; крестьянинъ *Косма Кононъ* къ Николаевской ц. с. Деркачевки, того-же уѣзда; крестьянинъ *Іоаннъ*

Мокренко къ Екатериинской ц. с. Анниной, того-же уѣзда; кр. *Андрей Шабатура* къ Вознесенской ц. с. Скрыпаева, Зміевского у.

— Церковный староста Успенской церкви слоб. Краснополя, Ахтыр-скаго уѣзда, *Семенъ Отченаниъ* 25 апрѣля н. г. уволенъ согласно про-шенію отъ занимаемой имъ должности.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Псаломщицкія: 1) при Успенской церкви въ сл. *Рублевкѣ*, Богоду-ховскаго уѣзда; 2) при Рождество-Богородичной церкви въ слоб. *Ново-Россоши*, Старобѣльскаго уѣзда; 3) въ слоб. *Алисовкѣ*, Изюмскаго уѣзда, при Покровской церкви; 4) при Петро-Павловской сл. *Ново-Бѣлгороди*, Волчанскаго уѣзда.

П Р О Г Р А М М А

занятій съѣзда духовенства Купянскаго Училищнаго Округа, имѣющаго быть 11-го Іюня сего 1885 года. Утверждена Его Преосвященствомъ 14 апрѣля 1885 года.

1. Разсмотрѣніе журналовъ предыдущаго съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Преосвященства, послѣдовавшихъ на его журналахъ
2. Разсмотрѣніе смѣтъ прихода и расхода суммъ на 1886 годъ
3. Разсмотрѣніе вѣдочныхъ вѣдомостей за прошлый 1884 годъ.
4. Разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, по содержанію училища за 1884 г., а также журналовъ ревизионнаго комитета по повѣркѣ означеннаго отчета.
5. Объ изысканіи средствъ къ скорѣйшему устройству при училищѣ общежитія.
6. О приспособленіи стараго училищнаго дома къ помѣщенію въ немъ ученической больницы.
7. О постройкѣ сарая для храненія въ немъ разныхъ вещей.
8. Объ открытіи параллельныхъ классовъ.
9. О добавкѣ суммы на выдачу пособія бѣднымъ ученикамъ и объ увеличеніи размѣра самаго пособія.
10. О назначеніи вознагражденія за дѣлопроизводство по училищному правленію, возложенное Высочайше утвержденнымъ 22 августа 1884 года уставомъ духовныхъ училищъ на члена правленія изъ учителей.
11. Объ увеличеніи добавочнаго содержанія учителямъ нормаль-ныхъ классовъ.

12. О назначеніи добавочнаго содержанія учителю приготовительнаго класса.

13. Избраніе членовъ ревизіоннаго комитета на будущій 1886 г. и 14. Избраніе членовъ Правленія отъ духовенства и кандидатовъ къ нимъ.

С П И С О К Ъ

пожертвованій въ пользу пострадавшей отъ пожара семинарской церкви.

Въ пользу семинарской Иоанно-Богословской церкви, пострадавшей отъ пожара въ 1884 г., поступили пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ лицъ:

Отъ благочиннаго 1-го Зміевского уѣзда о протоіерея Алексія Сильванскаго 3 р.; отъ о. протоіерея Алексія Илларионова 2 р.; отъ священниковъ: о. Антонія Рудинскаго 1 р.; о. Иоанна Жада-новскаго 1 р.; о. Иоанна Попова (с. Тетлеги) 1 р.; о. Александра Василевскаго 1 р.; о. Иоанна Попова (с. Каменной-Яруги) 1 р. 50 к.; о. Павла Вышемірскаго 1 р.; о. Михаила Краснокутскаго 1 руб.; о. Θεофана Корнильева 1 р.; о. Алексія Пономарева 50 к.; о. Иоанна Раевского 50 к.; о. Петра Тимоеева 3 р.; о. Θεодора Тимоеева 2 р.; о. Иоанна Селезнева 1 р.; отъ о. діакона Іосифа Фаворова 20 к.; отъ псаломщиковъ: Михаила Семейкина 25 к.; Митрофапа Насѣдкина 20 к.; Онисима Слюсарева 35 к.; Константина Попова 35 к.; Василия Попова 25 к.; Или Василіева Кавскаго 50 к.; отъ причта Архангело-Миханловской церкви села Тарановки Зміевского уѣзда 1 руб. 90 коп.; отъ священника Харьковскаго земледѣльческаго училища о. Андрея Григоренкова 10 руб.; отъ священника с. Чупаховки, Лебединскаго уѣзда, о. Симеона Людикормина 3 р. и отъ харьковской крестьянки Д. Н. Ильченковой 1 р.; итого 38 р. 50 к. Всего съ преждепоступившими 1,703 руб. 4 коп.

Вышеноименованнымъ благотворителямъ Правленіе Харьковской духовной семинаріи долгомъ считаетъ выразить искреннюю и глубокую благодарность.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Перенесеніе чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери изъ Харькова въ Куряжскій монастырь и поученіе, сказанное въ этотъ день.—Поднесеніе прихожацами наперснаго креста своему пастырю.—Празднованіе въ Харьковѣ столѣтія со дня дарованія дворянству и городамъ грамотъ на права и привилегіи.—Извѣщеніе о печатаніи французскаго перевода „Анти-Эцикликъ“.—Некрологъ.

22 апрѣля, съ обычною торжественностію, при многочисленномъ стеченіи молящихся, собравшихся въ Харьковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей другихъ губерній, состоялось перенесеніе чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери изъ Харьковскаго Покровскаго монастыря въ Куряжскій. Торжественное шествіе, въ сопровожденіи преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, представителей власти и городского управленія и многотысячной толпы молящихся, началось по окончаніи Божественной литургіи, которую совершалъ преосвященный и на которой произнесъ поученіе Харьковской Николаевской церкви священникъ П. Ивановъ. Приводимъ въ подлинникѣ это поученіе:

„Сегодня мы собрались, слушатели, къ торжеству перенесенія чудотворной иконы Божіей Матери изъ нашего города въ Куряжскій монастырь. Нѣкоторые,—а можетъ быть, и многіе,—пришли изъ дальнихъ мѣстъ, жертвуя и своимъ временемъ, и скудными средствами, чтобы принять участіе въ предстоящемъ торжествѣ. Поэтому представляется умѣстнымъ, для нашего назиданія, остановитъ вниманіе на этомъ торжествѣ, которое называется крестнымъ ходомъ.

Крестные ходы установлены святою Церковію и совершаются въ разныя времена по различнымъ обстоятельствамъ, особенно радостнымъ или печальнымъ. Крестными ходами они называются потому, что впереди хода обыкновенно несутъ крестъ Христовъ.

Кромѣ креста Христова въ крестныхъ ходахъ несутъ взятые изъ храма иконы Спасителя, Божіей Матери, святителя Николая и другихъ святыхъ. Предъ иконами совершается кажденіе; несутъ горящія свѣчи въ фонаряхъ и хоругви. Каждая икона, по освященіи ея, свята; но есть разница между домашними иконами и тѣми, которыя находятся въ церкви: предъ домашними иконами молятся только семейные какого-либо дома, а предъ находящимися въ церкви молятся жители цѣлаго селенія или города. А Спаситель сказалъ: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Моє, ту есмь посредь ихъ.* (Матѣ. 18—20). Поэтому церковныя иконы ближе на-

ходятся подъ осѣненіемъ благодати храма, которая несомнѣнно пребываетъ со множествомъ молящихся. Тѣмъ болѣе преисполняются благодатию крестъ и Евангеліе, лежащіе на самомъ престолѣ, гдѣ невидимо присутствуетъ Самъ Господь.

Когда святые иконы выносятся изъ храма на крестный ходъ, то ими освящается все: освящается земля какъ-бы стопами Спасителя, Божіей Матери и святыхъ, которые проходятъ по ней въ своихъ ликахъ; очищается и освящается воздухъ благоуханіемъ омиама, вѣяніемъ хоругвей, пѣніемъ священныхъ пѣсней, окропленіемъ святой водою и осѣненіемъ на всѣ четыре стороны на престольнымъ крестомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливается крестный ходъ; освящается огонь отъ горящихъ свѣчей въ фонаряхъ; освящается вода погруженіемъ въ нее святаго креста, когда крестный ходъ совершается для освященія воды въ рѣкахъ или источникахъ. Отсюда становится понятнымъ, почему во время народныхъ бѣдствій совершаются крестные ходы; ими освящаются земля, воздухъ, огонь и вода,—тѣ стихіи, или начала, отъ которыхъ при правильномъ ихъ состояніи происходитъ наше благополучіе, а при неправильномъ—наши несчастія въ жизни.

Кромѣ того, крестными ходами поддерживается и укрѣпляется вѣра и благочестіе христіанское. Нерѣдко крестные ходы совершаются по случаю прекращенія народныхъ бѣдствій, напр. прекращенія эпидемической болѣзни, избавленія отъ нашествія непріятелей и т. п. Служа воспоминаніемъ милости и помощи Божіей, явленной въ прекращеніи бѣдствія, крестные ходы тѣмъ самымъ укрѣпляютъ нашу вѣру, что милосердый Господь и впредь не оставитъ насъ своими милостями; что Отецъ, какъ прежде, такъ теперь и всегда готовъ на помощь намъ, если будемъ того достойны. А такая вѣра приноситъ добрые плоды въ нашей жизни: она располагаетъ насъ къ дѣламъ благочестія христіанскаго,—къ дѣламъ любви, мира, долготерпѣнія, милосердія, кротости, воздержанія. (Галат. 5, 22 и 23). *А благочестіе, по словамъ апостола, на все полезно есть. обтѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго* (Тимоо. 4, 8).

Наконецъ, крестные ходы должны напоминать каждому изъ насъ, слушатели, и о нашихъ ходахъ, или путяхъ жизни. (Матѣ. 7, 13 и 14). По ученію Спасителя, пути нашей жизни бываютъ узкіе и широкіе. Узкій путь—это путь самоотверженія христіанскаго, путь со крестомъ, приводящій къ жизни вѣчной. Широкий путь—путь земныхъ радостей и удовольствій, часто превращаемый нами въ путь грѣха, страстей и преступленій,—путь, приводящій къ гибели вѣч-

ной. Если кто, взирая на предшествующій въ крестномъ ходѣ крестъ Спасителя, видитъ этотъ крестъ и въ своей жизни семейной или общественной, — да утѣшится таковой: онъ идетъ по вѣрному пути; онъ можетъ надѣяться, что трудный путь жизни ведетъ его къ сладкому отдыху и покою; что борьба со зломъ во имя добродѣтели приведетъ его къ побѣдѣ и торжеству. Напоминаемъ ему объ этомъ торжествѣ можетъ служить звонъ колоколовъ, которымъ обыкновенно сопровождается крестный ходъ. Если же кто, взирая на святой крестъ, въ своей жизни креста не замѣчаетъ, а напротивъ увидитъ, что онъ идетъ въ жизни едва-ли только не однимъ широкимъ путемъ, ведущимъ въ вѣчную пагубу: то, переходя въ крестномъ ходѣ отъ одного мѣста въ другое, пусть размыслитъ, не пора - ли и ему на своемъ широкомъ пути остановиться и перейти на путь узкій, — путь самоиспытанія, самоусовершенія, самоотверженія, ведущій отъ міра къ Богу, отъ земли къ небу.

Такъ, слушатели, крестные ходы, какъ и всѣ учрежденія нашей православной Церкви, имѣютъ глубокое значеніе и назидательны для насъ. Поэтому участвовать въ крестныхъ ходахъ мы должны не изъ любопытства или иного какого-нибудь побужденія, а для того, чтобы въ общей церковной молитвѣ едиными устами и единымъ сердцемъ или воздавать хвалу и благодареніе Богу за оказанныя благодѣянія, или просить Его о новыхъ милостяхъ для насъ грѣшныхъ. Аминь“.

— 23 апрѣля прихожане Троицкой церкви слободы Боромли Ахтырскаго уѣзда, съ разрѣшенія Его Преосвященства Амвросія епископа Харьковскаго преподнесли своему священнику отцу протоіерею Георгію Стаховскому, который 35 лѣтъ состоитъ священникомъ при Троицкой церкви, золотой наперсный крестъ. По этому случаю божественная литургія была совершена особенно торжественно. Во время службы пѣлъ прекрасный хоръ, который былъ организованъ юбиляромъ. Литургію совершалъ одинъ изъ харьковскихъ протоіереевъ соборне съ юбиляромъ и двумя священниками, пріѣхавшими нарочно на юбилей. Послѣ обѣдни мѣстный мировой судья И. И. Якубинскій прочиталъ адресъ, который подписали прихожане юбиляру. Въ адресѣ прихожане благодарятъ о. протоіерея за отличное исполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей, за проповѣдничество, за устройство хора, за служеніе каждую среду, уже болѣе 20-ти лѣтъ, акафиста Божіей Матери „всѣхъ скорбящихъ радости“ и т. д. Послѣ прочтенія адреса мировой судья передалъ юбиляру золотой наперсный крестъ, который тотъ тотчасъ возло-

жилъ на себя. Послѣ этого юбиляръ въ прочувствованной рѣчи благодарилъ прихожанъ за ихъ любовь къ нему, приписывалъ заслугу не себѣ, а помощи Божіей и т. п. Рѣчь свою юбиляръ окончилъ приглашеніемъ помолиться Богу и возблагодарить Его за такое единеніе пастыря и его паствы. По окончаніи молебна почтенный харьковскій протоіерей привѣтствовалъ юбиляра, своего стараго товарища по семинаріи, краткой рѣчью, глубокой какъ по содержанию, такъ и по чувствамъ, выраженнымъ въ ней. Юбиляръ послѣ молебна пригласилъ прихожанъ къ себѣ отвѣдать хлѣба и соли. Радужные хозяева принимали каждого одинаково любезно, и обѣдъ прошелъ весело и оживленно. День 23 апрѣля навсегда запечатлѣется въ сердцахъ каждого изъ присутствовавшихъ на торжествѣ. Почтенный юбиляръ въ этотъ день былъ именинникъ и кромѣ того получилъ указъ о производствѣ его въ протоіереи.

— 21-го апрѣля дворянство праздновало столѣтній юбилей со времени дарованія Императрицею Екатериною II грамоты на права, вольности и преимущества російскаго дворянства. Праздникъ начался въ нижнемъ залѣ зданія дворянскаго собранія, куда къ 10 часамъ собрались дворяне. Зданіе и лежащій противъ него скверъ съ утра украшены были флагами; самый залъ декорированъ былъ зеленью и цвѣтами. На эстрадѣ, среди живыхъ цвѣтовъ и зелени, виднѣлся бюстъ Екатерины Великой; на той-же эстрадѣ поставленъ былъ для гг. предводителей дворянства столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а передъ нимъ на роскошномъ столѣ и шелковой подушкѣ лежала грамота Екатерины. Въ 10 час. въ залъ прибылъ г. начальникъ губерніи баронъ А. А. Иккуль и объявилъ чрезвычайное губернское дворянское собраніе открытымъ.

Вслѣдъ затѣмъ гг. предводители дворянства и гг. дворяне отправились въ Каѳедральный соборъ, въ которомъ преосвященнѣйшій Амвросій, епископъ Харьковскій и Ахтырскій, съ духовенствомъ совершилъ Божественную литургію и заупокойную панихиду по въ Бозѣ почившей Императрицѣ Екатеринѣ II. При богослуженіи присутствовали, кромѣ гг. дворянъ, командующій войсками генералъ-адъютантъ Ф. Ф. Радецкій, г. начальникъ губерніи баронъ А. А. Иккуль, г. попечитель учебнаго округа Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, предсѣдатель судебной палаты В. Р. Завадскій, высшія начальствующія лица, г. городской голова, представители другихъ сословій и общественныхъ учрежденій и масса молящагося народа.

Приглашеніе участвовать въ дворянскомъ праздникѣ получили г. городской голова и представители купеческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго сословій.

Въ 12-мъ часу дня въ залъ дворянскаго собранія прибылъ преосвященнѣйшій Амвросій и въ сослуженіи четырехъ протоіереевъ совершилъ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему царствующему Дому и россійскому благородному дворянству и вѣчной памяти Императрицѣ Екатеринѣ II. Въ качествѣ приглашенныхъ харьковскимъ дворянствомъ гостей присутствовали: командующій войсками, начальникъ губерніи, попечитель учебнаго округа, предсѣдатель судебной палаты, вице-губернаторъ, ректоръ университета, много генераловъ, представители различныхъ учреждений, городской голова, представители другихъ сословій. Многія изъ этихъ лицъ оставались въ особыхъ отведенныхъ для нихъ мѣстахъ и во время происходившаго затѣмъ засѣданія губернскаго дворянскаго собранія. На хорахъ и въ огороженномъ подъ хорами мѣстѣ находилась посторонняя публика, состоявшая главнымъ образомъ изъ дамъ. По окончаніи молебствія хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ исполненъ былъ народный гимнъ два раза, сопровождавшійся громкимъ „ура“ дворянъ.

По удаленіи изъ зала преосвященнаго владыки и духовенства и послѣ небольшого перерыва губернскій предводитель дворянства А. Р. Шидловскій открылъ собраніе рѣчью. Онъ указалъ на значеніе чествуемаго праздника — столѣтія дарованія дворянской грамоты, того законодательнаго акта, которымъ съ точностію опредѣлены высокія права какъ каждаго дворянина, такъ и дворянскихъ корпорацій, которымъ опредѣлены правила о собраніяхъ и выборѣ должностей дворянскихъ, которымъ великая государыня признала заслуги дворянства. Не всѣ дарованныя права сохранились до нынѣ, но многія важныя изъ нихъ остались. Дворянамъ уже не принадлежитъ выборъ въ судейскія и полицейскія должности, они не свободны отъ воинской повинности; но дворянамъ по прежнему предоставлено собираться въ свои собранія, обсуждать свои нужды, возбуждать ходатайства передъ правительствомъ и даже передъ Государемъ. Они избираютъ предводителей, денугатовъ въ депутатское собраніе: все это весьма важно, если взять во вниманіе, что уѣзднымъ предводителямъ предоставлено предсѣдательство и, такъ сказать, руководство въ очень многихъ учрежденіяхъ. Но особенно что сохранилось до нашихъ дней у дворянства—это выраженное въ грамотѣ Екатерины значеніе и положеніе его въ государствѣ и русскомъ обществѣ. Что такой взглядъ Императрицы на дворянство не былъ ошибоченъ—показала столѣтняя исторія: много было

въ ней неблагопріятныхъ моментовъ, когда дворянство, повидимому, должно было уступить другимъ элементамъ, но оно сохранило себя и заняло въ новыхъ учрежденіяхъ подобающее ему мѣсто, какъ нравственно руководящая сила. Тайна такого значенія дворянства заключается въ томъ, что оно всегда имѣло въ виду общее благо, интересы всѣхъ сословій, а не исключительно узкіе свои сословные интересы. Черезъ 100 лѣтъ это значеніе не только не утратилось, но еще болѣе утвердилось довѣріе къ дворянству и къ нему обращаются какъ къ сословію, могущему по преимуществу поддержать порядокъ. Это признаютъ и общество и печать. Вспоминая мудрость Императрицы Екатерины, дворяне должны, воодушевляясь началами, положенными въ знаменитую грамоту, стремиться къ сохраненію своей нравственной силы и значенія и имѣть всегда въ виду общее благо. Въ этомъ смыслѣ нынѣшній дворянскій праздникъ есть праздникъ всѣхъ классовъ общества.

Мы привели здѣсь только сколокъ краснорѣчивой рѣчи, вызвавшей громъ рукоплесканій собранія.

Послѣ этой рѣчи, во исполненіе постановленія послѣдняго очереднаго губернскаго дворянскаго собранія, была прочтена грамота Екатерины II; ее читали А. Р. Шидловскій и Л. В. Иллѣшевичъ.

Затѣмъ по предложенію г. предсѣдателя рѣшено было выразить въ вѣрноподданческомъ адресѣ Государю Императору воодушевляющія харьковское дворянство чувства. Проектъ адреса принятъ единогласно, при громогласномъ „ура“ присутствующихъ.

Собраніе подтвердило свое постановленіе, принятое въ очередную сессию, о сооруженіи въ зданіи дворянскаго собранія одной изъ столицъ памятника Екатерины Великой, по соглашенію съ дворянствами другихъ губерній, на что ассигновано 3,000 руб. Сверхъ того ассигновано 500 р. и 250 р. на присоединеніе къ капиталу, который образуется по инициативѣ таврическаго дворянства для выдачи премій первой и второй за лучшее сочиненіе по исторіи русскаго дворянства. Далѣе рѣшено мысль о дворянскомъ балѣ осуществить во время предстоящей осенней сессіи, на что ассигновать до 1500 руб. Ассигновано также до 2000 руб. на выдачу въ память празднованія полугодоваго жалованья служащимъ въ депутатскомъ собраніи и въ канцеляріи г. губернскаго предводителя.

Мы уже сообщали, что къ столѣтнему юбилею дарованія правъ дворянству г. предводителемъ дворянства Зміевскаго уѣзда Л. В. Иллѣшевичемъ издано сочиненіе: „Краткій очеркъ дворянства Харьковской губерніи“. По предложенію г. предсѣдателя, собраніе вы-

разило благодарность Л. В. Илляшевичу, на что послѣдній отвѣтилъ краткой рѣчью, изъявивъ готовность дополнить свой трудъ, если гг. дворяне благоволятъ доставить ему нужные историческіе матеріалы.

Собраніе близилось уже къ концу, когда г. председателемъ получена была отъ г. начальника губерніи телеграмма о новомъ знакѣ Монаршаго благоволенія къ дворянскому сословію, выразившемся въ Высочайшемъ рескриптѣ. Приводимъ текстъ этого рескрипта: „Благородному Россійскому дворянству. Въ день 21 апрѣля 1785 года, приснопамятная прабабка Наша Императрица Екатерина II признала за благо, жалованною Грамотою положить основаніе, въ ряду сословій Россійскаго Государства, благородному сословію дворянства, принявшему начало свое отъ служилыхъ издревле родовъ, кои, обращая самую службу въ достоинство, приобрѣли своему потомству нарицаніе благородное, при семъ Монархиня всенародно свидѣтельствовала Свою признательность дворянству за заслуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность Самодержцамъ Россійскимъ, оказанныя въ наисмутнѣйшія времена какъ въ войнѣ, такъ и посреди мира. Нынѣ исполнилось СТО лѣтъ со дня пожалованія Грамоты; дворянство Россійское, слѣдуя завѣту предковъ, служить вѣрой и правдой Государеву службѣ, и, полагая благородство въ вѣрности и честь свою въ правдѣ, неуклонно служило Царямъ земли Русской главною опорой въ управленіи государствомъ и въ оборонѣ отъ враговъ внѣшнихъ; въ трудные-же дни испытаній съ безпримѣрнымъ одушевленіемъ, какъ одинъ человекъ, отзывалось на призывъ отечества. Сердцу Нашему пріятно признать сіе, и Царскимъ словомъ Нашимъ засвидѣтельствовать. И въ недавнее время, когда по призыву Монарха, незабвеннаго Нашего Родителя, потребовалось приступить къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, дворянство отозвалось на сей призывъ съ готовностью и, понеся при семъ не малыя жертвы въ достояніи своемъ, явило примѣръ великодушія, рѣдкій въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ. Въ нынѣшній замѣчательный день, останавливаясь признательною мыслью на исторіи благороднаго сословія, нераздѣльной съ исторіей Государства и народа Россійскаго, Мы твердо уповаемъ, что сыны доблестныхъ отцевъ, послужившихъ Государству, явятъ себя достойными членами сего сословія на службѣ отечеству. Попеченіе Наше обращено при семъ на то, чтобы облегчить имъ способы и впредь выполнять съ честью столь высокое призваніе. Во вниманіе къ нуждамъ дворянскаго помѣстнаго землевладѣнія, во многихъ мѣстахъ разстроены

наго оскуденіемъ хозяйственныхъ средствъ и затрудненіемъ кредита, Мы повелѣли министру финансовъ приступить, на указанныхъ Нами началахъ, къ учрежденію особаго „Дворянскаго Земельнаго Банка“, дабы дворяне тѣмъ болѣе привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ, преимущественно, приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія. Не сомнѣваясь, что пролонженію сей дѣятельности соотвѣтствовать будутъ доблестныя успѣхи и на другихъ поприщахъ, издавна указанныхъ дворянству исторіей и волею Монарховъ, Мы, для пользы Государства, признаемъ за благо, чтобы Россійскіе дворяне и нынѣ, какъ и въ прежнее время, сохранили первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія. Свидѣтельство неизмѣннаго Монаршаго благоволенія на пороѣ наступающаго столѣтія, да послужитъ Россіянамъ, принадлежащимъ къ благородному сословію, новымъ возбужденіемъ къ вѣрному усердію въ служеніи своемъ на пользу Государству. Отцы и матери да потщатся воспитывать дѣтей своихъ, будущій родъ Россійскаго дворянства, въ духъ вѣры, воспитавшей и утвердившей Россію, въ правилахъ чести, въ простыхъ обычаяхъ жизни, въ неизмѣнной преданности Престолу и истинному благу отечества“. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
„АЛЕКСАНДРЪ“.

Трудно описать восторгъ собранія при вѣсти, о такой милости Монарха. Троекратное „ура“ продолжалось нѣсколько минутъ. Тутъ же рѣшено было послать по телеграфу на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выраженія воодушевляющихъ собраніе вѣрнопоподданническихъ чувствъ. По предложенію графа Сиверса было постановлено отпечатанный экземпляръ Рескрипта навсегда помѣстить въ рамкѣ въ затѣ собранія у подножія портрета Государя Императора.

Въ заключеніе собраніе горячо благодарило съ двукратными аплодисментами своего предсѣдателя А. Р. Шидловскаго, которому, какъ извѣстно, первому въ Россіи принадлежитъ инициатива чествованія столѣтняго юбилея дарованія дворянской грамоты. „Я старался всегда быть выразителемъ вашихъ чувствъ, мм. гг.“ — отвѣтилъ г. предсѣдатель, закрывшій затѣмъ собраніе и напомнившій, что въ 6 1/2 часовъ назначенъ дворянскій обѣдъ.

— Въ этотъ-же день праздновало и Харьковское вѣчно-цеховое

общество столѣтіе со времени дарованія правъ цеховымъ обществамъ Россіи. Члены общества слушали Божественную литургію въ Троицкой церкви, откуда совершенъ былъ крестный ходъ въ домъ цеховаго Общества на Рыбной улицѣ. Здѣсь въ залѣ собраній совершены были панихида по въ Божѣ почившей Императрицѣ Екатеринѣ II и молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему царствующему Дому, въ присутствіи г. начальника губерніи барона А. А. Икскуль, г. городского головы, представителей общественнаго городского и цеховаго управленій и членовъ цеховаго общества. Цеховымъ старостою и депутатами былъ представленъ г. начальнику губерніи для поверженія къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора всеподданнѣйшій адресъ, съ выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ Харьковскаго цеховаго общества. Исполненіе пѣвчими Троицкой церкви народнаго гимна встрѣчено было восторженнымъ „ура“. Въ память этого празднованія Харьковское цеховое общество сложило 5000 р. недоимокъ съ бѣднѣйшихъ сообщественниковъ. Однимъ изъ членовъ этого общества г. Трофимовымъ дано обѣщаніе сдѣлать на свой счетъ парадный входъ въ домъ, принадлежащій обществу.

— Городъ праздновалъ знаменательный для него день 28-го числа. Въ празднованіи приняли участіе по приглашенію отъ городского управленія г. командующій войсками, генераль-адъютантъ Ф. Ф. Радецкій, г. начальникъ губерніи баронъ А. А. Икскуль, командиръ 10 корпуса А. А. Свѣчинъ, губернский предводитель дворянства А. Р. Шидловскій, вице-губернаторъ В. О. Сосновскій, ректоръ университета Ш. Ш. Щелковъ, прокуроръ судебной палаты П. П. Закревскій, предсѣдатель окружнаго суда А. П. Буришевъ, управляющій государственными имуществами Н. И. Лоранъ, управляющій К. Х. Азовской ж.-д. дорогою В. А. Ивановъ, г. начальникъ расположенной въ Харьковѣ и окрестностяхъ дивизіи, командиры орловскаго, тамбовскаго и пензенскаго полковъ, командиры двухъ резервныхъ баталіоновъ и очень много другихъ приглашенныхъ лицъ. Послѣ литургіи въ Каѳедральномъ соборѣ была совершена панихида по въ Божѣ почившихъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й и Императорѣ Александрѣ II-мъ, преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ съ духовенствомъ; затѣмъ празднованіе началось въ новомъ городскомъ домѣ, украшенномъ флагами. Парадный входъ въ домъ, а также залъ

думскихъ засѣданій съ большимъ вкусомъ были убраны растеніями и живыми цвѣтами, среди зелени виднѣлись бюсты Екатерины II-й и портреты Государя Императора и Императора Александра II. Грамота Екатерины II лежала на роскошномъ столѣ и шелковой подушкѣ, а городское знамя стояло по лѣвую сторону портрета Государя. Въ 1-мъ часу дня прибылъ преосвященнѣйшій Амвросій съ духовенствомъ и совершилъ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему царствующему Дому, вѣчной памяти Императрицѣ Екатеринѣ II и Императору Александру II и многолѣтія Харьковскому городскому обществу, его представителямъ и всѣмъ градскимъ жителямъ. По окончаніи молебствія и окропленія дома св. водою, преосвященнѣйшій владыка сказалъ краснорѣчивое слово. Когда затѣмъ хоръ пѣвчихъ исполнилъ народный гимнъ, присутствовавшіе заставили повторить его восторженнымъ „ура“.

Г. головой предложенъ былъ почетнымъ гостямъ и гг. гласнымъ чай, кофе, шеколадъ. Затѣмъ было открыто торжественное засѣданіе думы. При этомъ г. голова сказалъ весьма содержательную рѣчь, которая встрѣчена была громкими аплодисментами. Затѣмъ г. голова обратился къ думѣ съ слѣдующими словами:

„Гг. гласные!

„Окончивъ свой краткій очеркъ организациі городского управленія, дарованнаго городамъ 1785 г., я глубоко вѣрю, что всѣ вы раздѣлите мое предложеніе выразить Государю Императору наши вѣрноподданническія чувства путемъ составленія всеподданнѣйшаго адреса, при чемъ я беру на себя смѣлость, гг. гласные, предложить вамъ почтительнѣйше просить Государя о милостивомъ разрѣшеніи поставить въ настоящей думской залѣ нашихъ засѣданій царскіе бюсты Государыни Императрицы Екатерины II и Императора Александра II“.

Предложеніе было принято единогласно и г. голова прочелъ проектъ адреса, утвержденный также единогласно. Затѣмъ адресъ снова выслушанъ былъ стоя и покрытъ единодушнымъ „ура“, послѣ чего хоръ военной музыки исполнилъ народный гимнъ „Боже, Царя храни“.

Въ теченіи остальной части засѣданія дума выслушала краткій очеркъ исторіи городского дома (читалъ г. секретарь), причемъ постановлено выбрать депутатовъ въ лицѣ гг. С. М. Акименко, Кузнецова, Пономарева, Жевержеева и Алчевскаго для принесенія благодарности предсѣдателю строительной комиссіи К. П. Величчен-

ко, которому богушнъ помѣшала присутствовать въ собраніи, и выразить благодарность Е. С. Гордѣенко за инициативу постройки дома; принято предложеніе г. головы о назначеніи преміи въ 500 руб. за лучшее сочиненіе по исторіи Харькова и его самоуправленія въ послѣднія 100 лѣтъ.

Праздникъ закончился завтракомъ, сопровождавшимся многочисленными тостами. Первый тостъ, принятый восторженными криками, предложенъ былъ г. начальникомъ губерніи за здоровье Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства.

— Въ 1-й апрѣльской книжкѣ нашего журнала (въ отдѣлѣ „Листка“, стр. 199) мы объявили, что почтенный издатель L'union chrétienne, о. Владиміръ Геттэ съ апрѣля мѣсяца, какъ времени, совпадающаго съ празднованіемъ памяти свв. Кирилла и Меѳодія, начинаетъ печатать въ своемъ журналѣ французскій переводъ „Анти-эпиклики“. Дѣйствительно, предположеніе это осуществилось и мы имѣли удовольствіе читать начало перевода, помѣщеннаго на первыхъ страницахъ апрѣльской книжки, заключающее въ себѣ вступленіе (съ небольшими измѣненіями противу подлинника, приспособительно къ обстоятельствамъ теперешняго времени) и первые два отдѣла сочиненія. Насколько можемъ судить о достоинствѣ французскаго изложенія, мы нашли переводъ правильнымъ, точнымъ, выдерживающимъ всю силу и выразительность оригинала. Надѣемся, что воспроизведеніемъ этого сочиненія на общедоступномъ французскомъ языкѣ неправота притязаній папы Льва XIII на принадлежность свв. Кирилла и Меѳодія Западу и основываемаго на нихъ посягательства римской пропаганды на православіе славянъ обличатся во всей наготѣ предъ лицомъ всего христіанствующаго міра и посрамятся напскіе замыслы на пріобрѣтеніе простыхъ славянскихъ душъ на югѣ въ возмѣщеніе утраченныхъ на западѣ. Такого результата мы считаемъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать, что сочиненіе, какъ мы о томъ извѣщены, въ переводѣ будетъ усилено и обострено прибавкою новыхъ обличительныхъ для католичества документовъ и внесеніемъ въ него подходящихъ мѣстъ изъ написаннаго въ защиту его „Отвѣта“, который не предназначается къ переводу. Для большаго же распространенія перевода, мы просили-бы почтеннаго нашего собрата и по труду, и по служенію, изготовить его и въ отдѣльныхъ оттискахъ въ достаточномъ количествѣ для тѣхъ иностранцевъ, которые не получаютъ самаго журнала, но пожелаютъ прочесть отдѣльно вышедшее изъ него сочиненіе, такъ сильно затрогивающее интересы вѣры; а такъ-

же и для тѣхъ нашихъ соотечественниковъ и особенно соотечественницъ, которыя, пренебрегая всѣмъ русскимъ, тѣмъ не менѣе охотно пріймутъ русское-же произведеніе, но во французскомъ нарядѣ и удостоятъ дать ему мѣсто въ своихъ кабинетахъ и будуарахъ.

Такимъ образомъ, наше празднество въ честь Кирилла и Меодія, при всемъ его миролюбивомъ и безпритязательномъ характерѣ, въ концѣ концовъ, неожиданно и невольно получаетъ полемическій отбѣнокъ. Обнародованіе „Анти-энциклики“ какъ будто-бы нарочно направлено къ отраженію тѣхъ тенденціозныхъ брошюръ и памфлетовъ, которыми католическая пресса, на прельщеніе православныхъ славянъ, думала раздуть празднество до грандіозныхъ размѣровъ, и въ отвѣдъ тѣмъ пастырскимъ посланіямъ, которыми католическіе епископы, съ Штрессмайеромъ во главѣ, потерпѣвшіе фіаско въ обще-славянскомъ празднествѣ, пытаются вновь возбудить въ своихъ славянскихъ наствахъ ревность и усердіе къ памяти Первоучителей и приглашаютъ на новое, готовимое ими на 5-е іюля, празднество.

Видимо, неудача преслѣдуетъ католичество, и рука Промысла побораеъ православію, какъ дѣлу правому!

Н Е К Р О Л О Г Ъ

Апрѣля 7 дня н. г., въ 2 часа утра, скончался священникъ Троицкой церкви, слободы Вахмутовки, Старобѣльскаго уѣзда, *Антоній Андриановичъ Уманцевъ* 41 года. Покойный родился въ слободѣ Шульгинкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ священникомъ; воспитывался въ Харьковской семинаріи и по окончаніи курса въ оной въ 1865 году во 2 разрядѣ, рукоположенъ во священника къ Троицкой церкви слоб. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, 1866 года апрѣля 28; по прошенію переимененъ къ Николаевской церкви той же слободы помощникомъ настоятеля 1874 г. мая 16; за усердное исполненіе священническихъ обязанностей, награжденъ набедренникомъ—1875 г. января 7-го. Переимененъ по прошенію въ сл. Вахмутовку 1879 г. января 10 дня. Недолга была земная жизнь покойнаго о. Антонія, но и въ продолженіи оной, ему суждено было нести тяжелый крестъ. Оставшись вдовцомъ съ 5-ю малолѣтними дѣтьми, покойный 8 лѣтъ боролся съ своимъ горемъ и нуждой; положеніе его было въ высшей степени безотраднo. Съ опредѣленіемъ 4-хъ дѣтей въ училища, изъ коихъ старшій сынъ обучался въ 5 классѣ Старобѣльскаго гимназіи на содержаніи отца, два сына въ Купянскомъ духовномъ училищѣ,—одинъ на содержаніи отца, а другой—на полуказенномъ содержаніи, и дочь

въ епархіальномъ женскомъ училищѣ—на содержаніи отца, при немъ находилась только младшая дочь 11 лѣтъ. Покойный чрезвычайно беспокоился о томъ, что добываемыхъ имъ средствъ далеко не доставало на содержаніе дѣтей, почему онъ вынужденъ былъ входить въ долги. Эти заботы и тяжелое положеніе одинокаго человѣка, получившаго образованіе, но жившаго въ приходѣ глухомъ, окруженномъ неприглядною мѣстностію, лишенномъ людей образованныхъ, съ которыми, хотя изрѣдка, можно было бы подѣлиться живымъ словомъ, вредно подѣйствовали на его здоровье. Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ лишился сна, вследствие чего и долженъ былъ прибѣгнуть къ медицинской помощи. Медицина совѣтовала ему, кромѣ прописки дорогихъ лекарствъ, разныя развлеченія, поѣздки, воды цѣлебныя и все то, что недоступно бѣдному сельскому священнику, да еще отцу 5-ти малолѣтнихъ дѣтей. Наканунѣ своей смерти 6-го апрѣля, покойный о. Антоній, служилъ вечерню и послѣ оной отправилъ нѣсколько панихидъ; бывшіе въ церкви замѣтили, что ему уже было какъ-то не по себѣ. По приходѣ изъ церкви домой, онъ, закусивъ немного, прилегъ на постель не раздѣваясь; около полуночи проснулся и началъ ходить по своей комнатѣ; затѣмъ вошелъ въ сосѣднюю комнатку, гдѣ спала жившая съ нимъ меньшая дочь, прилегъ на постель и чрезъ нѣсколько времени скончался. Покойный своего дома не имѣлъ,—жилъ въ церковномъ докѣ и состоянія никакого не оставилъ; долгу имѣлъ болѣе 300 рублей. О. Антоній отличался правдивостію и честностію, за что и пользовался расположеніемъ окружнаго духовенства; прихожане также любили его за его простоту и непритязательность. Погребеніе надъ почившимъ было совершено 9-го апрѣля мѣстнымъ благочиннымъ, при участіи 4-хъ священниковъ и 2-хъ діаконѣвъ. Въ рѣчи, сказанной при погребеніи, благочинный просилъ прихожанъ оказать помощь матеріальную сиротамъ умершаго, а затѣмъ открылъ подписку по округу въ пользу сиротъ, давшую *сто пять рублей 50 коп.*; деньги отправлены въ епархіальное попечительство. Дальнѣйшее попеченіе о судьбѣ сиротъ принялъ на себя родной ихъ дядя по матери, священникъ слободы Ново-Александровки, Изюмскаго уѣзда, о. Іоаннъ Смирскій.

Благочинный, священникъ *Василій Алексѣевскій.*

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Б. В. ХАВКИНА,

Московская улица, № 18, Зарьковъ.

ПРОДАЕТСЯ ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО

къ составленію

ДОМАШНЯГО ДУХОВНАГО ЗАВѢЩАНІЯ

согласно закону, указаніямъ науки права и разъясненіямъ правительствующаго сената.

В. А. Вѣлинскаго.

Цѣна 1 руб. (съ пересылкой).

Въ вышедшей подъ такимъ заглавіемъ книгѣ, составленной г. Вѣлинскимъ, послѣдовательно изложены всѣ узаконенія о духовныхъ завѣщаніяхъ, причемъ къ тексту статей X т. I ч. и временнымъ правиламъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, 5-го апрѣля 1869 года, приведены соответствующія кассационныя рѣшенія.

Въ концѣ книги приложенъ образецъ домашняго духовнаго завѣщанія и цѣликомъ нѣкоторыя узаконенія о духовныхъ завѣщаніяхъ, вышедшія въ послѣднее время. Въ такомъ видѣ эта книга можемъ служить полезнымъ пособіемъ для лицъ, желающихъ обойтись безъ помощи юриста въ дѣлѣ составленія духовнаго завѣщанія. (Срав. Вѣстн., отъ 12-го апрѣля 1884 г. № 81).

Отъ редакціи

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАГО ВѢСТНИКА“.

Въ редакціи газеты „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ имѣются въ остаткѣ „Календари для духовенства на 1881, 1882, 1883 и 1884 годы“, кои могутъ быть пущены въ отдѣльную продажу, по 1 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Кромѣ указовъ Св. Синода за указанные годы, различныхъ уставовъ братствъ, епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, эмеритальныхъ кассъ и подобныхъ справочныхъ свѣдѣній, въ „Календарѣ для духовенства“ за означенные годы, между прочимъ, содержатся слѣдующія статьи: 1) Въ календарѣ на 1881 годъ: журналы учебнаго комитета при Св. Синодѣ объ устройствѣ воспитательной части въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, правила выборовъ состава церковно-приходскихъ попечительствъ, правила о порядкѣ производства содержанія городскому и сельскому духовенству, табель срочнымъ свѣдѣніямъ и донесеніямъ по духовному вѣдомству, наставленіе м. Филарета духовнымъ увѣщателямъ, сравнительный очеркъ епархіальной дѣятельности по свѣчной операци и др. 2) Календарь на 1882 годъ заключаетъ въ себѣ возможно полный сводъ всѣхъ законоположеній по духовному вѣдомству и, между прочимъ, статью „Церковное пѣніе и музыкально-педагогическая его литература“. 3) Въ Календарѣ на 1883 годъ, между прочимъ, помѣщены: предположенія относительно противодѣйствія ученію сектантовъ, наставленіе благочинному миссіонеру, программа церковно-приходской лѣтписи, программа по церковному пѣнію, епархіальное законодательство за 1882 годъ и банковыя свѣдѣнія (отъ государственнаго банка). 4) Календарь на 1884 годъ содержитъ сводъ епархіальнаго законодательства за 1883 годъ и частію за 1882 годъ по разнообразнымъ вопросамъ пастырской практики, а также уставъ женскихъ епархіальныхъ училищъ со всѣми послѣдовавшими къ нему дополненіями и разъясненіями и программу обученія пѣнію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ объяснительною къ ней запискою.

Подписка на „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ 1885 г. продолжается. Подписная цѣна: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р. Всѣмъ подписчикамъ годовымъ и полугодовымъ высылается безплатно „Календарь для духовенства на 1885 годъ“. Въ этомъ „Календарѣ“, заключающемъ въ себѣ 400 страницъ, помѣщены, между многими другими, полезными и нужными для духовенства свѣдѣніями, появляющіеся въ печати въ первый разъ и отличающіеся вполне практическимъ характеромъ, „Советы учителямъ двухлѣтнихъ деревенскихъ школъ грамотности“. Въ этомъ-же „Календарѣ“ напечатанъ полный алфавитный указатель статей, вошедшій въ изданіе редакціей „Календаря для духовенства“ за всѣ 11 лѣтъ издавія, съ 1874 по 1884 г. включительно. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Троицк. пер., д. № 3-й.

Редакторъ-Издатель А. И. Поповичій.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-
мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять час-
тей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части
Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла,
вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую
часть составить собою „Листокъ для Харьковской епар-
хїи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ
особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.


Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.